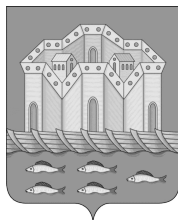

Роза Ахтямова

Связжск - остров любви

Сентиментальная повесть

УДК 821.161.1 (574)
ББК 84 (2 Рус-Каз) -44
А 95

Ахтямова Р.
А 95 Свяжск – остров любви: Сентиментальная повесть
– Алматы: Агентство «Цитрус», 2019. – 312с.

ISBN 978-601-06-5763-2

Название сентиментальной повести Розы Ахтямовой «Свяжск – остров любви» говорит само за себя. Это история о первой любви, искренней и светлой, несущей людям радость и смятение. История, герои которой находятся в столь нежном возрасте, что читатель просто не в силах безучастно наблюдать за ними, сопереживая каждому.

Эта история любви, произошедшая однажды на живописном острове с чудным названием Свяжск (остров-град – гордость Татарстана – расположен в менее чем часе езды от Казани). Некоторый налет документальности не лишает повесть Розы Ахтямовой очарования, которое, впрочем, присуще и другим произведениям российского писателя.

Хотя тема любви стара как мир, но по-прежнему вызывает искренний интерес у каждого, кто когда-то любил и был любимым. А, значит, новая книга Розы Ахтямовой обязательно найдет своих поклонников и займет заслуженное место в современной литературе Татарстана (Россия) и Казахстана, где писатель жила и творила многие годы.

УДК 821.161.1 (574)
ББК 84 (2 Рус-Каз) -44

ISBN 978-601-06-5763-2

© Ахтямова Р. З., 2019
© Цитрус, 2019

К читателю

Сентиментальная повесть «Свияжск – остров любви» могла стать единственной книгой автора. Мало того, этой книги могло и не быть.

Дело в том, что начата она была так давно, что уже и не вспомнить, когда именно. И начиналась как банальный дневник, который навеян воспоминаниями и – разочарованием по поводу несовпадения мечты и реальности. Скорее всего, было так же в студенческие годы. Многое из написанного тогда не сохранилось. Что-то казалось со временем совершенно незначительным и безжалостно уничтожалось, а кое-что исчезло во время «кочевий» по разным городам и квартирам.

И вот, пока повесть пребывала в состоянии безвременья и без определённого места жительства, как, впрочем, и автор, писалось и издавалось что-то другое, мало или совсем не связанное с «Островом».

Такое «что-то» иногда доходило до читателя, обсуждалось... А я, вдруг наткнувшись почти случайно на то, что должно было стать дневником, брала его в руки, перечитывала, и, вдохновляясь, дописывала какую-то страничку.

Отдельные главы повести печатались в газетах, в журналах и на моём персональном сайте **rozaahtyamova.ru**. А когда читатели задавали вопросы, вроде того «Ну, когда же?», я была озадачена. Что же, выходит и это «кому-нибудь нужно?».

Позже я намеренно предлагала читателям разного возраста и профессий ознакомиться с фрагментами «Острова», наблюдая за реакцией совершенно разных людей. Их высказывания и впечатления от прочитанного были настолько несхожи и противоречивы, что эта несхожесть и противоречивость даже несколько забавляли меня и на какое-то время вдохновляли.

Были страницы в архиве автора, напечатанные ещё на механической печатной машинке «Москва». Когда

незрячий человек печатал на такой машинке с приличной скоростью, ошибки были неизбежны. В основном, в виде опечаток.

Однажды я обратилась в одной из специализированных библиотек к некой сотруднице с просьбой помочь с исправлением небольшого текста. Такая помощь оказывалась здесь крайне неохотно. Почему-то в момент обращения с подобной просьбой все сотрудницы становились «слабы глазами».

Одну из них всё же удалось уговорить, хотя и с трудом.

Я намеревалась объединить короткие главы повести после проверки.

Вначале читавшая вслух дама охала и вздыхала, жалуясь на то, что не может разобрать текст. Но вдруг стала не только «разбирать», но и читать весьма стремительно. Пришлось просить, чтобы несколько замедлилась. И тут я заметила, что другие сотрудницы прислушиваются, а потом и вовсе стали слушать внимательно то, что читает их коллега.

Я, собирая проверенные странички в отдельную папку, поблагодарила «прозревшую» помощницу. А когда уже готова была уходить, одна из сотрудниц остановила меня, спрашивая:

– Вы писали о коррекционной школе, что ли? Но ведь у вас это выражено так неконкретно! Что это за школа? Там больные дети учились, да?

«Сами вы – больные, и, кажется, неизлечимо», – хотела я ответить... Но вовремя вспомнила высказывание нашего завуча, с которым читатель тоже может ознакомиться, если его заинтересует эта повесть.

И ещё, думаю я, что мой проницательный читатель найдёт ответ не только на тот вопрос, который задавала горе-сотрудница специализированной библиотеки.

Несмотря на то, что повесть «Свияжск – остров любви» – художественное произведение, всё, что

происходит с её героями, было на самом деле или же вполне могло случиться.

Автор сохранил места действия разных событий, но творчески переосмыслил и переработал образы героев.

Поиски прототипов, попытки найти аналоги действующих лиц повести могут несколько разочаровать читателя. У одного из любимых мной авторов есть такое высказывание по этому поводу. Привожу его не дословно: имеете желание обнаружить прототип, ищите его, прежде всего, в себе...

Автор выражает искреннюю признательность за поддержку при издании книги своим друзьям, с которыми ее связывает не один год крепкой дружбы –
Семье Фроловых (г. Алматы),
Елене Агушевич (г. Алматы),
Тамаре Аушахметовой (г. Алматы),
Елене Шагиевой (г. Казань),
Оксане Трофимовой (г. Алматы),
Дарье Харитоновой (г. Алматы).

Роза Ахтямова

Глава первая

Мой Есенин

Сергей Есенин! В самом звящем имени его столько очарования и весенней чистоты.

Он входил в нашу жизнь, как входит музыка, как входят цветы и солнце. Это – открытие мира, который вне нас, но который близок и дорог.

Мы ещё не умеем читать и писать, мы ещё картавим и шепелявим, но уже с упоением и нежностью произносим нараспев:

– *Белая берёза под моим окном...*

Мы любили свой край, любили берёзки, которых на Урале было много-премного. Не потому ли каждое слово, сказанное поэтом, проникало в детское сердце, рождая в нём веру и привязанность к жизни, к так называемой малой родине.

А позже меня поразили другие строки. Оказывается, крапива, которая кусалась и заставляла проливать горькие слёзы, умела шептать «шаловливо»: «С добрым утром!» Конечно же, крапива шалила, играла с нами... Она и не думала делать больно.

Для детей вовсе не важно, кто придумал такие стихи. Главное, они легко запоминаются, они – мелодичны, и потому их можно не только читать, но и петь. Можно петь тихо и задумчиво, когда тебе беспричинно грустно. А можно – весело и радостно, когда ты почему-то счастлив!

Впрочем, никто и не настаивал, чтобы мы запомнили имя поэта. О нём просто умалчивали. Когда я перешла в седьмой класс (шёл 1961-й год), в нашу новую школу приехали новые учителя, окончившие институт имени А.И. Герцена в тогдашнем Ленинграде. Они были молоды, бесстрашны, полны энергии и готовы поделиться своей энергией и знаниями с незрячими детьми. Многим из них не хватило учительских часов, и

они с не меньшим рвением работали воспитателями. Весело поддерживая друг друга во всех начинаниях, они затевали «капустники» по типу студенческих, организовывали творческие кружки и лектории, могли часами рассказывать о любимом городе на Неве, в который были влюблены и мечтали вернуться поскорее. Рассказывали о поэтах известных и не очень, о писателях, композиторах и художниках. Каждый день становился для нас открытием.

И вот зазвучало по школе имя – Сергей Есенин. Зазвучали песни на его стихи. И мы, опьяняясь его поэзией, горели желанием узнать как можно больше о поэте. Собирались в школьной радиорубке и, затаив дыхание, не смея пошевелиться, скрипнуть стулом, как замороженные, слушали музыкальный цикл Георгия Свиридова «Памяти Есенина». А после напевали запомнившиеся строчки.

*– Поёт зима, аукает,
мохнатый лес баюкает*

стозвоном сосняка!.. – Слышалось в одном конце коридора. А в другом – уже подхватывали:

*– В том краю, где жёлтая крапива
да сухой плетень...*

Может быть, именно в те годы мы искали и отыскивали свой единственный путь к духовному прозрению через поэзию, яркие поэтические образы и необычные сочетания звуков в строках, насыщенных солнечным светом и сердечным теплом. Ощувив прелесть жизни, своё родство с окружающей природой, причастность к ней, вдруг поверили в себя, свои силы и прониклись верой в людей...

Так некоторые мои одноклассники начали с упоением рифмовать, а другие – сочинять музыку.

Заболела поэзией и я.

Так уж случилось, что в девятом классе я приехала в другую школу. Эта школа находилась на легендарном

острове Свияжск. Здесь царствовала и была полновластной хозяйкой ещё невиданная мной до сих пор природа. По её высочайшему повелению здесь был установлен строгий распорядок. Осенью – осень, зимой – зима, весной... Конечно же, это была чудесная и неповторимая весна в моей жизни: фантастические мечты, ожидание ледохода, тревожные гудки теплоходов и – стихи... Снова стихи.

Я стала участницей литературного кружка, которым руководил молодой поэт, но, несмотря на молодость, уже весьма известный. Правда, принята в кружок была не сразу. Предстояло, как «новенькой», вначале пройти испытание, своего рода экзамен на любовь к Есенину и знание его поэзии. Я не только выдержала, но и сделала это блестяще, показав более глубокие познания данного предмета, нежели мои новые друзья. Таким образом, заслужив одобрение руководителя кружка, а также участников, живо подхвативших привезённые мной песни и романсы на стихи Есенина, я с первых же дней подверглась порицанию и нападкам учителей. Дружить со мной считалось дурным тоном. Обо мне распространялись самые нелюбезные слухи и делались умопомрачительные предположения, почему я поменяла школу. Где им было знать, что всё складывалось гораздо проще... Да, вот ещё Есенин... Оказывается, имя поэта было здесь всё ещё под строжайшим запретом. Но запретный плод, как известно, особенно сладок. На переменах наши мальчишки нарочно хором заводили:

– *Выткался над озером алый свет зари... – или: Ты меня не любишь, не жалешь...*

При этом меня поразила с первых дней одна странность: в этой школе девчонки с мальчишками дружили открыто и, если оказывались одноклассниками, сидели, как правило, за одной партой, не расставаясь даже во время уроков. Некоторые дружили так давно, с самых младших классов, и об их дружбе знали родители, а учителя, случалось, путали фамилии таких ребят.

Вскоре влюбилась и я. Своим высоким ростом, эпатажными выходками и громогласными комментариями происходившего не только в нашем классе – он больше напоминал Маяковского.

Мы оба скрывали, или пытались скрыть, наши чувства. Одноклассники догадывались, но их догадки не приводили, как это бывает обычно, к подшучиваниям и насмешкам. Они, скорее всего, относились к нам с некоторым сочувствием и даже с состраданием, что ли. Во время уроков мы сидели не только на разных рядах, но и довольно-таки далеко друг от друга.

Наша учительница по русскому языку, объяснив как-либо правило, требовала от нас подтверждения примерами из художественной литературы. И тут уж мы сыпали цитатами из поэзии Есенина всем классом. Восторгов у неё это не вызывало, а иногда приводило к сильному раздражению.

Однажды она долго и назидательным тоном рассказывала о знаках препинания в предложениях с обращением. Назвала его фамилию. Имена учащихся произносились ею крайне редко. Он встал и коротко отчеканил:

– *Привет, любимая, привет!*

Сразу после него вызвали меня, и я смущённо пробормотала заготовленный пример:

– *До свиданья, друг мой, до свиданья...*

Боже! Что произошло в следующую минуту! Учительница истерично завопила:

– Ты что паясничаешь?! Это ведь ты привезла всякую пошлость! Есенинские дурные песни – тоже ты!!!

Класс зашумел. Одни, смеясь, советовали в следующий раз спрашивать первой меня. Другие тоже, безудержно хохоча, закричали:

– Их надо выгнать с урока!

– Но только обоим! Ради справедливости!

– Вместе! Конечно, вместе! – кричали третьи. К счастью, прозвенел звонок, и хор дружно затянул, завывая фальцетом:

– *Клён ты мой опавший...*

Мой Есенин – это трогательные воспоминания о детстве и юности, воспоминания о первой полудетской любви. Это тонкий лучик света, раздвигающий мрачные думы...

Глава вторая

Решение. Знакомство на вокзале.

«Куда путь держим?»

Пока мы ехали от тети Раи, отец почти все время молчал. Думая о чем-то своем, иногда он коротко вздыхал, а вслух, будто чему-то удивляясь, произносил:

– Да-а-а!..

Он любил проводить со мной свой отпуск, хотя случалось такое редко. Мама предпочитала вывозить на лето из города младших, оставляя меня со старшим братом. Он был старше меня на восемь лет. Мы часто ссорились. Случалось, наши ссоры заканчивались потасовками, в которых, естественно, брат одерживал победу. А я, чтобы как-то объяснить знакомым и соседям происхождение синяков на руках и ногах, сочиняла всякие небылицы о том, как упала с лестницы или подралась с какими-то мальчишками...

А вот когда мы с отцом оказывались в деревне, нам обоим было хорошо. Он встречался с близкими и дальними родственниками, а я активно общалась с деревенскими ребятами. А когда возвращались домой, к тете Рае, она, будучи строгой и благонаправленной, к тому же старшей сестрой отца, требовала от меня честного ответа:

– Пил папа в гостях? Говори!

«Ну, уж нет! Стану я закладывать любимого папочку! Как бы не так!» – думала я и отвечала вполне невинно:

– Что вы, тетя Рая! Конечно, не пил!

– А ты точно знаешь? Не обманываешь? Обман – это большой грех...

– Знаю, конечно, я же все время с ним! – нагло врала я. А тетя верила и – не верила.

Отец, случилось, в молодости выпивал, но головы не терял. Может, поэтому я была убеждена, что защищать его – это вовсе не грех.

Причём, ещё в детстве я как-то по-своему понимала непростую жизнь нашей семьи, эвакуированной во время войны на Урал, и то, что у отца была тяжёлая работа на заводе. А до этого – фронт. Скорее всего, даже не понимала, а чувствовала всё то, что усложняло жизнь.

Был конец августа. В этот раз, возвращаясь от тети Раи, мы не вспоминали наших встреч с родственниками, не вспоминали о веселых и смешных происшествиях. Он должен был отвести меня в неведомую нам школу, которая находится (и это обстоятельство его в особенности шокировало) на каком-то острове. И так, мы с ним расставались надолго. Ему явно не нравилась моя затея с переездом в другую школу. Но я так решила. Решила твердо и, можно сказать, ни с кем не посоветовалась.

Правда, раньше, чем с другими, поделилась со старшей сестрой, которая давно ушла из семьи, так как не складывались отношения между падчерицей и мачехой, то есть у нее с моей матерью. И еще, принимая решение, я написала двоюродной сестре, дочери тети Раи. Я не просто написала ей, а попросила что-нибудь узнать о

школе. Она где-то в том районе отдыхала, кое-что узнала и прислала короткое письмо и фотографию. Ясно, что ей особенно приглянулась природа Свияжска.

Письмо и фотографию я надежно спрятала, чтобы, когда подойдет время, поставить родителей перед фактом. Самостоятельно отправила заявление на имя директора школы и указала обратный адрес старшей сестры. Ответ пришел. Приглашали, просили прислать документы, но до конца учебного года оставалось около трех месяцев. У меня было много пропусков. Кроме прочих причин, я часто пропускала по болезни. Вот и решила переждать до конца учебного года. Причем переждать молча. Находиться все это время в доме родителей было нелегким испытанием. Я много читала, помогала младшим в учебе.

– Решила бросить школу, устраивайся на работу! Тогда хоть какой-то толк от тебя будет! – все чаще говорила мама. – Нечего дурака валять! В институтах тебя никто не ждет! Так что – одна дорога!

Отец любил меня и, можно сказать, понимал, но защитить не мог. Наедине он говорил мне:

– Ты – способная. Надо бы вернуться в школу и продолжить учебу. Понимаю, что тебе там плохо, трудно... Понимаю, что тебя оболгали и ты не можешь простить. Но сейчас нет другого выхода.

– Пойду работать! Мама же настаивает... – отвечала я. – Буду принимать участие в производстве пробок и коробок...

– Не обижайся на неё, доченька, – мягко говорил он, будто чего-то не договаривая.

– Держи. Да смотри, не спеши, а то заработаешь ангину, – сказал отец, подавая мне мороженое.

Было очень жарко и душно, присесть негде.

– К справочному большая очередь. Я пойду, а ты жди здесь. Никуда не уходи. Вещи пока не будем сдавать в камеру хранения. Надо вначале выяснить, когда и какой транспорт куда идет? В общем, жди.

Отец удалился, а я подтащила чемодан к скамейке, где на краешке сидела девочка приблизительно моего возраста. Она, взглянув на меня, поставила свою сумку на пол и предложила:

– Садись. Нам с тобой места хватит.

Я поблагодарила и присела на самый угол. Она подвинулась, насколько это было возможно, потом спросила:

– Как тебя зовут?

– Кира, – ответила я.

– А меня Ира, – сказала она и улыбнулась, – Забавно, правда?

– Просто в рифму получилось, – подтвердила я.

Мы немного помолчали, и Ира опять заговорила первой:

– Ты куда едешь?

– В школу. В другую школу.

– Как интересно! Знаешь, я тоже – в другую. В десятый, а ты?

– Я – в девятый. Вообще-то, тоже должна в десятый, но... Короче, меня в прошлом году исключили из школы.

– Да ты чего?! Как это?! Ты что, плохо училась?

– Да нет... Училась я нормально. Правда, по алгебре трояк. Ну, а так – нормально.

– Ты что-то натворила? Ой, прости, пожалуйста! Я такая... Не обижайся, ладно? Может тебе неприятно вспоминать, а я лезу со своими дурацкими вопросами...

– Ничего страшного. Мне уже всё равно. Понимаешь, Ира, меня условно исключили.

– Как это «условно»? Ты же не преступница!

– Ну, условно – это значит... как бы не по-настоящему. Как бы понарошку. В общем, чтобы я посидела дома, пострадала. А потом извинялась и просилась обратно. И чтобы родители тоже извинялись и поручились за меня. Ну, понимаешь?

– Нет, ничего не понимаю... Чтобы так поступить с человеком, он должен... Ну, по меньшей мере, – пытаться взорвать школу. Или – хотя бы поджечь!..

– Хорошо! Считай, что я пыталась поджечь! Тем более, что это немного похоже на правду.

Ира весело рассмеялась:

– Ты-то?! Поджечь!.. Ой, перестань!

– А ты почему переходишь в другую школу? – спросила я.

– Не перехожу, а переезжаю. У нас в селе нет десятого класса. А в техникум не хочу. Окончу школу и буду поступать в медицинский. Знаешь, вот я смотрю на человека и сразу вижу, есть ли у него проблемы со здоровьем. Не веришь?

– Верю. Почему же – не верю?

– Я буду жить у бабушки. Но это недалеко от родителей.

– Хорошо тебе. А я вот буду далеко, и даже очень далеко.

– А ты не боишься?

– Боюсь, конечно. Но не хочу, чтобы о моих страхах догадался папа.

– У тебя нет мамы? Ой, прости, – какая же я бестактная!

– Да что ты все извиняешься?.. И этот вопрос мне задают часто. Так что я уже привыкла. К тому же, она у меня есть. Все у меня есть. Даже две сестры и два брата.

– А где твоя будущая школа находится?

– Она находится... Слушай, Ира!.. А ты хорошо знаешь эти места? Где находится такой остров? Он называется – Свяжск. Ты что-нибудь о нем знаешь?

– Остров? Нет, не знаю. Я знаю, что есть, кажется, такая станция.

– Сколько до нее добираться, не знаешь?

– Ну, может, часа полтора... Нет, точно не знаю. А почему твоя школа оказалась на острове? Других нет что ли?

– Эх ты, профессор! – засмеялась я. Ира смутилась.

– Кира, я что-то не поняла, да?

– Проблемы со здоровьем, Ирочка, – ответила я.

В это время к нам подошел мой отец.

– Ну, что? Познакомились? – отец слегка улыбнулся и продолжил, уже обращаясь только ко мне, – На твой остров надо добираться водным транспортом. Какой-то «речной трамвайчик» идёт. Видимо, что-то вроде маленького пароходика, что ли?

– Как здорово! – воскликнула я, стараясь всеми силами скрыть уже охватившую меня тревогу.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво произнёс отец.

– Папа, а Ира говорит, что есть такая же станция... Ну, с таким же названием, как и остров.

Отец после некоторого молчания заговорил, не меняя тона:

– Это совсем другое. Я узнавал. Да, это другое. Но, может быть, ты уже передумала?

– Папа, но там мои документы уже... Я не собираюсь менять своё решение! Пап, но ты-то понимаешь меня, правда? Я должна окончить школу, так ведь? А в прежнюю ни за что не вернусь! Как мне ещё поступить? Скажи, что делать?

– А я бы тоже на месте Киры так же поступила, – вдруг неожиданно поддержала меня Ира.

– Ладно. Посмотрим ещё. А вы, может быть, проголодались, девочки? Давайте-ка, заглянем в кафе, – предложил отец. – Времени у нас достаточно. Твой кораблик, Кира, отправится к месту назначения часика через три. А до речного вокзала добираться минут сорок. Даже меньше.

– Спасибо, но мне на автобус через двадцать минут. А он редко ходит, – стала отказываться Ира.

– Да ладно тебе, успеешь, – я потянула её за руку.

Мы поднялись на второй этаж. Сразу нашли свободный столик. Народу было мало. Отец принёс нам

по чашке кофе, несколько пирожных. Подал Ире две булочки в пакете:

– А это тебе на дорожку.

– Ой, да что вы! У меня всё есть, – смутилась она.

– Бери, бери! Папа лучше знает, что у тебя есть и чего нет.

Папа как-то растерянно улыбнулся, и я заметила, что он поспешно прячет в карман папиросы. Сердце моё сжалось: он пытается скрыть от меня свои страдания. Ну, что делать? Ничего нельзя изменить, как бы я его ни любила, как бы ни страдала вместе с ним. Да вот, и с новой подругой тоже очень не хотелось расставаться. Но придётся.

Мы проводили Иру до автобуса. Она заняла место и вышла к нам:

– Я найду тебя, Кира! Обязательно найду! Честное слово! Не веришь? – горячо говорила она.

– Ну, как ты будешь искать, Ира? Я – «девушка без адреса». Какой-то там остров... Ой, правда! Что же будет? – с сомнением и тревогой говорила я.

– Ничего не будет. Напиши Ире домашний адрес, и пусть на каникулах приезжает к нам в гости, – вмешался отец.

– Ну, папа! Не надо, пожалуйста! – готовая зареветь попросила я.

Ира уехала к своей бабушке, а мы вскоре отправились на речной вокзал. Настроение отца передалось мне, отчего тревога нарастала, уже не хотелось ни о чём больше говорить. Быстрее бы уж всё случилось. А там, что будет – то будет.

Он взял билеты на «кораблик» и остановился возле расписания, делая вид, что изучает его. Отец от природы был весьма тактичным, но уж если вдруг вспылит, то держись! Мог обидеть запросто кого угодно. Мама, бывало, нередко пользовалась таким свойством его характера для воспитания детей, оставаясь при этом как

бы в стороне. Она знала, как его завести, то есть довести до такого состояния, и точно знала, когда и каким образом остановить. Без неё, конечно, отец был более сдержанным, и контролировал себя.

Мы прошли в зал ожидания. Долго сидели и молчали. К мсей тревоге примешивалось чувство вины перед отцом. Надо было что-то говорить...

– Папа, помнишь, как ты привёз меня в школу, в первый класс? Ну, помнишь? Помнишь, как я бежала за тобой - и ты несколько раз возвращался? Даже говорил воспитательнице, что не оставишь меня, что привезёшь на следующий год. А она тебе говорила: «Привыкнет. Куда денется? Все привыкают, хотя многие сначала режут и просятя домой».

– Такое не забудешь, если даже захочешь, – тихо ответил отец. Помолчал. Потом сам заговорил, – Понимаю, что теперь ты не побежишь, да и рыдать не станешь... Но это не значит, что тебе будет легко.

– Папа, но я ведь уже взрослая совсем! – возразила я.

Отец усмехнулся:

– Что ты говоришь? А я и не заметил! Только должен тебе сказать, что, если ты уже взрослая, то и поступать надо по-взрослому. Для начала нужно посоветоваться хотя бы с родителями. У взрослых и ошибки взрослые, поэтому их труднее исправлять, чем детские. Как ты сама думаешь?

– Папа, но вы с мамой, наверняка, не отпустили бы меня?

– Ну, если тебе там будет лучше, то почему же? Пожалуйста! Только не забывай, что и здоровье у тебя слабое.

Я не видела смысла продолжать этот разговор и сделала вид, что задремала, привалившись к нему.

– Ах, доченька... Куда путь держим? – прошептал отец, садясь так, чтобы мне было удобней.

Глава третья

«Речной трамвайчик». Морская болезнь. Одноклассник. Здравствуй, загадочный остров! Трудный разговор.

Наш кораблик и в самом деле назывался речным трамвайчиком. Когда шли по трапу, я уцепилась за папину руку, да так крепко, что он взглянул на меня:

– Ты что, боишься?

– Нет, – храбро отозвалась я. – Просто, уж очень зыбко под ногами...

– Значит, так и будешь всё время сидеть на своём острове и караулить его.

– Вот ещё! Наоборот, я буду путешествовать.

– Непременно, – согласился отец, явно возражая.

Я хотела постоять на палубе, но он сказал, что потом, возможно, не будет свободных мест в салоне, народу много.

Я села у окошка. Чемоданчик с моими вещами отец поставил на пол, а сам сел рядом. Отчалили. И опять меня охватила тревога. Куда я устребилась и зачем? Что это за школа? Кому я там нужна? А ещё – вдруг не примут. Отправят обратно. Мало ли что может им не понравиться. Нет, лучше об этом не думать. Надо вспомнить что-нибудь хорошее. Например, как ездили с отцом в Одессу. И там мы катались на прогулочном теплоходе. Я всё время подсовывала ему свою куклу Фросю, прося поддержать, и носилась по палубе – глупая, беззаботная, маленькая. Пассажиры спрашивали: «Ты любишь папу?» А я заученно повторяла: «Да! Да! Да!» Мне не надо было думать ни о чём. Он заботился не только обо мне. На его попечении оказалась и моя Фрося. Её надо было причёсывать и охранять, чтобы не потерялась вдруг. Фросю всё-таки похитили – в клинике Филатова.

Кроме того, ему приходилось стирать и гладить нашу с ней одежду. Какая-то дама тогда, разговаривая с отцом, всё твердила про морскую болезнь, которой, якобы, страдает её муж. Помню, я подумала, что она обманывает зачем-то. Какая здесь на море может быть болезнь? Глупости! Мне так хорошо! Я бегаю по золотой от солнца палубе. Вижу, как кружатся чайки над морем, как весело подпрыгивают волны... Я тоже прыгаю, высоко-высоко и кричу, подражая чайкам. Кричу громко-громко. И все вокруг радостно смеются. И отец тоже смеётся.

Внезапно беспричинная тревога выталкивает меня из воспоминаний детства. Что это? Что происходит со мной? Но причина, оказывается, есть. Вот оно! То, что способно всё омрачить...

Отец извлекал откуда-то огромные носовые платки, которыми его снабдила тётя Рая, и через некоторое время забирал их из моих рук мокрыми и измятыми. Я всё ниже склонялась к его коленям, и, уже обессиленная, почти совсем улеглась, когда вдруг на противоположной

скамейке появился незнакомый парень. Он вежливо поздоровался, а потом взглянул на меня с сочувствием и с интересом. Я тут же выпрямилась и попыталась сделать вид, что со мной всё в порядке.

– Тебе легче? – спросил отец.

– Да, – соврала я, держа очередной платок у самого рта.

– Новенькая? В девятый? – спросил парень, глядя прямо на меня.

Я слегка кивнула, боясь открыть рот.

– Тебя зовут Кира, – уверенно сказал он и весело подмигнул. Я удивилась, и уже готова была обрадоваться: обо мне здесь знают. Может быть, даже ждут. Но тут же почувствовала, что отцу вовсе не по душе это завязывающееся дорожное знакомство.

А парень невозмутимо продолжал:

– Меня зовут Вадим. Кире плохо. Давайте, я выведу её на палубу.

Отец поблагодарил, сдержанно и тщательно вытер мне рот, приподнял за плечи и, вздохнув, сопроводил к выходу. Вадим последовал за нами, чем усилил раздражение отца. Пытаясь скрыть свою неприязнь, он закурил. Курил отец в редких случаях, когда не желал объясняться с кем-либо, предпочитая молчание.

– А мы с тобой – одноклассники, – сказал Вадим, продолжая наше знакомство.

Я понимала отца, жалела его, но совсем не отвечать Вадиму не могла. Отвечала, но всё время как-то коротко, односложно.

– Учишься хорошо? – спросил новоиспечённый одноклассник.

– Не очень, – ответила я честно.

– Ну, ничего, – успокоил он, несколько бодрясь. «Видно, сам-то тоже «не очень», – подумала я.

– А знаешь, нам ещё в прошлом году объявили, что в наш класс приедет новенькая, – сообщил Вадим.

Он говорил и вёл себя несколько бесцеремонно и навязчиво. Но это бы ещё ничего. Здесь папа. А иначе, я бы сейчас же всё разузнала: кто объявил? что говорили одноклассники? Узнала бы, кто ещё в нашем классе учится? Даже пококетничала бы... Ну, чуточку совсем. Да, вот – папа... Ах, как же досадно! Нельзя его сердить сейчас, ни в коем случае. Я ведь чувствую, что нравлюсь Вадиму. Ну, что стоит папе оставить нас на палубе вдвоём?

– Вот ты, оказывается, какая! – произнёс Вадим, посмотрев на меня каким-то особенным взглядом.

Было ясно: присутствие отца его ничуть не смущает. Чем это объяснить? Такое открытие привело меня в некоторое смятение. Я ощутила беспокойство, похожее на страх. От моего бдительного отца ничего не скроешь. Не ускользнуло от него и моё волнение, и он заговорил:

– Возможно, Кира ещё и не останется в вашей школе. Вернее, я не оставлю её. Что это за школа? И что за остров, на котором она находится? И вообще, почему она именно там находится? Непонятно...

Его слова звучали строго, будто он обвинял кого-то, кого необходимо немедленно наказать.

– А знаете, наш остров ещё называют «островом калек», – простодушно смеясь, пояснил Вадим.

«Боже! Что он несёт?! Не видать мне Свияжска, как своих ушей!» – с ужасом подумала я. А вслух сказала:

– Да ладно уж! Мало ли что придумают! Всякие глупости!

Но отец сурово прервал меня:

– Помолчи, пожалуйста!

Продолжая беседовать с Вадимом, не меняя тона, отец спросил:

– И что же всё это значит, молодой человек?

– Да всё просто. На острове находятся кроме нашей школы – психушка, школа для паралитиков. Ну, ещё там разные хроники. Ещё школа для слабоумных... Ну, там

ещё кое-что, – весело перечислял Вадим. Отец нахмурился и твёрдо заявил:

– Так... Тебе там делать нечего! Считай, что поехала на экскурсию! Ты поняла меня?

Но наш осведомитель не растерялся:

– Да что вы! Кира же будет учиться в нашей школе! А психов вообще не выпускают! И никто у нас никого не обижает!

Мы вернулись на прежнее место. Вадим сел напротив. А я, измученная качкой, мыслями о предстоящей роли «новенькой», и всего нового, неведомого, уснула на коленях у отца. Казалось, и во сне я продолжала беспокоиться о том, что меня ждёт? Я спала, но вначале как-то уж очень чутко. Слышала, как Вадим подобрал с пола поясок от моего платья, подал отцу. А он осторожно положил поясок в свой карман. Потом мне стало холодно, и я попыталась одной рукой натянуть на себя кофту, как одеяло, проделывая всё это весьма неловко. Не отец, а кто-то другой укрывал меня, заботливо подтыкая, – ощутила сквозь сон. Видимо, я согрелась, разомлела и, наконец, крепко заснула. И проспала, кажется, долго.

Проснулась от резкого толчка. Причаливали. Вадим, указав нам направление, стремительно исчез. А потом так же неожиданно появился вновь. Теперь он спокойно сопровождал нас.

Мы медленно поднимались на холмы и пригорки. Всюду встречали нас старые строения, деревянные заборы и заборчики, заброшенные колодцы, камни – большие, огромные, а между ними причудливые растения. Прошли мимо одинокой церквушки...

Помню, как поразили меня тишина и спокойствие. Это другой мир. Он мог принять... Но мог и отринуть, если ты не соответствуешь здешнему укладу жизни, если ты не подчинишься его законам...

Здесь, на острове, уже всюду властвовала осень. Кружились в воздухе шелковистые паутинки, замирала

на деревьях усталая листва, сухая жёлтая трава пряталась в камнях.

И снова я вспомнила, как папа привёз меня в первый класс, ещё в старую школу, как, рыдая, цеплялась за него, бежала, спотыкаясь и падая, за ним по длинному в заплатках деревянному тротуару. А он снова и снова, уже в который раз, возвращался, уговаривал, обещал, что скоро приедет и, если мне не нравится, увезёт домой.

– Папа, а мне здесь даже нравится, – бодро сказала я. Он ничего не ответил.

Мы остановились, и Вадим стал объяснять, как пройти в учительскую, где находится кабинет директора. Возле школы стояли старшеклассники, вышедшие поглазеть на «новенькую». Позже я узнала, что Вадим оповестил их о моём прибытии.

– Спасибо. Мы ещё немного погуляем, – сказал отец неожиданно миролюбиво.

– Ну, давайте, я хотя бы отнесу в класс её вещи. Зачем вы будете с ними гулять... – предложил Вадим. Отец ещё раз поблагодарил - и отдал чемоданчик Вадиму. Мы повернули в противоположную от школы сторону.

Предстоял трудный разговор.

– Я не могу тебя здесь оставить. Понимаешь? Вспомни, в каких условиях ты училась в последние почти три года. Ты здесь не выживешь. Подумай о своём здоровье. Нужно будет носить воду, дрова... И ещё, чёрт знает, что придётся делать. Это же не город. Не упрячься, Кира. Давай вернёмся домой. А там уже подумаем вместе, что делать.

– Папа, я ни за что не вернусь, – попыталась я сказать очень решительно, но голос предательски дрогнул... Дело в том, что мне стало самой страшно.

Я, действительно, привыкла к другим условиям. Значит, меня ждут насмешки, издёвки, потому что не смогу делать то, что могут они. Стоило помнить и то, что от природы я была довольно-таки медлительной. За столом отец часто подшучивал надо мной:

– Никто тебя не возьмёт на работу. Все уже давно поели, а ты всё сидишь, копаешься...

Маме тоже не нравилось, что я засиживаюсь за обедом, но моя медлительность в остальном её раздражала меньше, чем поспешность с небрежностью, свойственные другим детям. Она справедливо отмечала, что «зато я всё делаю аккуратно, и за мной ничего не надо перделывать».

Гуляя, мы снова подошли к школе и вновь повернули назад. Отец всё ещё надеялся, что сможет переубедить меня. Но я уже тогда училась выбирать из многих зол меньшее. Возвращение в прежнюю школу было для меня недопустимо. Значит, надо идти дальше. Надо принять все испытания, которые мне предуготованы, как бы тяжелы они ни были.

– Ответь мне честно... Ну, давай же говорить серьёзно.

– Спрашивай. Я всё скажу. Скажу, как есть, – пробурчала я недовольно: что он ещё хочет от меня услышать?

– Скажи, если отбросить обиды... В общем, забыть об этой дурной характеристике, которую сочинила бестолковая воспитательница. Допустим, списать на её неопытность, пусть даже – бестолковость. Тем более, всё вовремя обнаружилось - и характеристика исправлена...

– Да, конечно. А если бы Света не настояла на вскрытии конверта и прочтении... Что бы тогда было?

– Но я сейчас не об этом хочу тебя спросить, дочка. Скажи, если всё это отбросить, что ещё тебя сдерживает? Почему ты категорически решила не возвращаться? Ты же понимаешь, куда мы попали?

«Не мы, а я», – хотелось мне возразить, но вовремя опомнилась. Отец страдал, а я... Уже – нет, я не страдала. Боялась, да. Но должна была отвечать серьёзно:

– Папа, бытовые условия с прежней школой, конечно, несопоставимы. Не так давно приехали на работу в ту школу молодые, энергичные педагоги. Видимо, со временем они развернутся, многое там изменят. Они смогут многому научить детишек, но... Об этом могут мечтать те, кто учатся сейчас в третьем, четвёртом, пятом классах. А я совсем скоро стану выпускницей. За это время ничего не изменится. Прости, пожалуйста, что так говорю об учителях, но так оно и есть: мне там не у кого и нечему научиться. Знаю, что ты не любишь, когда так говорят об учителях, о взрослых. И всё же, я должна думать о моём будущем сама. Не хочу топтаться на месте. Молодым пока ещё не дают вести уроки. Они пробуют организовывать какие-то кружки и лектории. Но и это им не всегда удаётся. Что я делаю с утра до вечера? Вожусь с малышкой. Утешаю скучающих по родителям, учу с ними песенки, стираю их сопливые платочки и трусики. Мне даже не надо посещать уроки. Всё, о чём рассказывают учителя, я могу прочитать в учебниках.

– Кира, доченька, просто поражаюсь иногда: как это в тебе уживается всё? Совмещается, что ли? Абсолютная непрактичность, доверчивость, и вот, пожалуйста, – настолько серьёзный подход. Что меня во всём этом смущает, так это то, что нет никаких гарантий, что здесь будут учить лучше... Интересней... Если угодно, что ты сумеешь что-то почерпнуть здесь для своего будущего.

– Ты прав: гарантий нет. Но - трудности, которые мне суждено испытать, думаю, чему-нибудь научат. Здесь всё по-другому. Значит, будет ещё какой-то опыт. Теперь ты, папа, ответь мне честно. Неужели ты хочешь, чтобы я вернулась в прежнюю школу из-за парового отопления?

Я наигранно засмеялась, а отец улыбнулся. Но улыбнулся грустно, нехотя. Мой смех мог перейти в

истеричку, если бы опять откуда ни возьмись рядом с нами не оказался Вадим.

– Не устали? – заботливо спросил он. И добавил, – Если не устали, давайте я вам покажу нашу школу.

– Покажи, – согласился отец, – мы с Кирой устали сидеть. А побродить любим.

Этот почти дружеский тон отца меня несколько смутил.

Глава четвёртая

Экскурсия. Лёля. Знакомство с завучем.

Молчать было неловко. О чём говорить? Вроде бы уже всё решено и сказано.

– Вадим, а больших домов на острове совсем, что ли, нет? Мы с папой встретили несколько двухэтажных, да и то какие-то развалюхи.

Вадим засмеялся:

– Ну, ты и чудачка, Кира! Кому он нужен, наш остров, чтобы ещё и строительством здесь занимались?

– Оказывается, он нужен Кире, – вздохнул папа.

А Вадим стал показывать школьные здания и рассказывать:

– Здесь находятся канцелярия и наши классы. В смысле – старшекласников. А там столовая и кухня. Дальше – посудомоечная. Посуду мы моем сами по очереди. Есть расписание дежурных. Иногда по два человека, иногда по три. Здесь вот греется вода для мойки.

– Мама любит мыть с содой. Посуда прямо-таки скрипит.

– Нет, мы моем с горчицей. Тоже нормально. Чисто.

– А запах горчицы не остаётся? – поинтересовался папа. Так, чтобы поддержать разговор.

– Ну, я не замечал. По-моему, нет, – ответил Вадим не очень уверенно.

Несколько отступая от своего рассказа, должна сказать: запах горчицы с тех самых пор беспощадно преследовал меня всю жизнь. Некоторое время я работала в детской больнице. И вот там-то, когда детям ставили горчичники, я не знала, куда бежать от этого удушливого запаха. Позже пришлось уже самой лечить горчичниками своего ребёнка. А тогда, в посудомоечной, горчицы было много, и насыпали её столько, что в тазах образовывалось

что-то вроде жидкой каши. Я задышалась, но не жаловалась: боялась, что засмеют. А насмешек и без того хватало.

По дороге к спальному корпусу мы заглянули в клуб, где несколько человек взрослых (как позже выяснилось, это были учителя) репетировали, готовились к какому-то празднику. Вадим показал нам мастерские, где мальчишки уже что-то мастерили. Похоже, вешалки для одежды.

– Здесь вот – баня, – указал он на небольшое неказистое строение.

– А как же зимой? Там же, видимо, холодно мыться? – спросил папа.

– Ну... Все стараются побыстрее... – Вадим не был готов к такого рода вопросам. Он привык, давно принял всё со всем, что здесь было, согласился.

То, о чём говорил мой папа, было для него совершенно неважно.

– А знаете, какая там печка! Такая здоровая! Так мощно греется!

– Папа, это как у тётки Раи. Как в деревенских банях. А мне нравится деревенская баня, – бодро воскликнула я.

На что отец среагировал иронично:

– Может быть, ты уже и помыться успела здесь?

Я надулась:

– Мне лучше помолчать, да?

– Ой, да ладно тебе! Разве можно на папу обижаться?

Он ведь за тебя волнуется. Пойдёмте, я ещё вам кое-что покажу.

– Повезло нам с гидом, да? – отметил папа и затем вспомнил шутку своего друга, –

– Помнишь, Кира, дядю Давида? Он говорил: «Гид потому так называется, потому что точно знает, что и гидэ находится!». Мы заглянули в небольшой домик, где всё пространство занимала огромная плита, в которую был вмазан огромный котёл. А в нём закипала вода.

– У-у!!! Страшно! Прямо-таки ведьминский котёл! – сказала я.

Вадим захохотал, папа нахмурился.

– Здесь всегда должна быть тёплая вода. Дежурные по классу, спальне или столовой – все берут здесь воду, чтобы мыть пол, – объяснил Вадим назначение котла.

– Но ведь воду надо не только зачерпнуть, но и донести до класса, до спальни... Здесь же даже нет никаких дорожек. Одни пригорки да холмы. Представляю, как скользко зимой. Как тебе всё это взбрело на ум, Кира? – отец снова начал нервничать по настоящему. Вот-вот вспылит.

– Папа, но мы ведь уже всё решили, – пробовала я возразить или хотя бы как-то успокоить его.

– Ты решила. Так ведь? Ты же у нас – умница! Самостоятельная...

– Здравствуйте! – приветливо поздоровалась с нами высокая седовласая женщина. Она держалась очень прямо. На ней было светлое платье, на шее – тоненький белый шарфик. И вся она была какая-то светлая и нежная. Взглянув на меня, она спросила:

– Ты – новенькая? Сима? В седьмой класс?

Я совершенно растерялась от её вопросов, но Вадим выручил, радостно объявив:

– Да нет же, Анна Николаевна! Это Кира! Она будет учиться в нашем классе! Вот... А я показываю, как мы тут живём!

– В девятый, значит, – задумчиво сказала Анна Николаевна, взглянула недоверчиво и спросила:

– Нравится тебе у нас?

– Да, интересно. Необычно как-то, – ответила я тихо.

– Вы папа Киры? – обратилась она к отцу. И продолжила, – Я хотела бы с вами ближе познакомиться. Если вы уже нагулялись, может быть, пройдем в школу?

Папа молча кивнул.

– А ты, Вадик, добеги до тёти Фени и попроси, чтобы гостей накормили обедом. Скажи, что я прошу.

– Будет сделано, – отрапортовал мой одноклассник и – исчез.

Внутри здания школы я совершенно запуталась: узкие коридорчики, закоулки и закутки без окон... В одном из закуточков, где было небольшое окошко с подоконником, плакала навзрыд маленькая девочка. На подоконнике лежала детская сумочка и плюшевый заяц, к которому прижимала зареванное личико малышка и басом тянула:

– Ма-ми... Ма-ми...

– Никак не успокоится, – тихо произнесла Анна Николаевна.

– Можете доверить её Кире. У неё это хорошо получается, – предложил папа.

– Можно? – спросила я, уже обнимая плачущую малышку.

Вообще-то, я и сама готова была присоединиться к ней. Вспомнила себя маленькую. Да ещё эта неопределённость, сомнения: что делать дальше? останусь, а потом?

– Не плачь. Скажи мне, как тебя зовут?

Девочка быстро взглянула на меня, опять уткнулась в зайца и снова завела своё:

– Ма-ми!!! Ма-ми!!!

– Я тоже заплачу сейчас. Ну, пожалуйста, поговори со мной немножко.

Она снова взглянула на меня и, продолжая рыдать, сказала:

– Лёля!

– А зайчика как зовут?

– Зайчик, – ответила она, громко всхлипывая.

– А давай, назовём его Лёней! Ты – Лёля, а он – Лёня. Ну, как?

Она долго смотрела на меня, и – вдруг... так громко заголосила, что я испугалась. Что не так?

– Братик – Лёня. Он маленький. Я хочу домой!

Боже, что я наделала?! Как теперь успокоить? Ведь это мне тоже знакомо. В своё время я так хотела увидеть младших и так просила папу привезти их, что однажды родители всё-таки приехали ко мне в интернат вместе с малышами. Сестричке был годик, а братику – три. Какое счастье! Сестрёнка смешно косолапила, разгуливая по нашему классу, и не обращала ни на кого внимания. А братик цеплялся за меня, плакал и звал домой.

– Лёля, а ты можешь мне показать, что у тебя в сумочке?

Она перестала голосить, на мгновение задумалась. А потом спросила:

– А ты тоже будешь здесь жить?

Я решительно кивнула.

– И будешь со мной играть?

– Обязательно! Ты мне очень нравишься, когда не плачешь. У тебя красивые бантики и косички.

– Тебя как зовут? – ещё продолжая всхлипывать, спросила Лёля.

– Кира. Запомнишь?

– Уже запомнила, – недовольно буркнула Лёля.

Она открыла сумочку и стала доставать свои сокровища: круглое зеркальце, два платочка, аккуратно свёрнутых вместе, маленький флакончик... Ага, это духи! Она долго держала руку в сумочке, будто колебалась: стоит ли это вынимать и показывать мне? Затем быстро вытащила небольшого пупса, совершенно голого.

– Ой, как её зовут? – спросила я удивлённо.

На что Лёля очень сердито ответила мне:

– Ты что! Это же мальчик!

– Ну, извини, пожалуйста. Я же не знала.

Девочка посмотрела на меня строго и тоном взрослой тётеньки, вынужденной говорить с.bestолочью, повторила:

– Это – мальчик! Его зовут Вовик! Понимаешь?

Я кивнула. А она немного подумала и потом добавила:

– В садик со мной в одну группу ходил Вовик. Он – хороший... Только учится в другой школе...

Губы малышки дрогнули. Я постаралась отвести от неё воспоминания о дошкольном друге:

– Знаешь, Лёля, а моего друга тоже зовут Вовик. Я поеду домой на каникулы, и мы пойдём с ним в кино, – совсем завралась я.

– И я тоже! – взбодрилась Лёля. В это время к нам подошла молоденькая воспитательница:

– Олечка, я за тобой. Пойдём в группу, к деткам, – певуче позвала она малышку. А та сразу схватилась за мою руку:

– Ты не уедешь куда??

– Конечно! Мы же договорились, – заверила я свою новую подружку.

Воспитательница взяла Лёлю за руку, и они пошли по узкому коридору. Немного переждав, я последовала за ними, надеясь услышать голос папы и, таким образом, найти его. Стало тоскливо и не по себе. Вадим пропал, Лёлю от меня увели. Ну, где же папа? И вдруг услышала знакомый смех. Интересно, что так рассмешило отца?

Я подошла к двери, откуда слышались голоса, и постучала:

– Можно?

– Проходи, Кира, – ласково пригласила Анна Николаевна и спросила:

– Ну, как? Удалось успокоить рёвушку? А то папа твой тут рассказал, как ты рыдала полгода и просила, чтобы тебя забрали домой. Это правда?

– Ничего подобного! – возмутилась я.

Не надо было мне сюда приходиться. Они так мило беседовали, видимо. И папа притих, даже шутит.

– Ну, давай знакомиться. С твоим папой мы уже поговорили, и он мне очень нравится, – улыбаясь, обратилась ко мне завуч.

– Он всем нравится, – в моём голосе прозвучала неприкрытая гордость.

– Твой папа рассказал, что ты шефствовала над малышами в прежней школе. Готовила их в октябрята, в пионеры, разучивала с ними разные песни, сама аккомпанировала, да?

– Вообще-то, папа не обманывает, – коротко ответила я.

А сама подумала: неужели рассказал и о том, как меня отстранили из-за того, что я не в комсомоле. А мои подшефные детки отпинали комсомолку, которую комитет прислал вместо меня? Да уж, среди тех деток были почти мои ровесники, то есть переростки.

Анна Николаевна продолжила знакомство:

– А уроки химии тебе нравятся? Какие у тебя оценки? Дело в том, что я буду у вас вести химию.

– Оценки разные. А химия не нравится, потому что не нравилась Муха. Ну, то есть – химичка.

Я смутилась, а они переглянулись и оба заулыбались.

– Анна Николаевна, видите, какая Кира. Я не хотел бы её оставлять. Мне кажется, она и сама бы уже передумала, но упрямство не позволяет. Будет реветь, как та малышка.

– Ну, что вы! Она уже совсем взрослая. Я заметила, правда, что домой рвутся, плачут у нас, в основном, городские дети. Даже старшеклассницы. Хотя потихоньку, прячась. А ребяташки, которых привозят из аулов, быстро привыкают. И ещё, класс, где будет учиться Кира, сильный и дружный. Почти все учились здесь с первого класса. В обиду не дадут.

Дверь приоткрылась, и в кабинет завуча заглянул Вадим:

– Анна Николаевна, всё готово! Порядок! На вас тоже накрыто.

– Спасибо, Вадюша! Гостей забирай, а я не успеваю. Надо с документами по «новеньким» ещё разобраться.

Глава пятая

Обед. В школьном саду. На пристани.

Тень. Не-так. Не-так.

В небольшой столовой столы, покрытые видавшей виды клеёнкой, стояли в два ряда. Середина оставалась просторной, чтобы дежурные могли свободно перемещаться, обслуживая обедающих. Всё здесь просто и непритязательно, но опрятно и по-домашнему уютно. На окнах занавески – чистые, отглаженные. Простая дешёвая мебель. Похоже, самодельная. При входе – два рукомойника, какими мы пользовались, живя в бараках. В то время их называли умывальниками. Было ли так принято на Урале или же со временем умывальники становились рукомойниками, – не знаю. Возможно, менялось их назначение. Но, забегая вперёд, скажу, в моей жизни в качестве умывальника эта штука появилась ещё раз. Было это тогда, когда я с маленькой сынишкой скиталась по частным квартирам...

Для нас с папой был накрыт стол, который находился ближе к раздаче. В огромные тарелки чуть не до самых краёв налит гороховый суп. Пахло очень аппетитно, но ёмкость, напоминавшая тазики, ошеломила даже отца.

– С ума сойти! Куда столько? Неужели дети столько съедают? – удивился он вслух.

– Ешь, милоч! Тебе, поди, далёко добираться! – смеясь, проговорила толстушка, ставя на стол такие же большие и глубокие тарелки со вторым.

– Нет, но куда столько? – попробовал возразить отец.

– Давай, лопай, чтобы за ушами трещало! А девка-то у тебя! В чём душа-то держится! Давай, доча, наворачивай! – угощала она уже меня.

Мы с папой взялись за ложки и, поглядывая друг на друга и усмехаясь, стали есть. Суп оказался и в самом

деле вкусный. В нём было много зелени, кусочки мяса и крупно нарезанная картошка. Правда, что аппетит приходит во время еды, потому что папа съел весь суп, а от второго отказался. Я зачерпнула пару ложек и оставила тарелку. Ко мне аппетит не пришёл. Я почувствовала лёгкую тошноту, но чтобы не огорчать отца, расковыряла котлету и медленно проглотила.

Вадим появился со стороны раздачи и объявил, что ближайший теплоход пойдёт через два часа.

– Можно ещё погулять. Или, если есть желание, могу проводить вас в школьный сад. Ну, как? – спросил он, глядя на меня.

– Папа, я хочу посидеть в саду. Пойдём?

Отец сразу согласился, посмотрел на часы, и мы направились в сторону школьного сада.

Он облюбовал скамейку, вокруг которой пушился ковёр из сухих листьев. Осень хозяйничала вовсю, и мне её деяния были до слёз милы. Я доверяла ей, верила в то, что природа не умирает, а лишь засыпает и, что в одно прекрасное весеннее утро она проснётся, возродится обновлёнными жизнями, подарит миру новые надежды и светлые мечты, очистит и освежит людские помыслы.

– Я приду немного погодя, – пообещал Вадим.

– Папа, а тебе нравится Вадим? – зачем-то спросила я. Видимо, чтобы прервать молчание перед разлукой.

– А тебе? – он взглянул на меня с усмешкой.

Я решила оставаться серьёзной:

– Мне не нравится его назойливость, но... По-моему, он – добрый и... заботливый.

В это время мимо нас, не спеша, прошёл молодой, подтянутый мужчина. Вскоре, возвращаясь, остановился напротив, помолчал, затем спросил:

– Вы – Кира? В девятый?

Я смутилась и тихо ответила:

– Да, в девятый.

– Очень хорошо. Хорошо, – сказал он и быстро зашагал к выходу. Оглянувшись, не останавливаясь.

– Папа, как ты думаешь, кто это? – снова прервала молчание я.

– Не знаю, может быть, учитель, – предположил отец. И сам же себе возразил, – Правда, для учителя слишком молод.

Прямо над нами посвистывала тревожно какая-то птица. И всё же здесь, в саду, было тихо и благостно. «Почему не может быть так всегда?» – подумала я в ту минуту.

– Ну, как? Нравится вам наш садик? – весело спросил появившийся Вадим.

– Очень мило здесь, – ответила я за себя и за папу, почувствовав, что он снова обеспокоен и не намерен поддерживать вежливый разговор.

– А с математиком ты познакомилась, Кира? Он прошёл мимо вас.

– Он не представился, – ответила я коротко.

Время пролетело быстро, и вот мы направились к пристани. И снова я поняла, что борются во мне два равносильных желания: я хочу изменить всё в моей жизни, начать всё заново с чистого листа. Оказавшись здесь, на этом острове, чувствую, что новое не только возможно, но оно неизбежно. И я уже устремилась к тому неизбежному, что способно перевернуть мою жизнь. Но сейчас... где взять силы, чтобы противостоять, чтобы не вцепиться в отца и не разрыдаться, потому что страшно. Потому что, оказывается, не повзрослела ещё.

Впереди шёл Вадим, за ним – мы с папой. На некотором расстоянии от нас шла толпа. Это были мои будущие одноклассники, уже прибывшие с каникул, которым было всё равно, куда идти. Они тоже провожали моего отца, заодно прогуливаясь.

Когда подошли к пристани, Вадим, подождав нас с

папой, встал возле меня с другой стороны. Несколько пассажиров разговаривали между собой очень громко, смеялись. Все они, похоже, знали друг друга. Старушка, провожавшая великовозрастного сына, напутствовала:

– Долго-то не будь, смотри! Да купи, не забудь, чего говорила! Деньги-то не кидай за зря! Слышь?!

– Да слышу! Сто раз одно и то же! – недовольно пробурчал сынок.

– Так я зря, чё ли, говорю! Река-то замёрзнет, так куда побежишь! – продолжала старушка. И вдруг мне стало жутко от её слов. Действительно, река замёрзнет, и куда я? Привкус соли во рту. Что это? Так прикусила губу...

Больно. Заметив, что папа отвернулся, Вадим шепнул:

– Успокойся! Всё будет хорошо! Не огорчай отца!

Теплоход прибыл, и пассажиры медленно направились к трапу.

– Остаёшься? – спросил папа, наклоняясь ко мне.

– Конечно... Зачем спрашиваешь? – голос мой дрогнул, и слёзы покатались. Вадим слегка толкнул меня, я попыталась улыбнуться. Одноклассники уже стояли за моей спиной и пробовали утешить нас обоих:

– Да вы не волнуйтесь! Кире здесь так понравится, что и на каникулы не захочет.

– Не плачь... Ты такая красивая! – сказала подошедшая девочка и обняла меня.

Отец попрощался и быстро пошёл за всеми пассажирами, всё время оглядываясь.

– Папа, буду писать письма! Каждый день буду писать! – крикнула я, и голос мой сорвался.

Я громко всхлипнула. Слыша такое обещание, кто-то засмеялся за моей спиной. Отец продолжал идти и оглядываться. Вадим вдруг взял мою руку и стал ею махать, как платком. И все ребята стали махать и кричать:

– До свидания! Счастливого пути! Не волнуйтесь!

Я стояла в оцепенении, а Вадим всё махал и махал моей рукой...

Подошедшую девочку звали Флора. Возвращались в школу мы уже втроём. После ужина вместе гуляли, и я, слыша громкое непрерывное жужжание, заинтересовалась: что значат звуки, которые сопровождают нас весь вечер? Вадим важно сказал:

– Да это же движок!

– Что за движок? И что он двигает?

Вадим объяснял с удовольствием, даже как-то гордо:

– Движок вырабатывает электричество. А без него знаешь, что было бы на всём острове? Ни одна лампочка бы не горела! Понимаешь?

Кажется, я начинала что-то понимать...

Он стал моей тенью, и вначале я приняла ее, эту тень, без раздражения и даже с радостью. Приняла из-за своей незащищенности, непрактичности и, если уж быть абсолютно честной, – из-за своей некоторой беспомощности на новом месте. Мои душевные раны от нанесенных часто близкими людьми обид, не давали покоя.

Вадим любил самозабвенно, преданно. Он жил, дышал только мной, моими заботами и заботой обо мне. Его не увлекали учеба, спорт, кружки, не интересовал и не занимал никто из нашего окружения, не волновало происходящее вокруг. Он любил так, что не мог даже ревновать, как будто его не хватало, не оставалось на ревность с объяснениями и угрозами, как это часто происходит.

Забота Вадима больше походила на заботу отеческую. Он беспокоился о моем здоровье, настроении, выбирал мне подруг, следил за оценками и знал, когда и по какому предмету могут спросить. В моем столе лежали готовые шпаргалки по математике, которую я крепко запустила в свое время. Он отвечал на письма от моего имени, которые приходили в тот год в огромном количестве от подруг, пожалуй, мнимых подруг. Из-за недавнего расставания с ними мнимость еще не была столь

осязаемой, и поэтому приходилось поддерживать переписку. Переписка, конечно, в большей мере была формальной и всё же требовала времени и желания.

Вадим охотно дежурил бы за меня по классу и столовой, но от этой услуги я под разными предлогами отказывалась, чтобы, пусть даже короткое время, побыть возле тебя.

Тот, кто составлял списки дежурных, преднамеренно соединял нас с тобой. Может быть, ты сам об этом их просил. Но а если бы у нас всё складывалось, как у всех, те же самые благодетели могли бы с легкостью разлучить нас, потому что многие из них были влюблены в тебя, и не пережили бы нашей дружбы.

Мы дежурили, а Вадим приходил, как бы помочь. Он почти всегда был рядом. А когда рядом нельзя было находиться, он ждал в коридоре, сидя на подоконнике. Он терпеливо ждал, когда проходили занятия литературного или хорового кружка и только просил опоздавших оставлять дверь приоткрытой.

Его преданность не только не льстила моему самолюбию, но очень скоро стало тяготить, хотя я уже успела привыкнуть. И он, и его любовь, и заботы – все это становилось частью моей жизни. И со всем этим (уже чувствовала, знала) мне предстоит расстаться.

Ты откровенно презирал его, может быть, и меня. Я видела, ощущала постоянно твою неприкаянность, твое одиночество. Мы все, трое, не были беспечны и счастливы, как бывает беспечна и счастлива юность. Мы не могли утешиться даже мечтой: слишком наглядна была реальность.

Ты был рядом. Мы встречались в классе, в столовой, на занятиях в литкружке каждый день, но не могли говорить друг с другом просто, спокойно, искренне, не считая случайных, коротких фраз, фраз, наполненных обидными колкостями и кривлянием...

Помню, даже в детстве, если оставалась где-то одна, когда рядом никого не было, я не тяготилась одиночеством. Возможно, потому что всегда находила, чем себя занять. И, наоборот, среди людей, особенно в толпе, ощущала холод и тоску. Чем больше было вокруг людей, тем более одинокой оставалась я.

Со временем я постигла великую науку: порой даже глубоко страдая внутренне, думая о своем, я сохраняла внешнее спокойствие, улыбалась и рассуждала о совершенно чуждых вещах.

Но тогда я еще не умела этого делать, и моя сосредоточенность на себе разлучала с людьми. Они уходили под разными предлогами, нередко чудовищными. Вероятно, со мной им становилось скучно. Но они не догадывались, как беспощадна была ко мне судьба, и многого не понимали.

Не скажу, что разлука с ними огорчала меня всегда в одинаковой мере. Оставляя, они дарили мне драгоценное время, время на чтение, раздумья, осмысление пережитого. Единственное, что меня заставляло по-настоящему страдать – это их неумение уходить без интриг, истерик и сплетен. Кажется, они не понимали, что вполне можно обойтись и без этого. Или подобные выверты были свойственны их мелким, мелочным натурам.

С тех пор, как я научилась раздваиваться, с тех самых пор стала нещадно убивать, уничтожать время, а вместе с ним и свою жизнь.

Почему научилась? Потому что повзрослела, стала деликатной, щепетильной, не желающей никого обижать. Стараясь понять их, сближалась с ними и всегда обвиняла себя, а на поверку вдруг оказывалось, что и понимать-то нечего – пусто. «Пусто – пусто», – так выкрикивают порой во дворе старики, играя в домино. И тогда, вслушиваясь в тишину ночи, я отчетливо слышу, что часы вместо давно привычного «тик-так» строго отбивают: «не так!.. не так!.. не так!..»

«А как?» – хочу я спросить и могу спросить у себя теперь, и уж, вероятно, найду, что ответить. А тогда... Доверчивая и наивная, но зато впереди, казалось, – целая жизнь. Теперь можно сказать, что жизнь прошла. А опыт – этот мудрый лысый старикашка – живет где-то рядышком и поглядывает гордо, свысока: нет для него времени? Мало в сутках часов? Ну, так тебе же и хуже!..

Опыт – он только мой. Как мои руки, мое сердце, жизнь моя. Он может умереть вместе со мной. Должен вместе. А, может быть, он должен жить, и нельзя от него отмахиваться, как от назойливого старикашки. Ведь он еще может послужить кому-то и позабавить кого-то, понянчить и, возможно, смягчить чью-то душу?

Глава шестая

Объяснение в любви. Прогулка под дождём. Роковой треугольник.

Я сидела в классе одна и перечитывала Блока. Да, я не так часто оставалась одна, но в этот раз была довольно долго. Никто не входил. Походило на сговор, о котором я догадывалась.

Вдруг дверь широко распахнулась, и вы с Вадимом вошли. Первые секунды оба молчали. Потому, вероятно, и возникло непонятное напряжение с вашим приходом. Постепенно оно нарастало.

Охваченная недобрым предчувствием, я готова была кричать: «Не надо! Пощадите меня и друг друга!..»

Не крикнула. С ужасом ждала.

– Говори, – предложил ты Вадиму снисходительно, бегло взглянув на него и, останавливая взгляд на мне, усмехнулся. Эта усмешка, свойственная тебе одному, всегда позже звучала и в твоих письмах, если даже речь шла о чем-то серьезном.

Казалось, вы оба нервничали.

– Давай, лучше ты, – сказал мягко Вадим после некоторой паузы.

– Тогда выйди, – предложил ты Вадиму, не меняя интонаций.

Он медленно пошел к двери, потом остановился и сказал:

– Я тебе верю, но все-таки: должно быть так, как договорились! Понял? Я тебе верю!

– Идет, – коротко бросил ты.

Вадим плотно закрыл за собой дверь. Сейчас должно было что-то произойти. Я ждала этого. Ждала и боялась больше всего на свете. Я чувствовала: от меня что-то зависит, но я не справлюсь, не смогу... Уже не смогу или

еще не готова – этого я тоже не знаю. Возможно, и лучше, что не смогу. А иначе, можно погибнуть, но можно и спастись. Можно загубить, но, кажется, можно и сохранить. Все это я скорее ощутила, нежели поняла, постигла рассудком. Нет, ничего я в этот момент не понимала.

Ты взял мои руки в свою ладонь и заговорил взволнованно, спотыкаясь на каждой фразе:

– Конечно, можно, видимо, подождать... Может быть, и нужно даже. Но!.. время идет, и может произойти ошибка. Непоправимая, она может стоить дорого. Она может стоить жизни. Да, жизни, и не одной.

Маленькие тугие молоточки колотили в висках так твоим словам. Я попыталась высвободить руки, но ты держал крепко.

Внезапно я все поняла. Поняла гораздо больше. Поняла, что не найдется в целом мире такой силы, которая заставит меня сказать «нет!»

Нет, такая сила была. Она всегда являлась неожиданно. Всемогущая и необъяснимая, она отрицает всякую логику. Она может безжалостно разрушить там, где необходимо и посильно созидание. Когда? Почему? За что? – все это праздные вопросы, на которые она не станет отвечать, предпочитая самолюбивое молчание. И далее: Но кто? Но кому? Ад или блаженство? Божий дар или – жестокая кара? Достоин или – случайность? И сегодня не смогла бы я ответить на эти вопросы, вечные вопросы. Такова эта сила, – сила любви!

А ты говорил:

– Уже почти конец сентября. Время идет. До твоего приезда мы были с Вадимом близкими друзьями. Мы думали, что сможем сберечь нашу дружбу, что никто и ничто не способно будет нас разлучить. Но вот приехала ты...

Наступила долгая, тяжелая пауза. Ты говорил каким-то книжным языком, выражаясь несколько высокопарно,

но меня это не смущало и не настораживало. Твои слова, мои мысли, состояние души и эта обстановка – всё как бы подчинялось единой гармонии, всё было взаимосвязано и глубоко органично, будто дано свыше. И всё же чего-то недоставало, из-за чего все происходящее становилось осязаемо хрупким, неустойчивым.

Страх подбирался к самому горлу. Я сама всегда боялась своих слёз: они не только не приносили облегчения, но даже приводили к болезни на несколько дней. Кроме того, если я начинала плакать, мне трудно было самой остановиться. И вот, едва сдерживая рыдания, я стала просить:

– Не надо больше говорить! Ничего не надо!

Но, пытаясь сохранить спокойствие, ты продолжал:

– Как выяснилось, мы оба тебя любим. Пожалуй, для нас обоих это большое несчастье. Ясно, что ты ни в чем не виновата. Вадим встретил тебя раньше, когда вы плыли на теплоходе. К сожалению, это обстоятельство не может изменить моего чувства к тебе. Я, вероятно, люблю тебя не меньше, чем Вадим. Хотя... как это определишь?

При последних словах ты горько усмехнулся.

Казалось, мы все – трое – знали, что произойдет, но зачем тогда понадобилось это объяснение? Да и этот вопрос оказывается из разряда неуместных. Очевидно, была какая-то закономерность, по которой мы должны были пережить и этот тягостный разговор, тягостный для нас троих.

– Кира!.. девочка!..

Твой голос дрогнул, и ты выпустил мои руки.

– Кира, тебя никто не обвиняет, но мы с Вадимом решили, мы решили: последнее слово за тобой. Кто-то из нас честно отойдет и не станет мешать. Будет нелегко, но мы так договорились. Нужно решать. Больше нельзя ждать... Ведь ты принимаешь знаки внимания и заботу Вадима. Вы стали ближе, подружились, – это естественно: вы раньше встретились, но... Я ведь уже

сказал, что не могу лишь поэтому разлюбить или хотя бы меньше любить. Не могу отойти сам. Ты слишком дорога мне. Это верно, что кто-то из нас потеряет тебя и друга, но мы сами так решили. Но ты... ты сама должна сказать. Вероятно, в потерявших окажусь я, но пока последнее слово остается за тобой. Прости, всё это похоже на сентиментальную пошлую мелодраму, но... Кира!

– Уйди! Что вы наделали?! – сказала я в отчаянии, не узнавая собственного голоса, и закрывая лицо руками.

У двери ты обернулся и уже тверже, почти требовательно сказал:

– В течение полчаса сюда никто не войдет. У тебя есть время. И еще... Если бы ты могла уехать!..

Ты постоял, помолчал, и добавил:

– Только не уезжай!.. Если бы ты... Вернее, если бы он...

Ты вышел, а я затравленно посмотрела на часы. Полчаса на решение. Что я должна была решить, если решать было нечего, уже нечего: я любила тебя, а выбрала его, потому что тебя я любила еще раньше, до твоего объяснения.

Может быть, когда впервые вошла в класс, и ты сказал весело:

– Ну, что? Бросим жребий, кому сидеть с новенькой?

Все зашумели, а Вадим засмеялся и ответил тебе:

– Зачем бросать жребий, если я сижу один?

Он потянул меня за руку и усадил рядом с собой. В моем столе уже лежали аккуратно сложенные им тетради и учебники. Позже я узнала, что вы нарочно разыграли эту сцену, и ты втайне надеялся, что я сяду рядом с тобой.

Я тупо поглядывала на часы и ни о чем не могла думать. Вдруг под окном послышался громкий, сухой треск. Трещали сучья. Ничего не соображая, я выбежала из класса. На лестнице встретила одну из соклассниц. Ася была взволнованна и, кажется, пыталась меня остановить.

– Там драка! Дерутся! – испуганно и односложно оповестила она, хватая за руку.

Я оттолкнула ее, и вот уже стояла между вами, широко раскинув руки. Вы оба тяжело дышали, но драку прекратили сразу.

– Ты поступил нечестно, – сказал Вадим.

– Вы оба!.. Я обоих вас ненавижу, – сказала я слишком громко и не выдержала – заплакала.

Ты прислонился к дереву и глухо обратился ко мне, будто не замечая больше Вадима, словно он вовсе перестал существовать:

– Кира! Ты защитила его! Всё решилось само собой... Ясно! Я – не тот! Но ты понимаешь, и он... и он тоже – не тот!.. Ты одна – словом, ты – такая!.. Ты и должна быть такая!..

Махнув рукой, ты быстро зашагал вглубь осеннего сада, сопровождаемый шорохом сухих листьев.

– Ты же обожаешь дождь, Кира! Пойдем, погуляем. Хочешь, я возьму зонт, и мы пойдем к пристани? – уговаривал Вадим.

«Вытягивать» меня на прогулки – это тоже было частью его постоянной заботы. Знал он и помнил рекомендации врача в связи с тем, что не все было в порядке у меня со здоровьем.

К счастью, он не проведал, что полагалось мне и дополнительное питание, от которого я отказалась, чтобы не привлекать к себе внимание.

Дождь накрапывал, теплый и тихий.

– Дождь-поцелуй, – говорила я, а он умильно улыбался.

Его трогало и умиляло все, что я делала и говорила.

Я шла рядом с ним и не слышала, о чем он говорит. Думала о тебе. Думала, пытаясь представить, что рядом со мной идешь ты...

– Я хотел бы немного успокоить тебя, – сказал Вадим,

когда мы спустились к пристани.

– Успокой, – ответила я равнодушно, еще продолжая думать о тебе и не зная, о чем пойдет речь.

Ничего не умея объяснять словами, он чувствовал всегда мое настроение, и всё же решил продолжить:

– Мы как-то говорили с Крутовым после того дня, – он сделал паузу. Ему было трудно говорить. После какого дня, – я знала. И он знал, что я это знаю и помню.

– Тебе не надо больше думать об этом дне и о нем тоже. Понимаешь?.. В общем, он сказал, что ошибся. Ему показалось... Он не любит тебя...

– Неправда! – неожиданно для себя вскрикнула я, и вдруг поняла, какую боль причинила Вадиму.

Но было уже поздно. Поздно на миг, на секунду. И снова он все принимал и все прощал.

– Как?! Кира?! – поразился было он после моего вскрика, но тут же стал утешать, – Он – замечательный, очень интересный и такой умный... Но может же быть, что ему показалось вначале. Но ты ведь такая... Ты не похожа на наших девчонок.

А потом он понял.

– В таком случае, почему бы вам не помириться, – спросила я, уже раздражаясь.

– Я готов, но он... Словом, что-то все-таки произошло, нарушилось, – ответил Вадим.

«Окажусь в потерявших», – вспомнила я.

– У него было увлечение. Ты же знаешь, что ему нравилось... Ему понравилась Галка Козлова, когда приехала к нам в шестой класс. Они немного дружили, а потом у него все прошло.

Он продолжал успокаивать, а я все молчала.

– Кира, прости! Я зря затеял этот разговор. Тебе неприятно, прости меня! Поверь, я очень люблю тебя и не представляю, как буду жить, если мы расстанемся. Но ведь мы не расстанемся, правда?!

Я молчала.

– Кира, он – эгоист. Поэтому тебе лучше оставаться со мной. Он, Кира... Такой человек, как Крутов, может предать.

– Да перестань же! Неужели ты... – я не могла больше ни слушать, ни говорить, и слезы хлынули потоком, и уже не контролировала произносимое мной.

Мгновение, и он подхватил меня на руки и стал утешать точно так, как утешают совсем маленьких и глупых:

– Не плачь! Ты – хорошая! И он – такой добрый, такой хороший! И он любит тебя! Все здесь тебя любят! Не надо плакать: видишь, даже дождь пошел сильней! Пойдем, только не плачь. Кто-нибудь увидит, станет смеяться. Вон Тузик побежал. Беги к нам, Тузик! Кира тебя хочет погладить. А завтра тебя спросят по физике. Я смотрел журнал: у тебя меньше всех оценок. Ты получишь пятерку, правда?!

Он нес всякий вздор, и так у него все это выходило складно, это у него-то, недалекого, косноязычного, не прочитавшего, наверно, ни одной книжки. Разве что-нибудь по программе? И я почти успокоилась. Сколько раз повторялась нечто подобное. Не потому ли я вспоминаю о нем со стыдом и сожалением. За свою любовь он был вознагражден лишь жалостью и снисхождением, а позже жестокостью.

И не потому ли я сама была наказана еще и еще любовью и привязанностью тех, кто мне абсолютно не был нужен, чьи страдания приводили к растерянности и отчаянию?

Но что гораздо ужаснее: жалость и снисхождение с моей стороны, и неумение, нежелание вовремя отойти, с другой, приводили нередко к непоправимым роковым ошибкам...

Глава седьмая

Диалоги в столовой. Марина. Тупая выходка. Ссора с Вадимом.

Никогда, а особенно в детстве, я не отличалась хорошим аппетитом. «Открывай рот!» – раздраженно произносила мама. Эта фраза преследовала меня и в школе, и в больнице. Теперь же на нетронутые мной котлеты и супы было обращено заботливое внимание Вадима. Он сидел напротив за столом и бдительно следил за каждым движением. Видя брезгливо отставленные тарелки, Вадим стремительно вскакивал, шел к раздаче и тихо выпрашивал оставшиеся от завтрака бутерброды, если, конечно, они оставались. Кого-то из нас – меня или его, – или нас обоих жалея, смешливая толстушка тетя Феня подавала на тарелочке пару кусков хлеба, слегка испачканных сливочным маслом. Случалось, что тут же оказывался тоненький кусочек сыра. Свою чуткость она сопровождала словами:

– Ой, ну что за девка тебе досталась?! И в чем только душа-то держится? Да уж больно культурная и неженка. Видать, баловали. Наши-то попроще да поздоровше будут...

Последние фразы она проговаривала тихо, но тот, кто сидел близко к раздаче, всё же мог слышать. Вадим улыбался ей и отвечал каждый раз:

– А мне, тетё Фень, не надо проще! Я избалованных люблю да неженок!

Я сразу слизывала масло и не спеша жевала хлеб. И не спешила до тех пор, пока рядом находился ты. Да ты сидел за соседним столом, но все равно рядом. Мы переговаривались, перебрасывались шутками. Порой ты так шутил, что вызывал у меня еще большее отвращение к еде. Я, не выносившая запахов пищи, особенно в

общественных столовых, не могла на тебя рассердиться. Рассердиться... О чем говорю? Ведь я была невероятно счастлива оттого, что ты находился рядом.

– Хочешь пересесть на мое место? – однажды предложил Вадим.

– Нет! – отрезала я. И он, уже в который раз, смирился. А ты не унимался, догадываясь, что твои реплики не только не сердят меня, но даже развлекают и забавляют.

– Это же восхитительно, Кира! – громко сказал ты, с шумом отхлебнул борщ и причмокнул. Я насторожилась в ожидании неаппетитных комментариев. Замер и Вадим с пустой ложкой в руке.

– Ты знаешь, никак не мог понять причину столь пикантного привкуса... Оказывается, всё просто: этот борщ заправлен крысиными хвостиками. Кирочка, разве ты не собираешь кулинарные рецепты?

– Фу, какая гадость! Да ну тебя, Крутов, – сказала я, а ты захохотал во все горло.

– Крутов, перестань ржать, как дебильный! – закричала вожатая Марина.

Она дежурила по столовой, но криком своим не только призывала к порядку, а, скорее всего, выплескивала гнев, вызванной ревностью. Ты стал хохотать еще громче.

– Слушай, Крутов, где ты вообще-то находишься? – уже заорала Марина, и подскочила к твоему столу.

– Там же, где и вы, мадам! – весело парировал ты.

– Перестань, бога ради, – тихо попросила я, и ты замолчал.

Между нашими столами был очень узкий проход: мог пройти один человек, да и то боком. Я наблюдала, как во время дежурства Вадима ребята каждый раз раздвигали столы и расширяли проход, но почему-то он снова сужался каким-то непостижимым образом.

Как бы демонстрируя свой аппетит, ты то и дело подходил к раздаче, а сам тихо просил тетю Феню:

– Только, пожалуйста, совсем немножко... Ну, опять... Куда столько?! Я же не лошадь?!

– Ешь, Крутов! Ты у нас самый большой, и кишки у тебя самые длинные, – добродушно комментировала она. Проходя между столами, ты, как будто нечаянно, задевал меня, а после расшаркивался, рассыпаясь в многословных и напыщенных извинениях. Я смеялась. Вадим злился, а ты, изображая смущение, растягивал слова и комично произносил фразы: «Никогда бы не посмел вас потревожить, милостивая государыня» или «Боже, как я несчастен! Да будьте же ко мне снисходительны!», «Если же я посмел вас запачкать, позвольте же мне постирать ваше платье! Позвольте мне быть вашей прачкой!»

Бедный Вадим. Иногда я щадила его и делала вид, что не обращаю внимания на твои выходки. Но чаще не выдерживала, смеялась и язвила в ответ тебе. А ты, понижая голос (и в такие минуты в нем звучала невыносимая нежность), говорил:

– Милая моя девочка, где и когда ты успела пройти школу злословия?

Слышал все это и Вадим, да только слышали мы с ним по-разному. Я трепетала от счастья, а он... вынужден был принимать яд, замешанный на любви и ревности, возможно, в такие мгновения ненавидел нас обоих. Или себя, так полюбившего...

Однажды, возвращаясь на свое место с добавкой, ты подтолкнул меня, и я выронила ложку.

– Боже, как я неуклюж! Умоляю, милостивая госпожа, простите раба вашего! Мог ли я вообразить, что совершу подобную дерзость?! Ах, какой я негодяй!

Ты пошел к раздаче и вернулся с чистой ложкой. А еще зачем-то принес чистую, пустую тарелку. Я рассмеялась и сказала:

– Ты, Крутов, хоть тресни, а я тебя ни за что не прощу теперь!

– Что же ты со мной сделаешь, Кирочка? – спросил ты, внезапно понизив голос.

– Отомщу, – ответила я.

А ты сразу артистично заахал - заохал:

– Ты ли это, милая Кира? Что за угрозы? Боже милостивый, что со мной будет? Неужели же ты забыла, что жизнь дается человеку лишь один раз? И откуда в тебе эта беспощадность?

Я посмеивалась. Не знаю, сколько времени мы бы еще дурачились

– Хватит, Крутов! – не выдержал Вадим, и наш диалог прервался.

На следующий день во время обеда, когда ты пошел к раздаче, я неожиданно для себя вдруг задвинула под стол твой табурет. Вадим недоуменно посмотрел на меня и – промолчал. Ты вернулся, держа в руках тарелку, протиснулся между столами и, садясь на невидимый табурет, шлепнулся на пол. Шум и голоса в столовой перекрыл твой громкий, раскатистый хохот. Я испуганно посмотрела на тебя и съежилась от собственной глупой выходки. А ты не умолкал и, хохоча, все приговаривал:

– Правда, отомстила! Ай, да молодец! Не ожидал! Ай, да Кира!

Тарелка прыгала в твоих руках. Тебя попытались урезонить, но ты не обращал внимания. Мне стало стыдно и противно, и я выбежала из столовой. Вадим бросился за мной:

– Кира, не плачь! Ну, хочешь, я поговорю с ним? Пожалуйста, успокойся...

Мы отошли от столовой, но я продолжала слышать твой очумелый хохот. Вадим разволновался и нес всякую чушь, лишь бы успокоить меня:

– Когда моя куколка плачет, она перестает быть похожей на красивую Эрику. Не плачь, станешь походить на сломанную советскую Машу...

Зло оттолкнув его, я закричала:

– Правильно, я – кукла! Да, кукла! Кукла! А ты!.. А вы!.. Я ненавижу тебя! Ненавижу!

– Я знаю, – спокойно сказал Вадим.

Его спокойствие отрезвило меня и все же, едва сдерживая слёзы, произнесла:

– Уеду! Совсем уеду! Не могу больше!

– Да брось ты, Вадька, эту истеричку! – предложила подоспевшая Марина.

Он не ответил. Марина не успокаивалась:

– Никак не поделите ее! Тоже нашлась принцесса!

– И делить нечего! Отдай Крутову, и совсем будет хорошо, – рассуждал подошедший Сережа Карамов. Шутил.

– Очень она нужна ему! – ответила за Вадима Марина и зло взглянула на меня.

– Марина, вас разыскивает директор, – сказал подошедший Алексей Федорович.

Но возле нас уже стояли Стас со Светой, Флора и Ася. Они требовали, чтобы Марина извинилась. А она стала кричать, все больше краснея и оправдываясь:

– А что я сказала? Вы повторите, что я такого сказала? Это же шутка! Никто не обижается, а она...

– Не нужны мне ее извинения, – тихо сказала я и отошла.

– Друзья, прогуляемся до пристани? – легко пригласил Стас всех.

И Света тут же подхватила:

– Правда, пойдёмте! Пойдем, Кирочка! И не обращай ты внимания на Марину, она очень не выдержанная. Но все равно добрая.

– Или ты не разбираешься в людях, Света, или нарочно прикидываешься и врешь, – подытожила Ася Майотова. А Света, как всегда в подобных случаях, ответила тихим снисходительным смехом.

Глава восьмая

Две умницы. Динара Имашева. Письмо.

В начале сентября меня озадачили известием. Оказывается, в нашем классе должны учиться еще две девочки, отсутствовавшие по причине болезни, и все твердили, что вот приедут Нина и Динара, и я, мол, обязательно подружусь с ними, что они, мол, очень умные.

– Ты подружишься с ними. Тебе будет интересно. А Флоре не доверяй. Ты скажешь ей что-нибудь по секрету, и сразу весь Свияжск узнает, – говорил Вадим.

– Ну, какие они? – нетерпеливо вопрошала я.

Он задумывался, что-то вспоминал, а затем говорил сбивчиво и неопределенно:

– Нина хорошая. И Динара – отличная девчонка.

Правда, ее все называют коммунисткой.

– Почему? – удивлялась я.

– Ну, понимаешь... она какая-то идейная. Всегда посоветует, все знает и учится нормально. И Нина тоже учится нормально. Нина тоже – умная, простая... В общем, приедут – увидишь сама. Они обе простые, понимаешь?

– Нет, ничего не понимаю. А между собой они дружат?

– Вначале дружили, а потом... Нет, не знаю. Они вообще-то дружат, но как-то не любят, что ли, друг друга.

– А почему они обе заболели вдруг? Такие слабенькие? Или, может, договорились?

Вадим смеялся:

– Ну, что ты выдумываешь! Нина такая здоровая, такая крепкая, сбитая, такой пончик. А Динара... Она часто болеет. Что-то у нее с руками.

– А с мальчиками они дружат? – продолжала я допрос.

– Нет, что ты! Какие мальчики?! Вообще-то, говорят, что Динара... Нет, я не знаю.

– Может, они кого-нибудь любят безответно? Или обе – одного?

Вадим отмалчивался, уходил от моих вопросов, а я... Эти таинственные особы все больше не давали мне покоя. Тем более, что учителя время от времени сравнивали меня с ними – то с одной, то с другой и, как правило, не в мою пользу. И почему я должна с ними подружиться?

Но главная причина моего нарастающего беспокойства, конечно, была связана с тобой. С Вадимом было все ясно: они не интересовали его. А ты? Что за отношение у них с тобой? Или у тебя с ними? Вдруг ты, действительно, сказал Вадиму правду: увлекся, ошибся и – всё прошло. Не любил и не любишь... Может, нарочно лгал ему. Или ложью защищался сам от своей любви? Оберегал ее, свою любовь, как и я?

Нина болела дома, а Динара была в больнице и готовилась к операции. Мальчишки и девчонки из разных классов собирались вместе и навещали ее. Приглашали и меня, но я отказывалась под всякими предлогами, отказывая себе в удовольствии прокатиться на теплоходе. К тому времени я уже как-то излечилась от морской болезни. Оставаясь в школе, часто сидела в классе одна и думала. Всё дело было в том, что я боялась слишком идейных и терпеть не могла нравочений. А вы возвращались из города взбудораженные, повторяли реплики, произнесенные Динарой, ее шутки, прямо-таки цитировали.

Операция была сложной и продолжительной. Врачи не спешили с выпиской. Посещавшие Динару после операции в больнице, восторженно рассказывали, как мужественно вела она себя в операционной: читала Некрасова и даже пела. Мне же всё это казалось противестественным, нелепым и настораживало еще больше, вызывая тревогу и недоброе предчувствие. Нетрудно было догадаться, что ей сообщались все

школьные новости. Нет, конечно, – не ты... Но кто же поведал ей о возникшем треугольнике, о моем выборе и обо всём прочем?

Прошло немало времени, и я поняла, что она умела вызывать вас на откровенность, притворяясь сострадающей и готовой ради вас на любые жертвы. Она упивалась ролью устроительницы, добродетельной и проницательной. А вы восторгались, благодарили, чувствовали себя должниками, словно не запускала она свои костлявые пальцы в самое сокровенное, что зарождалась в ваших нежных, еще почти совсем детских душах.

Не могла я ей поверить, не захотела навещать, слушать советы и наставления, но дурное предчувствие, связанное с ней, всё же не покидало меня.

Возможно, вам не хватало ваших «умниц», ведь вы привыкли к ним, находясь рядом не один год. Возвращения «умниц» ждал с нетерпением даже Вадим. Вероятно, он рассчитывал, что дружба с ними ослабит или прервет мою дружбу с Флорой, из-за которой мы с ним нередко ссорились.

– Что ты с ней возишься и выслушиваешь часами ее бред? Ромка любит ее, а она... Ей подавай Женю, которого Флора совершенно не интересуется. Ясно же, что он любит Наташу.

– Нет, не ясно! И не любит он Наташу! – огрызнулась я.

– Всё равно, Женя с Флорой абсолютно разные.

– А мы? Мы с тобой не разные? Не разные, да?

– Ну, Кира, причём здесь мы? Причём это?.. Флора – болтушка и со странностями.

– Флора – добрая и справедливая!

– Нужна тебе ее доброта...

– Доброта нужна всем и всегда. К тому же, Флора – настоящий друг, преданный друг, понимаешь?!

Видя, что я уже раздражаюсь, и это раздражение сейчас обернется против него, Вадим говорил миролюбиво:

– Ну, ладно, ладно, пусть. Она – так, ничего девочка. Но и Динара – и добрая, и справедливая. Вот сама увидишь.

Как-то мне показалось, что имена ваших «умниц» произносятся тобой подчеркнуто уважительно. И вот я стала внимательно следить за тобой, когда о них заводишь разговоры. И вскоре заметила, что ты не только горячо поддерживаешь такие разговоры, но и являешься их инициатором, при этом украдкой поглядываешь в мою сторону и, как всегда, в конце беседы дурачась, делаешь неожиданные выводы, обращая на меня всеобщее внимание.

– Динара много читает и пишет отличные сочинения. Наверно, станет педагогом.

Ты усмехнулся, быстро взглянув на меня, и добавил:

– Правда, она не пишет стихов. Да, и правильно делает.

– Нина будет педагогом. А Динара, наверно, начальником. Или каким-нибудь там директором, – лениво включался в разговор Ваня Якубов.

И вдруг ты перебивал Ваню:

– Точно! Нина будет педагогом. Она отлично знает математику! И вот, когда Нина приедет, Кира станет подлизываться к ней, чтобы Нина решала ей задачки, примеры, уравнения! Да-да... Кира, а тебе придется писать ей сочинения! Кажется, долг платежом красен! А у тебя мало свободного времени... Вообще-то, какое это имеет значение? Я и так уже привыкаю к твоей неблагодарности. Что поделаешь? – ты притворно вздохнул.

– Знаешь, Крутов, я лучше эту вашу вторую «умницу», как там ее? Да, Динару, научу писать стихи, чтобы она посвящала их тебе.

Ты как будто ждал такой реплики:

– Вот спасибо-то тебе! Я же не принимаю объяснений в прозе. Мне бы сонеты. Или даже лучше – поэмы. Но для

начала ты попробуй, Кира, сама потрафить моему тщеславию и больному самолюбию.

– Иди ты к чёрту, – просто сказала я.

А ты стал хохотать, приговаривая:

– Кирочка, после «ч» пишется «о» или «ё»?

Я испугалась, что ты догадался, понял причину моего беспокойства, и теперь нарочно дразнишь меня.

Спустя некоторое время, я узнала, что ты относился к ним к обеим дружелюбно, но не более. Динара смогла вернуться в школу лишь на следующий год, но через два года судьба всё же свела меня с ней. Эта встреча стоит того, чтобы о ней рассказать особо, описывая в подробностях. Кажется, я жестоко поплатилась за своё нежелание встречаться прежде, за непосещение в больнице. Возможно, не только за это. Динара сумела вызвать к себе сумасшедшую жалость и заставила в буквальном смысле униженно служить ей. Кроме того, она воспользовалась моей добротой и порядочностью, а после – коварно предала. А пока...

На перемене физик вручил мне толстенный конверт.

– Как? От Динары? – удивился Вадим и, подавив любопытство, стал рыться в учебниках.

Да, письмо было от нее. Бесцеремонным вторжением в мои чувства оно покорило меня и вызвало физическое отвращение к его автору. Позже, и не от неё, я случайно узнала, что Динара была влюблена в Костю Шмелёва. Её любовь была безответной, но Костя, будучи от природы человеком мягким и добрым, щадил ее и относился к ней вполне дружески. Он каждый раз навещал её вместе со всеми в больнице, но в палате ни на секунду не задерживался, опасаясь заечь в ее душе даже маленькую искорку надежды. А душа Динары, между тем, усыхала и черствела, всё больше уступая беспощадному, эгоистичному разуму.

На письмо я не ответила. Почему? Во-первых, мои принципы не позволяли ответить дерзко, то есть – бить лежачего – в буквальном и переносном смысле. Да и информацию она, скорее всего, получила несколько искажённую, как по испорченному телефону. Во-вторых... Могла ли я уже тогда, обсуждая свои чувства с незнакомой одноклассницей, говорить о том, что становилось смыслом моей дальнейшей жизни, что объясняло многие поступки и заставляло принимать необдуманные решения, круто менявшие мою жизнь?

Прочитав послание, я решила сохранить его. Вот оно:

«Здравствуй, уважаемая Кира! Пишет тебе незнакомая одноклассница Динара Имашева. Я очень рада, что ты учишься в нашем классе. Из разговора с ребятами и учителями я поняла, что ты – человек интересный в общении, много читаешь и даже пробуешь писать стихи. Правда, не могу понять, почему ты заинтересовалась Вадимом и даже дружишь с ним? Видимо, ты не знаешь, что его и в комсомол не приняли, чтобы не позорил организацию плохой учебной и посредственным поведением. Говорят, что в этом году он несколько изменился, подтянулся, но, очевидно, произошли такие перемены благодаря тебе. Кстати, а почему же ты сама до сих пор не в комсомоле? Думаю, тебе необходимо пересмотреть свои убеждения.

Особенно меня интересует, почему ты, Кира, оттолкнула Крутова и предпочла Вадима? Неужели Крутов менее достоин внимания? Пожалуйста, объясни. Может быть, на твой выбор повлияла дружба с Флорой, такой глупой и пустой девочкой? Вообще, к дружбе с мальчиками следует относиться более ответственно и более серьезно. Кроме того, ты же знаешь, что из-за тебя расстались друзья, то есть Крутов с Вадимом?

Хотя я до сих пор не могу понять, на чём держалась их дружба. Что касается девочек, советую тебе подружиться с Леной Новожиловой и Машей Мухиной.

Они, конечно, очень разные, но это и лучше. Но доверять, всё же, им не следует. О тебе говорят со мной многие, но всё равно представить тебя мне нелегко. Еще я узнала, что ты позволяешь себе кокетничать с Алексеем Федоровичем. Между тем, в него была влюблена Раиса Петровна. Ты, Кира, вероятно, причиняешь ей боль, пусть даже невольно. Советую тебе прочитать внимательно поэму Некрасова «Русские женщины». Возможно, ты иначе согласишься на жизнь, а ведь она дается человеку один раз. В поэме много поучительного и полезного.

Уважаемая Кира, я могла бы дать тебе рекомендацию в комсомол, но, чтобы мне вернее представить тебя, ты должна ответить на поставленные мной вопросы. Итак:

1. Достоинство, которое ты больше всего ценишь в людях?
2. Достоинство, которое ты больше всего ценишь в мужчине?
3. Достоинство, которое ты больше всего ценишь в женщине?
4. Твоя отличительная черта?
5. Твоё представление о счастье?
6. Твоё представление о несчастье?
7. Недостаток, который ты, скорее всего, склонна извинить?
8. Недостаток, который тебе внушает наибольшее отвращение?
9. Твоя антипатия?
10. Твоё любимое занятие?
11. Твои любимые поэты?
12. Твой любимый праздник?
13. Твой любимый герой?
14. Твоя любимая героиня?
15. Твой любимый цветок?
16. Твой любимый цвет?

17. *Твоё любимое имя?*
18. *Твоё любимое блюдо?*
19. *Твоё любимое изречение?*
20. *Твой любимый девиз?*

До свидания. Жду ответа. Жму крепко твою руку. Твоя новая подруга Динара Имашева»

Прошло много лет, и я обнаружила источник данной анкеты на стр. 274-275. Где на вопрос о любимых именах был ответ «Лаура и Жени». А антипатией именован – Мартин Гапер.

Это письмо измучило меня окончательно и заставило принять твердое решение – уехать навсегда... Кому-нибудь ответить. Хотя бы себе. Мне не с кем было поделиться, некому поплакаться. Вадим не понял бы. А ты... Тебя я боялась. Боялась твоих насмешек. Боялась и больше всего желала, чтобы Динара не вернулась в школу, пока я не уеду. К счастью, так и случилось. Но письмо...

Я вырезала анкету и, чтобы как-то утешиться, много раз ответила на поставленные вопросы, вначале устно. А однажды, когда лежала с высокой температурой, вдруг стала писать и – смеяться громко, на всю спальню. Наверное, было слышно в коридоре. И вот что получилось:

1. *Знание своего места.*
2. *Мозги.*
3. *Кулинарные способности.*
4. *Жалость.*
5. *Одиночество.*
6. *Одиночество в присутствии других.*
7. *Порядочность.*
8. *Лазание некоторых в грязных галошах в чистые души.*
9. *Ты!!!*
10. *Бить баклуши.*
11. *Никем не любимые.*
12. *Никем не любимый.*

13. Емеля.
14. Тоня Туманова.
15. Чертополох.
16. Траурный.
17. Хавронья.
18. Жареные подсолнухи.
19. Бумага все стерпит.
20. Знай край, но не падай.

Были и другие варианты ответов: смешные, нелепые, злые, снисходительные, но они не сохранились...

Глава девятая

Ася. Слухи и домыслы.

Предупреждение Флоры. Месть.

Ася Майтова училась в нашем классе. Маленькая, похожая одновременно на бочонок и на кого-то из семейства грызунов, она отличалась от всех тем, что ни с кем не дружила и, кажется, не испытывала хотя бы симпатии или расположения. К ней тоже относились довольно-таки безразлично.

Всегда неухоженная, с засаленными волосами (она носила короткую стрижку), похоже, озлобленная на весь мир, Ася порой принималась ходить по классу, тяжело ступая и сопя. Как будто в эти минуты она замышляла нечто угрожающее, что-то такое, что должно было доказать ему, миру, что он жестоко ошибается, недооценивая ее достоинства. Но она, Ася, еще покажет, докажет, заставит.

Впрочем, были и достоинства, бесспорные и завидные. Может, одно достоинство. Ася с великим упорством (в отличие от меня, например) занималась музыкой и небезуспешно: играла на нескольких инструментах и довольно сложные вещи. Кроме того, она пела, что совершенно шокировало меня в первый день. Дело в том, что Ася разговаривала сиплым, сдавленным, каким-то ватным голосом и, если окликала кого-нибудь, казалось, ей стоило немалых усилий, чтобы выдавить из себя, будто из чрева свсего, слышимый сип.

Она отказывалась солировать, но в хоре, в ансамбле без особого труда прослушивался ее низкий, поставленный от природы, гладкий, глянцевоый голос. Петь с ней было легко и удобно, но почему-то не очень уютно. От ее голоса, да и от нее самой веяло холодом, чем-то нежилым, неживым. Освоив альтовую партию с первого раза, Ася никогда не ошибалась.

В хор меня затащили почти сразу, а в ансамбль приняли в силу необходимости. На мое счастье или несчастье, в то время в школе не оказалось более высокого сопрано. Пели в ансамбле, главным образом, классику. И однажды, когда разучивали «Горные вершины», доброжелательная Света (тоже сопрано) вдруг недоброжелательно и капризно заметила:

– Кира, ты выделяешься! Можно же петь потише!

На это совершенно неожиданно для меня Ася ответила:

– А без неё вы вообще не споёте, ведь никто из вас даже фа-диез не возьмет. А она, если нужно, возьмет свободно, даже выше, хотя бы «ля».

Свой монолог Ася произнесла обычным сильным голосом, холодно глядя на Свету, и та благоразумно замолчала. Замечание Светы меня неприятно поразило, а заступничество Аси глубоко тронуло. Замкнутая, угрюмая Ася, ...и вдруг. Надо же!

Я решила из чувства благодарности что-нибудь подарить ей к Новому году. И вот, случай представился.

На перемене мальчишки открыли окно, чтобы проветрить класс.

– Хватит! Уже холодно! Закройте! – сдавленно попросила Ася.

– Закрывать окно следует после звонка на урок, – неумело пошутил Ваня Якубов, кажется, таким образом, немного заигрывая с Асей.

Я подошла к Асе и, сняв с себя пушистую ярко-оранжевую кофту, которую мне прислала старшая сестра, надела на нее.

– Спасибо, Кира. Я согреюсь и отдам, – сказала Ася, ничего не подозревая.

– Нет. Я хочу подарить тебе ее. У меня же еще одна есть, – прошептала я.

– Ты что?! Я не возьму! Она же дорогая! Да и маме, что я скажу?

– То и скажешь, – тихо сказала я, застегивая пуговицы, а Ася, испуганно возражая, все пыталась стянуть с себя мой подарок.

– Ну, пожалуйста, перестань, – тихо попросила я и вернулась к своей парте.

Ты сидел недалеко и, разумеется, не мог оставить без внимания мой поступок.

– Как мы великодушны! Как восхитительно добры! Какой жест! – медленно и противно выговорил ты.

Я взбунтовалась:

– Знаешь, Крутов, а я ведь не ко всем такая добрая. Ты, например, можешь околеть от холода, я тебя никогда не пожалею!

– Я знаю, ты будешь прыгать вокруг меня и весело напевать: «Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!» Да?!

Тут прозвенел звонок на урок, и появившийся в классе Вадим тихо и недоуменно спросил:

– Почему твоя кофта оказалась на Асе?

– Так надо, – ответила я. Он направился к вешалке за моим шарфом, а ты встал, закрыл окно и, возвращаясь на свое место, внезапно остановился возле меня:

– Кира, скажи, пожалуйста, кто получает большее удовлетворение: тот, кто приносит жертву, или тот, кто ее принимает? Как ты лично считаешь?

Подошел Вадим, но ты продолжал стоять, не пропуская его. Он, молча, смотрел на меня, а я решила скорее отреагировать, чтобы прекратить разговор:

– Ни тот, ни другой! Понял? И – отстань со своими идиотскими вопросами...

Ты не дал мне договорить, хлопнул в ладоши и, громко смеясь, воскликнул:

– Правильно! Ни тот и ни другой, а третий! Умница!

Вадим проводил тебя взглядом, полным ненависти. Он понимал: только ты можешь отнять у него меня! Только ты один!

Между мной и Асей завязались какие-то полудружеские отношения. Зная, что я не могу поехать на зимние каникулы к родителям, она стала настойчиво приглашать меня к себе. Ася жила в деревне с мамой и с бабушкой. Прослышав об Асином приглашении, Полина Славина решила поделиться со мной некоторыми слухами относительно происхождения Аси. Полина утверждала, что Асина мать родила ее от известного композитора, которого Ася ни разу не видела. Он жил в Казани со своей семьей. Ни Ася, ни ее мать его совершенно не волновали. Полина знала даже то, что Асина мать намеревалась переписать дочь на фамилию отца, но только после школы.

А пока Ася была на фамилии матери, которая никогда не выходила замуж и любила известного композитора любовью безответной. Значит, Ася Майтова – дитя неразделённой, безответной любви. Дитя, надо полагать, унаследовавшее от отца талант и страсть к музыке. Рассказ Полины выглядел весьма таинственно.

Молчаливость Флоры, ее дурное настроение я объясняла моим сближением с Асей. Согласившись поехать к ней на зимние каникулы, в воображении своем я строила невероятно дерзкие планы. Займусь серьезно музыкой. Ася поможет. Пройдет полгода и... всё. Всё кончится. В прошлом останутся страдания. А любовь? Любовь я убью! Или... Нет, лучше убегу. А она... Она сама погибнет. Нет, она просто растает, улетучится, исчезнет. Всё забудется! Всё!

– Выйдем на минутку, – позвала перед отбсём Флора. Она оглядывалась и говорила почти шепотом.

«Опять будет плакать и жаловаться на Наташку», – недовольно подумала я, но последовала за ней. Мы удобно устроились на подоконнике.

– Ты, Кира, знаешь, как я к тебе привязана... Дело в том, что... – Флора замолчала, и губы ее дрогнули. Она отвернулась.

Я тут же усомнилась в своем предположении относительно ее монолога и сразу спросила:

– Что случилось? Пожалуйста, только не плачь и объясни все толком.

– Пока ничего не случилось. Но ты же знаешь, Галка Козлова. В общем, они же почти дружили с Крутовым. Ты... Она... Он... Потому что ненавидит...

Тут Флора громко всхлипнула и уцепилась за мою руку.

– Кто ненавидит? Кого? За что? Да говори же толком и перестань хлюпать, – сказала я, пытаюсь улыбнуться.

Улыбка не получилась. Ясно, за моей спиной что-то замышлялось. И то «что-то» было против меня. А Галка – инициатор и руководитель.

Флора успокоилась и снова заговорила, но уже тоскливо и как-то устало:

– Я не спала две ночи. Очень боялась, что не выдержу. Мне кажется, что это должно случиться ночью. Страшно, и страшно неприятно. А сегодня уснула на физике, и меня выпроводили из класса. Наташа тоже с ними, то есть с Галкой. А еще Лена Новожилова и Нина Платова. Они собираются на переменах и перешептываются, перемигиваются и хихикают. Вчера Лена говорит: «Тоже мне, нашлась принцесса на горошине». А Галка засмеялась и ответила: «Ничего, вот мы ее как раз и перевоспитаем».

Я решила, что Флору надо успокоить, во что бы то ни стало.

– Да что ты, в самом деле! Не убивать же они меня собрались!

Флора взглянула очень серьезно, и внезапно повысив голос, строго сказала:

– Достаточно того уже, что это – подлость!

Испугавшись, что она опять заплачет, я стала уверять ее:

– Да перестань же! Ничего не случится. Да и сплю я чутко. Могу и не спать. Не волнуйся.

Но сама почувствовала: это непременно случится. Случится скоро. Пусть случится! Главное, чтобы скорей! Вдруг Флора оживилась:

– Нет, Кира! Знаешь, давай дежурить! По очереди? А?! Пожалуйста, Кирочка! Я посплю немного, а ты, как только захочешь спать, – разбуди меня! Договорились?! Ладно, Кира? Прошу тебя, пожалуйста!

Не привыкла я принимать такие жертвы, но пришлось согласиться (как будто согласиться), чтобы успокоить ее.

Я то вытягивалась в постели и, замирая, ждала. Потом съёживалась и – снова ждала. Чувствовала, что нервы были напряжены до предела. Голова раскалывалась от боли. Я злилась на себя, на Флору, но это не успокаивало. Ну, что можно сделать со спящим? Например, вымазать зубной пастой. Чушь какая-то. Умоешься, как следует и всё... Что еще? Можно привязать к кровати. Тоже традиционное наказание. И это не смертельно. Могут... Могут накрыть подушкой и – станут душить. Или – избивать. Наплывающий сон и тревожная явь стали вдруг путаться.

Вздрогнув от шороха, производимого возле моей кровати, я очнулась. Показалось? Но нет! В темноте метнулась чья-то тень, и раздался разочарованный шепот. А в следующую секунду голос Флоры, не сонный, бодрый и спокойный:

– Кира, ты не замерзла? Я могу дать тебе второе одеяло.

Я промолчала. Пусть! Пусть случится!.. Лишь бы скорей!

В соседнем углу щелкнул злой смешок. Уже уткнувшись в подушку, я расплакалась. Расплата... Только за что?! За любовь, которая обрекла на бегство, на одиночество, лишила будущего... Измученная, обессиленная от слёз, я проваливалась в сон и возвращалась в явь, барахтаясь между ожидаемым и реальностью. Казалось, возле меня все время происходит

какое-то движение. Может быть, происходило в самом деле?

Внезапно к действительности вернул страшный ожог, будто лезвием полоснули по губам. Вероятно, еще во сне я облизала губы машинально и, тем самым, усилила жжение. Вот оно. Случилось. Молча встала с постели. За моей спиной кто-то злорадно хихикнул. Я выскочила из спальни и бросилась вниз по лестнице.

И вот уже стояла возле умывальника в расстегнутом халате и ежесекундно прикладывала к губам мокрый платочек. Мой рот пылал так, что я не могла издать ни звука. Другую руку держала у самого горла, чтобы не заорать от боли и обиды. Не знаю, было ли в умывальнике холодно, но по телу проходила дрожь, и зубы стучали. В какой-то момент рядом оказалась всхлипывающая Флора.

– Чепуха! Все прошло! Да и глупо ужасно, – бодро заговорила я.

– Это перец... Я вспомнила, как она выпрашивала у тети Фени, когда дежурила по столовой. Но не знала зачем.

Флора помолчала и вдруг гневно и отчаянно, даже зло (что не было свойственно ей, такой милой и доброй девочке) заговорила:

– Все из-за Крутова! Он – негодяй! Но причем здесь ты?! Ты же не виновата! И Марина с ними в сговоре. Эта корова!

Неожиданно для себя я прервала ее, грубо и резко:

– Да заткнись же ты в конце концов! «Кто виноват» и «что делать» – всё-то ты знаешь! Все вы тут умники! И ты, и Крутов!

Жжение понемногу проходило, и я пошла в спальню. Флора поплелась за мной, тяжело и прерывиста вздыхая. Мне стало стыдно за свой тон, за нанесенную ей обиду. Остановившись у двери, я попросила прощения. В ответ Флора испуганно залепетала:

– Что ты, Кирочка, тебе же больно! Ты же от боли так!
Ты не виновата! Это я!.. Я задремала и... Это ты меня
прости!

Глава десятая

Новогодняя почта.

Разговоры перед праздником.

Мастерская Деда Мороза.

Приближался Новый год. Многие ученики уже готовили маскарадные костюмы. Для малышей планировался утренник с подарками и представлением. Для старшеклассников здесь проводили новогодний бал-маскарад: танцы, почта – письменные поздравления с пожеланиями. Предупреждали, что поздравление можно не подписывать или же подписать вымышленным именем.

В моей прежней школе тоже по праздникам поздравляли друг друга и учителей. Поздравления писались на открытках и изобиловали штампами: личного счастья, долгих лет и т.д. Здесь, в основном, писали друг другу огромные послания: одни делали тайное признание в любви, другие – адресовали своим кумирам трогательные стихи со всякого рода пожеланиями, а кто-то высказывал обиды и выражал соответствующие пожелания именно в своем новогоднем поздравлении.

Я тоже решила тебе написать, хотя и опасалась, что мое письмо может попасть в руки Вадима. Я боялась не за себя, а за него. И все-таки написала:

«С Новым Годом, Крутов! Прими наилучшие пожелания от инопланетянки, случайно попавшей на этот сказочный остров и Новогодний праздник! Обещаю тебе помочь в наступающем году. Я избавлю тебя от волнений, тревог и сомнений. Избавлю навсегда! Будь счастлив! Аэлита».

Возле учительской на стуле стоял пустой посылочный ящик с вырезанным для писем отверстием. Ящик был заколочен. Перед праздником все письма должна была

переложить в свою сумку ученица восьмого класса, бойкая и крикливая Юля Борзых. Ей предназначалось исполнять роль почтальона. Юля была влюблена в Сережу Карамова, и поэтому часто посещала наш класс. А он считал ее глупенькой и не замечал.

Подходило к концу первое полугодие, а школа все еще не была моей: не проходила внутренняя настороженность. Ко многому я не смогла привыкнуть, боялась отличиться, что-то сделать не так, как другие, как все. Меня постоянно тяготило то, что все вокруг знали о наших страданиях, что отношения нашей тройки всегда оказывались в поле зрения учащихся и учителей. Кто-то сочувствовал, но знала: мне сочувствовали гораздо меньше, чем тебе и Вадиму. Я оказалась в положении обвиняемой, о чём красноречиво свидетельствовало и приведённое мной письмо от незнакомой одноклассницы – Динары Имашевой.

– Кира, а ты какой костюм готовишь? – строго спросила воспитательница, явно невзлюбившая меня.

Я хотела сказать, что мне не нужен костюм, что не хочу его делать, но в очередной раз испугалась, что окажусь не такой, как все, и потому ответила уклончиво:

– Что-нибудь придумаю.

– Долго думаешь, – неприязненно заметила она.

Но здесь вмешался ты. Вмешался, скорее всего, потому, что в вашей школе не принято было подобные замечания оставлять без ответа:

– Кира делает костюм Красной шапочки, это очень романтично. Но она не определилась с Волком, и поэтому свой костюм держит в секрете.

Конечно же, ты выдумывал, как часто бывало. В разговор немедленно встряла Юля, посещавшая в очередной раз своего кумира:

– Слушай, Крутов, нарядись Волком! Вот будет здорово! Такая очаровательная пара! Ты будешь рычать и всех отпугивать от Киры! Какая прелесть!

– Видишь ли, Юленька, – заговорил ты медленно, растягивая слова, – Я все же для начала должен буду Киру слопать, если ты помнишь сказочку? А сие обстоятельство непременно огорчит кое-кого. Понимаешь?

Вот так вы с Вадимом порой задевали друг друга. Вадим, разумеется, реже. Воспитательница сразу переключилась на тебя:

– А у тебя, Крутов, какой будет костюм?

– Видите ли, Раиса Петровна, я думаю, у меня должен быть костюм влюбленного дежурного. Буду всех охранять, оберегать, защищать... Особенно Киру! – внезапно закончил ты.

Я вздрогнула, а Юля весело завизжала:

– Ой! Ее, Крутов, и без тебя найдется кому оберегать и защищать! Вот ты бы лучше за мной приглядел, а?!

– Видишь ли, Юленька, тебя оберегать мне уже в некотором смысле поздно...

Ты усмехнулся, а Раиса Петровна почему-то посмотрела на меня и закричала в возмущении:

– Что такое, Крутов?! Это что за разговоры?! Я совершенно не узнаю тебя в этом году!!!

– Видите ли, Раиса Петровна, я, конечно, постараюсь измениться после Нового года и исключительно только для Вас. Ну, а что касается Юленьки: я только хотел сказать, что её намерен оберегать влюбленный в неё Боря Шикин. Правда, Боря пока учится в пятом классе, но у неё всё же есть шанс. Она может несколько раз остаться на второй год, оказаться с ним за одной партой и быть всегда рядом... Ну, вот, например, как они, – так снова неожиданно завершил ты свой монолог, да еще махнул небрежно в мою сторону.

– Какой ты, Крутов, глупый! – рассердилась Юля и быстро пошла к двери.

– Видишь ли, Юленька, я бы поспорил с тобой относительно своих умственных способностей, но, учитывая твои умственные возможности, вероятно, не

сумею тебя переубедить. Поэтому рекомендую тебе обратиться к Кире. Она обладает огромным терпением и, возможно, объяснит тебе, какой я есть.

«Огромный» ты произнёс, безобразно картавя, передразнивая, таким образом, меня.

– Да отстань ты от нее! – не выдержал, наконец, Вадим, имея в виду, разумеется, меня, а не Юлю.

– Юленька, отстаю! – сказал ты и громко рассмеялся.

Вадим посмотрел на тебя, а затем, испытующе взглянул на меня и увидел на моем лице полное безразличие, мою маску: мне, мол, всё равно. Я не обращаю внимания на подобные глупости и, вообще, ничего не слышу. Он благодарно улыбнулся.

Мой костюм не отличался оригинальностью. Он назывался «Ночь». Я вырезала звездочки из золотистой бумаги и нашивала их на свое изрядно поношенное темно-синие платье, а самые маленькие из них наклеивала на старые туфли. Еще нужна была корона, на которую тоже полагалось наклеивать звездочки и полумесяц. Все это делалось без малейшего вдохновения: как всегда, я должна была провести весь вечер с Вадимом, танцевать с ним под укоризненными взглядами твоих друзей и страдать оттого, что мы не можем быть вместе, вместе веселиться, по-доброму разыгрывать друг друга и просто – разговаривать...

Звездочек понадобилось много, и постепенно почти все одноклассники включились в работу, а само помещение класса стало похоже на мастерскую Деда Мороза. Помогали и малыши, которые всегда испытывали ко мне привязанность. Да и я их всегда любила и заботилась: стирала одежду, заплетала девочкам косы и наряжала. Казалось, дети помогали мне преодолеть моё дурное настроение.

Ты, по-прежнему не упускал случая, не мог удержаться от реплик в мой адрес, а я к тому времени почти привыкла

не отвечать, чтобы не причинить боль Вадиму. Но иногда всё же не отказывала себе в удовольствии попикироваться с тобой, даже радовалась при этом.

– Кира поработила весь Свияжск. Боже, что с нами будет?! Правда, я один, кажется, оказался не у дел! Кира, у тебя на сегодня нет недостатка в пажах и прислужниках? Ах, как бы я хотел тебе услужить! Или – хотя бы быть твоим платочком! – ты притворно вздыхал, а класс замирал в ожидании.

– Имеется вакансия, Крутов! Мне требуется шут! – отчетливо произнесла я в полной тишине.

Вадим сразу как-то весь съезжился. Он не желал, чтобы я с тобой говорила, чтобы отвечала тебе. Но на сей раз меня уже невозможно было остановить.

– Ах, милостивая государыня, я готов! Мне бы только услужить вам в любом качестве! Ведь я ни с кем не связан узами любви и дружбы, а поэтому свободен и рад служить день и ночь, ночь и день! Буду вас развлекать и, может быть, стану заслуженным шутом республики!

И вдруг молчун Ваня Якубов монотонно изрек:

– Потом, Крутов, тебе, как тому шуту в песне, отрубят башку!

Кто-то сдержанно засмеялся. А когда захохотал ты, весь класс не мог удержаться. Перекрывая общий хохот, ты сказал:

– А ведь ты, Ваня, выручил Киру! Она же не знала, кем меня заменить! Ай да Ваня! Молодец!

– Что ты, Крутов, Кира меня не возьмет и не полюбит, – совершенно серьезно ответил Ваня.

И снова все засмеялись.

А потом ты заговорил, довольно громко, но очень задумчиво и вовсе не с Ваней:

– Да... конечно, конечно... Ведь Кира ужасно разборчива... Она может взять и даже полюбить, но из чувства жалости. Такая до-о-б-рая девочка. Хотя почему-то не ко всем. Видимо, только к жалким.

Мне показалось, что все понимают, догадываются, о чём ты говоришь и даже о чём думаешь. Моё желание пикироваться сразу пропало и возникло чувство неловкости. Я решила попытаться отвлечь внимание от наших персон, вежливо и бодро попросила:

– Дайте, пожалуйста, кто-нибудь списать алгебру!

Предупредительный Вадим тихо сказал:

– Я положил решение в твою тетрадь.

Его слова слышали все. И ты тоже. И снова последнее слово было за тобой. Ты произнёс с горькой усмешкой:

– Какой предупредительный малый!

Глава одиннадцатая

«Средь шумного бала».

Новогодние послания. Танцы.

В маскарадных костюмах были в основном девочки. А мальчишки, опрятно одетые, подтянутые, держались как-то очень прямо и ступали важно. В зале уже стояла нарядная елка, звучала праздничная музыка.

Ты действительно оказался на посту у входа в зал и встречал всех, вежливо кланяясь и произнося комплименты, сохраняя снисходительно-приветливый тон. В это время Вадим помогал расставлять стулья.

Я хотела как-нибудь незаметно проскользнуть мимо тебя, но не тут-то было... Ты схватил меня за руку и внезапно запел: громко, с чувством, не спеша, подражая Шаляпину:

– Ах ты, ноченька! Ночка звездная!..

Шествие остановилось, сзади кто-то весело расхохотался, а мне пришлось немедленно выйти из общего строя.

– Крутов, ты сошел с ума! Что ты делаешь?! – возмутилась я, но почти шепотом, чтобы не привлекать внимание.

– Да! да! Ты права совершенна! Диагноз абсолютно верный! Я всегда знал, что ты умница! – продолжал ты невозмутимо, затем выпустил мою руку.

– Приятного вечера, Кира! – крикнул ты вслед, и тут Зоя Трапезникова звонко объявила:

– Танцуем вальс «Прекрасный розмарин»!

И словно зазвенели, переливаясь, маленькие серебряные колокольчики. Множество чудных колокольчиков.

Вальс!!! Ни один праздничный вечер не обходился здесь без этих волшебных мелодий: вальс Тихонова «У

моря», вальс из драмы Лермонтова «Маскарад», вальсы Грибсеедова, любимые старинные вальсы. Казалось, чарующие звуки наплывали на остров со всех сторон, зарождаясь где-то там, в неведомом пространстве, а затем еще кружили, баюкали и нежили слух издалека, прежде, чем проникнуть в маленький, уютный зал школы.

А иногда в том же зале звучало томительное танго.

Магнитофонов и даже проигрывателей с пластинками в школе не было. Но были наши замечательные музыканты, которых не надо было упрашивать, которые никогда не ломались и с удовольствием сопровождали все школьные вечера. Случалось, играли дуэтом или трио. Правда, баяны оставляли желать лучшего, так как фыркали и издавали дребезжащие звуки, а клавиши западали порой так, что прямо во время игры ребята молотили кулаком по инструменту, чтобы немедленно прекратить непрерывный мешающий звук. Как правило, клавиша выскакивала и оказывалась на прежнем месте до следующего «западания». Девочки тоже играли на танцах, но гораздо реже мальчишек.

Ко мне подошел племянник исторички, а Вадим, уже стоявший рядом, махнул рукой, сказал:

– Танцуй! Кажется, твой любимый вальс!

Вальс я любила, а племянника исторички – нет. Он учился в другой школе и вел себя довольно высокомерно. И зачем он только явился сюда? Видимо, потанцевать.

– Как тебе мой костюм? – спросила я просто так.

– А говорили, что «красная шапочка», – ответил он односложно.

Вот таким образом твои дурачества могли ввести в заблуждение кого угодно.

Во время танцев и между концертными номерами неугомонная Юлия Борзых, нарядившаяся почтальоном, вынимала из огромной сумки поздравительные послания и вручала их по назначению.

Карманы моего «звездного» платья оттопыривались, и танцевать становилось неловко. И читать было некогда:

меня все время приглашали. Нужно было выйти в раздевалку и переложить содержимое карманов в портфель. Но для этого опять надо было пройти мимо тебя, что могло стать очередным испытанием.

Вадим танцевал плохо и потому больше наблюдал. Наблюдал он спокойно, потому что тот, из-за кого стоило волноваться, надежно стоял на месте. К письмам, которые я получала, он, казалось, также не проявлял интереса. Или делал вид?

После очередного танца мы со Славой Мишустинным, юрким и добродушным одноклассником, подошли к Вадиму, и Юля, глупо улыбаясь, протянула мне толстенную тетрадь. Ощувив невероятное волнение и какой-то радостный ужас, я сразу распечатала послание и открыла первую страницу, где сверху было написано: *«Милой Кире, самому удивительному, самому доброму и солнечному человеку посвящается».*

А дальше следовала восторженная поэма, написанная белым стихом. В ней говорилось о том, что однажды на зеленый остров упал солнечный лучик. Весь день он резвился, играя и прячась в листьях деревьев и кустарников. А когда наступил вечер, солнечный лучик решил не покидать приглянувшийся ему остров и обратился к силам природы с просьбой превратить его, этот солнечный лучик, в настоящую живую девочку. Желание было исполнено, но у девочки не было имени. Грустная, она стояла возле воды и вглядывалась в свое отражение. Вдруг ее охватил страх: как же она будет жить среди людей, не имея собственного имени? Но вот волны подкатили прямо к ее ногам и стали играть, перекатывая маленькие гладкие камешки, будто кто-то перебирал струны нежной арфы. И вдруг девочка услышала свое имя: «Кир-ра-а!», «Кир-ра-а!», и ещё раз звонкое «кир-ра-а...» – совсем рядом и затихающее вдали, но отчетливое: «ра-а-а!».

В конце поэтического шедевра стояла подпись – Флора Казанцева.

Поймав вопросительный взгляд Вадима, я успокоила его:

– Это от Флоры.

Он довольно улыбнулся.

Флора училась в седьмом классе и была участницей нашего литературного кружка. Она часто пропускала занятия. А дело было в том, что Женя Вагапов литературой не интересовался. Он любил математику, а Флора – Женю. И когда он с Наташей Хан, которую тоже немножко любил, решал занимательные задачи по математике, Флора располагалась за учительским столом, смотрела на Женю влюбленным взором и писала свои немного наивные, немного подражательные, но в общем милые стихи о безответной и пылкой любви и боли разбитого сердца.

К тебе подошла вожатая Марина. Вы оба заговорили неестественно громко, и оба неестественно громко расхохотались. В это время я быстро пробралась в раздевалку. Перекладывая письма в портфель, я всё время думала о тебе, пытаюсь угадать, которое твоё? Неужели не написал? Явилось неодолимое желание: немедленно всё просмотреть, поискать... Но нужно торопиться. Итак: вот неряшливое, с кучей ошибок. Конечно, нет. Еще одно... Ну, слишком банально, даже глупо.

– Кира, пойдем танцевать, – позвал Вадим. А в руках у меня оказалось его поздравление.

– Иду, – отозвалась я и стала зачем-то читать: *«Милая Кира, прости, что я не такой, не тот! Но я люблю тебя. Не смогу жить, если тебя не будет рядом. С Новым годом! Будь счастлива! В.»*

Я уже решила прекратить поиск, как вдруг кто-то быстро подошел сзади и бросил конверт прямо в руки мне. От неожиданности я вцепилась в него и ничего не могла сообразить. А когда распечатала, то почувствовала такое сильное волнение, что подкосились ноги. Я села на

какую-то коробку, стоявшую под вешалкой, и стала читать:

*«Все померкло в привычном мире,
Словно нет больше места мне в нем!
Твое имя печальное «Кира»,
Будто выжжено в сердце огнем!
Надоели науки мне точные,
И наскучили все друзья!
Что же боги нам напорочили,
Коль любовь моя – не моя?!»*

К стихам была приложена записка: *«Оказывается, ты решила ехать на зимние каникулы к Асе. Останься, прошу тебя... Нам пора уже все сказать друг другу»*. Подписи не было. Но кто?! Кто, если не ты?

Вадим снова позвал, и я не в силах скрыть своего счастья, улыбаясь, быстро пошла к нему. Мы проходили мимо тебя. Пропустив меня на сей раз беспрепятственно, ты обратился к нему:

– Послушай, замени меня, пожалуйста. Видишь ли, вот эта маленькая девочка хочет потанцевать с каким-нибудь большим, таким очень длинным мальчиком. Но вот беда: к сожалению, здесь нет никого, кто был бы длиннее меня.

Ты усмехнулся, посмотрел в зал, точно хотел еще раз убедиться, потом погладил по голове Катю Зотову, стоявшую возле тебя, и снова обратился к Вадиму:

– Ну как? Идет?

Вадим кивнул, а Катя, похожая на Дюймовочку, звонко рассмеялась и потащила тебя за руку в круг. Заиграл вальс, и ты закружил девочку, подняв ее так высоко, что казалось, она летит над танцующими парами, летит, как маленькая розовая птичка.

Еще звучала музыка, а ты, неся на руках раскрасневшуюся Катю, подошел к ее старшей сестре и произнес:

– С Новым годом, Надежда! Вручаю тебе твою очаровательную сестричку, прелестную девочку!

– Смотри, Крутов! Вызовет тебя на дуэль Рудик Кашин! – засмеялась Надя, принимая из твоих рук «Дюймовочку». А малышка засмушалась:

– Это глупости! Всякие глупости! – возразила она.

– Как это? Разве он тебя уже не любит? – дразнила сестренку Надя.

Но ты оставил их и быстро направился ко мне. Ты спешил. Я танцевала с учителем математики. Возле нашей пары ты хлопнул в ладоши и сказал тоном, не допускающим возражения:

– Разбиваю!

Я вздрогнула, а Алексей Федорович сразу отошел молча.

– Какое счастье выпало влюбленному дежурному, то бишь постовому, – продолжал дурачиться ты, обняв меня так, что звездочки на моём платье затрещали.

– Крутов, неужели тебе не надоело?.. – спросила я, задыхаясь, но ты перебил меня:

– Пока еще нет! Но главное, я пригласил тебя не танцевать, а чтобы поговорить...

– Я все знаю... Я прочитала... Ты же написал... – поспешно заговорила я.

– Не знаю, кто там тебе и что пишет, а я не имею такой дурацкой привычки и предпочитаю объясняться устно. Да и талантлив я безмерно, что касается ораторского искусства! Это, видимо, он пишет тебе всякую чушь! Скорее всего, списывает с книжек!

При последних словах ты усмехнулся недобро и показал взглядом в сторону Вадима. Я окончательно растерялась. Вадим следил за нами, не отрываясь. Он был мрачен. Ты танцевал со мной почти как с Катей: ноги мои не касались пола, а звездочки продолжали трещать и рваться.

Ты заговорил строго, размеренно, в такт музыке:

– Слушай меня внимательно: сейчас танец закончится, и я тебя оставляю. И уйду. Он еще подежурит. Я попрошу,

и буду ждать тебя в музыкальной. Если в течение десяти минут ты не придешь, я вернусь в зал и объявлю во всеуслышание, что люблю тебя, а ты – меня, и что мы играем в «третий лишний».

– И что изменится? – спросила я.

– Всё, – коротко ответил ты, и музыка умолкла. Ты церемонно поклонился и направился к выходу, на мгновение задержался возле Вадима и исчез.

– Танцуй, не скучай, – сказал Вадим, когда я подошла к нему.

Он пытался скрыть волнение. Подавленная, я отошла и снова вернулась к нему. Ничего не придумав, просто сказала:

– Сейчас приду...

Чтобы попасть в музыкальную комнату, нужно было пройти через школьный двор. Дрожа от волнения, холода и страха (ты мог позволить себе в тот момент любую выходку), я выбежала на улицу.

Глава двенадцатая

Света и Стас. Свидание в музыкальной. Возвращение в зал.

Говорили, что Света и Стас дружат с пятого или даже с четвертого класса. Они сидели за одной партой. Ссорились редко, не вынося ссор из избы, то есть за пределы парты. И мирились тоже скоро. На перемирие всегда шла первой Света, делая это незаметно, тонко, используя сугубо женские уловки. Будучи абсолютно уверенной в своей правоте, она просила у него что-то вроде прощения и выпрашивала улыбку, и он улыбался. Что же ему еще оставалось? Она взглядом своим, голосом и движениями будто говорила: «Конечно, я ничуть не виновата, и мы оба об этом достаточно осведомлены. Но мне ничего не стоит попросить у тебя прощения, потому что тебе так нравится, потому что тебе приятно».

Во время примирения Стас вел себя немного по-детски, надувался и шмыгал носом, совсем, как второклашка, получивший тройку вместо ожидаемой четвёрки. Вообще-то, он был предупредительным, заботливым и относился к Свете трогательно-нежно.

Они были удобны друг для друга, как бывают удобны башмаки. Они ощутили это удобство сразу и сразу же, очевидно, решили не терять друг друга. После школы поженились и теперь уже законно оказались на одной фамилии. Ну, а в школе эта очаровательная пара была одной из тех, чьи фамилии учителя нередко путали, особенно новые. Эта путаница давно перестала смешить и даже не вызывала улыбок. Видно, к путанице тоже можно привыкнуть.

Был ли еще кто-нибудь интересен для каждого из них – этого никто не знал. Но по школе ходила (ходила очень осторожно) легенда о том, что предшествовало их дружбе.

Отец Светы занимал высокий пост. Она была единственной дочерью, выросла в хорошей семье и получила приличное воспитание. Позже мне довелось встретиться с ее родителями, и мои предположения подтвердились. В школе Света одевалась неброско, но дорого и элегантно, что особенно отличало её от остальных девочек.

Для девятиклассницы она казалась неожиданно женственной, причем женственно-мягкой, уступчивой. Но пожалуй, в большей мере все-таки казалось.

А смысл легенды заключался в том, что Стас, будучи учеником пятого или даже четвертого класса, написал Свете записку, в которой предлагал ей свою дружбу, и тут же, как бы между прочим, интересовался, где и кем работает ее папаша. О его зарплате Стас, очевидно, догадывался.

Стас, выросший в многодетной и бедной семье, был не только довольно смекалистым парнем, но и умел скрывать свою смекалистость, прикидываясь простодушным, если того требовали обстоятельства. Он учился отлично, получал четверки, а чаще – пятерки, как и Света, но его знания были поверхностны. И уже тогда, в девятом классе, он больше напоминал какого-нибудь мужа, даже мужика или папашу, или на худой конец – старшего брата.

Они тепло и ровно относились не только друг к другу, но и ко всем остальным, но все же держались обособленно, как-то по-семейному, и уже никто не сомневался в их совместном будущем.

И все-таки, возможно, что такая записка была. Интересно, как ответила ему Света? Или они еще тогда поняли больше, чем понимают дети в таком возрасте? Несмотря на всё их внешнее благополучие, я не завидовала им никакой завистью и ни на минуту не могла представить себя в роли Светы. Правда, и со мной у них (или у меня с ними) складывались вполне нормальные, ровные отношения.

И вот когда я, дрожа от холода в своем маскарадном костюме, даже не сняв короны, боясь каждую секунду упасть, потому что каблуки мои то угрожающе скользили, то проваливались в снег, когда я, обжигаемая морозным ветром, спешила в музыкальную комнату, следуя твоему приглашению, мне навстречу, чинно прогуливаясь, шли наши одноклассники, наши «голуби». Они о чём-то мило болтали, и Света смеялась, как всегда, тихо и ласково.

– Ой, Кира, ты же простудишься! – воскликнула она и запахнула шубу, обдав меня теплом и запахом женского тела. Я попыталась увернуться, но то же самое уже со спины сделал Стас, запахнув свое пальто. Итак, я оказалась между ними и, согреваемая их теплом, готовая разомлеть, но, опомнившись, стала их энергично расталкивать:

– Я должна идти! Меня ждут! Да отпустите же в конце концов!

Они, ничего не понимая, стали весело смеяться, обнимая друг друга через меня. Наконец, мне удалось отпихнуть Стаса, и я стала выбираться из объятий Светы.

– Кирочка, подожди! Ну, куда же ты?! Что-нибудь случилось? – заботливо спрашивала она, не отпуская меня.

– Мне нужно срочно идти! – уже закричала я отчаянно, оттолкнув и Свету. А она, стянув с себя огромный пуховой платок, казалось, хотела запеленать в него моё продрогшее тело. В это же время Стас поспешил замотать ее в свой шарф!

– Да отстаньте же вы от меня! Мне тепло! – кричала я, а ветер относил мой голос в сторону и трепал платок, будто играл в какую-то издевательскую игру.

– Чудачка! Простудишься, Кира! – услышала я вслед счастливый голос и смех Светы.

Окоченевшая от холода, в растрепанном Светином платке, уже ничего не соображая, я влетела в музыкальную комнату. Здесь было жарко. Ты сидел на стуле возле печки, разглядывая какие-то ноты.

– А, это ты? Привет, – с напускным равнодушием лениво отметил ты мое появление.

От неожиданности такой встречи я онемела и попыталась глубже вздохнуть, но вместо вдоха, выкрикнула:

– Крутов, тебе не надоело?! Не надоело тебе кривляться?! Я не могу!!! Уеду!!! Ты – эгоист! Ты – изверг! – причитала я, размазывая слёзы по щекам.

Ты медленно поднялся, подошел к двери и запер ее на ключ. Ничего не понимая, подхлестнутая страхом, я закричала:

– Ненавижу тебя! Ненавижу! Ты!!! Пусть Галка Козлова! Пусть Марина!!! Уеду!

Ты придвинул стул и попытался прервать мои вопли, стараясь говорить спокойно:

– Оказывается, ты ревнуешь. А я и не знал. А если еще и ненавидишь – это замечательно. Я безмерно счастлив, если ненавидишь, как этого слюнтяя. Ведь если бы ты любила его, он чувствовал бы себя значительно хуже. Ну, как, например, я.

Ты продолжал играть, кривляться и упрекать меня за Вадима. Я же чувствовала озноб во всём теле и не могла успокоиться.

– Сейчас же отопри дверь! – крикнула я, придя в себя через некоторое время.

– Хочешь убежать? А, может, боишься? – с издевкой спросил ты, и добавил, будто размышляя, – вообще-то, если боишься – это неплохо. Я бы сказал, что девочки должны бояться мальчиков. Да и в самом деле, откуда мне знать, что может произойти в следующую минуту.

Ты усмехнулся, и твоя усмешка как-то успокоила меня. Или я стала к ней привыкать? Мы помолчали, и первым заговорил ты:

– Ну, для чего тебе ехать к Асе на каникулы? В эту дыру, в деревню? Тебе там будет скучно. Говорят, тебя Света приглашает. Ведь она и живет ближе. И еще...

Кира, у нас последняя возможность. Надо все решить. Неужели ты, в самом деле?.. Ты надумала уезжать? Куда? Ты способная, талантливая. Должна учиться... Пусть уйдет он! Пусть уйдет в другую школу после девятого. Понимаю, и это не выход! Вообще-то, может, он надёжней и благородней, и прочее... Ну, мне-то разве легче от этого...

Ты волновался, как тогда, в тот день, твое волнение передалось мне, и я невольно отстранилась от реальности. О, если бы остановить время! Никто, никто нам тогда не был нужен. И разговор был не о том...

За окном послышался чей-то беззаботный смех. Я опомнилась:

– Крутов, немедленно отпри дверь! Ты понимаешь? Раиса Петровна или кто-нибудь... И Вадиму я не сказала...

– Я сказал, – спокойно прервал ты.

– Что сказал?

– Я сказал, что ты хочешь со мной о чем-то поговорить.

– Я?.. Ты же сам!!!

Ты рассмеялся:

– Ну, разумеется! И я тоже! Только дело-то в том, что тебе он все простит, а мне... Тебе готовы все и всё прощать. Не понимаю! Приехала, всех взбаламутила, повлюбляла всех в себя, а теперь намерена скрыться, да еще в чужом платке... А эти звезды? Для чего ты их нацепила?

Внезапно ты обнял меня и стал отрывать звездочки от платья и небрежно комкая, складывать в карман своего пиджака.

– Что ты делаешь? Как я теперь покажусь?..

– Кому? Этому слюнтяю? Мне на него плевать! Я намерен раздаривать эти звезды, когда ты уедешь. О, с какой благодарностью они будут принимать эту память о тебе! Я буду их дарить девочкам, которые пишут тебе

записки и посвящают восторженные стихи! Подарю Алексею Федоровичу и еще кое-кому из учителей – ну, тем, страдающим... Успевшим разглядеть в тебе очаровательную... нда!.. Хотел сказать «женщину». А иначе, что же они поглядывают с такой неприязнью на этого счастливого? И ему тоже я подарю маленькую звездочку с твоей туфельки! Ну, как?

Ты наклонился «за звездочкой», подхватил меня на руки.

– Отпусти! Я...

– Скажешь Вадиму? Обязательно скажи! Он будет любить тебе еще больше! – ты засмеялся и присел на стул, не отпуская меня.

Внезапно ты уткнулся лицом в мои волосы и, понизив голос, заговорил, задыхаясь:

– Брось его, Кира! Я прочитал... Прости!!! Ведь это о нем: «Жалость! Проклятая жалость!!!»

Я ощутила влагу на своей шее. Не выдержав, всхлипнула:

– Крутов, я ничего не могу изменить... Только уехать. И уеду. Я устала! Не могу больше!

Высвободившись из твоих объятий, я отошла к окну. Ты подобрал платок, который оказался на полу, набросил его на мои плечи, осторожно расправил и снова заговорил негромко и взволнованно:

– Какая нелепость! Как все глупо! Скажи, это правда, что у тебя был друг? Правда, что вы расстались? Это окончательно? Ты любила его? Это главное. Отвечай честно! Это важно! И если ты любишь его... Да не молчи же ты!

– Я не стану отвечать! Никого это кроме меня не касается! – решительно ответила я.

Продолжая разговор, ты стал ходить по классу:

– Прошло четыре месяца, а я... Да и не только я. Для всех ты остаешься неразгаданной. Мне кажется, ты что-то скрываешь от всех и рада бы забыть сама, если бы могла.

Может, я накручиваю? Но когда ты отвечаешь на уроках, я наблюдаю, вслушиваюсь в твои интонации и всегда слышу такую тоску в твоём голосе, чёрт меня возьми!

– Это потому, что я к маме хочу, – попыталась я отшутиться.

Мне был неприятен такой разговор. Но ты продолжал, не обращая внимания на мою реплику:

– Чёрт меня возьми, повторно! Да, возможно, я – эгоист, и ты не найдешь во мне настоящего, какой тебе нужен, друга. Предпочла его... Ну а он?! Он-то тупой! Он никогда тебя не поймет! И ты вынуждена будешь ненавидеть, жалеть и терпеть всю жизнь!

– Да что же ты говоришь, как будто я завтра замуж выхожу? Или вот-вот собираюсь?

– Ну, соберёшься же когда-нибудь. – произнес ты с усмешкой и продолжил, – Ты отмалчиваешься, умеешь уходить от неприятных разговоров, никогда ни с кем не споришь, никому ничего не доказываешь. И ведь делаешь это, главным образом, для того чтобы пощадить, не обидеть. Откуда такая снисходительность, такая милость? А кто оценит твоё великодушие? А сама ты... Кира, ведь это же твоя уступчивость – скорее всего, снисходительное благоразумие, подачка! Оскорбительная подачка, особенно для ребят. В конце концов, ведь это не позволит тебе стать настоящей женщиной. Где же твоя слабость? Ты обречена! Тебе придется всю жизнь играть роль великодушного человека и притворяться, будто ты не видишь пороков людей, не чувствуешь подлости... И только со мной...

С последней фразой ты подошел к окну, встал рядом и обнял меня за плечи:

– Моя прелестная инопланетянка! Ты и сама, видимо, не замечаешь, что ведешь себя иногда естественно. Со мной. И только со мной! Ты плачешь, подтруниваешь, даже слегка издеваешься, даже топаешь ножкой – и всё это делается естественно, искренне. Неужели тебе не хочется быть такой всегда?

– Нет! – коротко отрезала я и отбросила твою руку.

Ты артистично расхохотался.

– Нужно идти, Крутов! И вообще, откуда у тебя такие познания? Читаешь книжки? Тоже мне!.. Философ нашелся! Выискался психолог! И как там это еще называется?

– Чудо! Прелесть! Ты же только со мной можешь так говорить! – воскликнул радостно ты и снова попытался привлечь меня к себе. Оттолкнув тебя, я бросилась к двери и вдруг увидела, во что превратилось моё платье.

Вместо звездочек на нем почти всюду торчали узелки, и висели нитки.

– Болван! Что ты наделал! – возмутилась я.

А ты снова расхохотался:

– Замечательно! Я – болван! Ну, конечно, болван! Вот такая длинная, тяжелая болванка! Спасибо! Да как метко! Как точно!

Так, продолжая свою давно начатую игру, ты распахнул дверь, и мы оба очутились в железных объятиях холода.

Я решила переодеться, а ты ждал на улице. Потом мы вместе пошли в зал. Навстречу нам шла заплаканная Флора. Я поспешила к ней, а ты сказал:

– Ну, вот тебе и поле деятельности твоей. Иди, утешай.

Флора вцепилась в мою руку:

– Кирочка, она сказала... Она назвала меня... – Флора зарыдала так громко, что ты оглянулся и вслух заметил, сжавшись над ней:

– Чудесный костюм, Флора! Настоящая морская царевна!

Она, прильнув ко мне, всхлипывала и рассказывала, как обидела ее Наташа Хан. Флора была хорошо сложена, изящна, к тому же, замечательно танцевала. Оказывается, когда ее пригласил Женя, Наташа сказала очень громко:

– Ну, и морская царевна! Это же мешок с костями!

Кто-то засмеялся, а Флора выбежала из зала. И теперь она не хотела туда возвращаться. А я утешала ее, и мы медленно шли за тобой.

– Где Кира? – спросил Вадим, еще не видя нас, потому что мы отстали. А ты, дурачась, перекрывая гул голосов в зале, стал декламировать во всю глотку:

– *Она придет, даю тебе поруку.*

И без меня, в её уставясь взгляд!..

Помня следующие строки, я подтолкнула Флору, чтобы скорее оказаться рядом с тобой и Вадимом, чтобы как-нибудь предотвратить то, что должно последовать.

Но, несмотря ни на что ты продолжал, глядя прямо на Вадима взглядом, полным презрения и ненависти:

– *...Ты за меня лизни ей нежно руку*

за всё, в чём был и не был виноват!!!

Глава тринадцатая

Перед каникулами.

Свидание в учительской. Предложение.

На зимние каникулы обычно уезжали, вернее, уходили рано утром. Шли группами по замёрзшей реке около восьми километров до ближайшей станции, потом на тепловозе добирались до города, а там уж расходились, разъезжались, разлетались кто куда.

Почти две недели без твоих выходов, без перепалок с тобой, без твоих непредсказуемых реплик, без щемящего ощущения твоего постоянного присутствия, без осознания, что ты – здесь, ты – рядом. Но скоро, скоро это наступит, и не на две недели, а навсегда. Навсегда без тебя. Без тебя – с тобой.

За день до отъезда все договорились, кто и с кем пойдет, кто и кого провожает, кто и к кому поедет на несколько дней или на все каникулы.

Вадим провожал нас с Асей до поезда дальнего следования, на котором нам предстояло добраться до ее станции. А там должен был по предположению Аси встретить их сосед, дядя Максим. Поезд на этой маленькой станции стоял всего три минуты.

Нашу группу сколачивала Юлия Борзых, без конца переписывая и подсчитывая. В этом списке оказались Света и Стас, Флора и Ромка Канагин, Женя и Наташа, Полина и Сережа Карамов, Зоя Трапезникова, Ваня Якубов, Надя Зотова с младшей сестренкой Катюшей. Остальных малышей забирали родители. Собиралась с нами и Галка Козлова, но, узнав, что ты остаешься в школе еще на день, отказалась. Правда, я не верила, что ты останешься. Галка, кажется, тоже сомневалась, потому, вероятно, переспрашивала у Юли, кто еще пойдет?

Отослав Вадима с каким-то поручением, я решила подождать тебя в классе, чтобы проститься – для себя,

конечно. Я надеялась, что ты непременно заглянешь под каким-нибудь предлогом. Или без предлога. Просто, узнав, что Вадима сейчас нет со мной. Предчувствие не обмануло меня. Ты шумно вошел и направился прямо ко мне со словами:

– Кирочка, прости, пожалуйста. Какое свинство! Ты совсем заждалась! Да как же это я не подумал о тебе! Ах, негодяй!

– Нужен ты мне сто лет, Крутов, – сказала я, злясь на себя.

А ты захохотал и стал дурачиться:

– Ах, вот, оказывается, как! Я-то не знал и просил прощения за Вадюшу. Думал, ты его ждешь. Думаю, как он посмел оставить девочку без внимания. Боже, как я тронут! Как тронут, что боюсь от счастья тронуться! Зачем же вдруг я понадобился тебе?! Может, ты хочешь знать, иду ли я завтра с вами, или остаюсь еще на денек, чтобы провести время с Галкой Козловой?

– Замолчи, Крутов! И перестань кривляться! – крикнула я. Мне не удалось скрыть обиду.

– Тише! Что ты расшумелась? Кажется, идет сюда тот, кого ты ждешь. Мне уйти? – ехидно спросил ты.

Вошёл Алексей Федорович и сразу обратился ко мне:

– Кира, почему ты не идешь в спальный корпус? Уже совсем темно и очень скользко.

Ты ответил вместо меня, да еще так убедительно:

– Я должен продиктовать ей задание на каникулы.

Кира пропустила несколько занятий в литкружке. Представляете, прогуляла с Вадимом, а Вартанову сказала, будто бы болела. Ужас!

– Ну что ты несешь, Крутов? – возмутилась я.

А ты не унимался:

– Вот видите, я же и виноват! Постоянно только черная неблагодарность.

– Хорошо, вы занимайтесь, а я еще загляну. Сейчас пройду по классам. Дежурю сегодня. Потом я провожу тебя, Кира.

Он произнес все это каким-то неестественным тоном и быстро удалился.

– Так... Да-да... Ещё один несчастный, утративший... Что же утративший? А, может?.. Кира, он тебе нравится? – внезапно спросил ты.

– Не твоё дело! Встань и пропусти меня, – сказала я, пытаясь выбраться. Но ты не двинулся с места.

– А как же задания? Боже, какая бездельница! – смеясь и все ближе придвигаясь ко мне, говорил ты, и всё ближе придвигался, и говорил все тише.

– Крутов, не дурачься, пропусти! Сейчас зайдет Алексей Федорович...

– И решит, что мы с тобой целуемся. Так уж не лучше ли подтвердить его предположение? – сказал ты, быстро взял мою руку, поцеловал в ладонь, поднялся и отошел к окну.

Сколько всего пережила я в это мгновение: смятение, ужас, трепет, счастье и, как всегда, – отчаяние.

– Я завтра остаюсь, – глухо сказал ты, не поворачиваясь. И после некоторой паузы добавил, – Не задерживайся... Ася имеет привычку опаздывать. Береги себя... Ты ведь не привыкла к деревне. Поэтому и отсюда готова удрать. Ближе к цивилизации. Да! А потом всё свалишь на меня. Словом, как всегда!

Ты усмехнулся и направился к двери.

В дверях ты столкнулся со Светой и Стасом. Наши «голуби» пожелали провести вечер в классе, прощальный вечер. Они молча прошли к своей парте, очевидно рассчитывая, что их оставят одних. Подавая Стасу фотографию и женственно улыбаясь, Света сказала:

– Смотри, на этой я похожа на себя. Правда?

Стас поблагодарил её поцелуем. Присутствие посторонних их уже давно не смущало. Я поспешно оделась и, попрощавшись, вышла из класса. В коридоре меня ждал Алексей Федорович.

Было скользко и холодно. Шел снег. Алексей Федорович взял меня под руку и держал крепко.

– Да я и сама бы дошла, – сказала я, задыхаясь от встречного ветра.

– Ты не хочешь, чтобы я проводил тебя? – спросил он, наклонившись ко мне.

Разговор направлялся в нежелательное русло.

– Кира, я хотел бы поговорить с тобой. Поговорить о том, о чем, скорее всего, не следует говорить учителю с ученицей. Но... давай зайдем на минутку в музыкальную. У меня есть ключ.

– Нет! – вскрикнула я.

– Что с тобой? Ты, может быть, не поняла?

– Только не в музыкальную, – уже спокойно сказала я.

– Тогда вернемся. Зайдем в учительскую, – предложил Алексей Федорович. Я согласилась и на мгновение обо всех и обо всё забыла. Волнение, страх, осторожность – все куда-то исчезло.

Возле такого человека, умного, спокойного, взрослого, можно было позволить себе стать слабой. В каждом слове его, в каждом жесте чувствовалась надежность. Теперь-то я понимаю, что именно о таком мечтает не только женщина, но и обыкновенная девчонка. На секунду я тоже подумала, как бы хорошо было, если бы можно было не потерять его и он был бы всегда рядом.

– Тут жарко, – сказал Алексей Федорович и осторожно снял с меня пальто, поправил мои растрепавшиеся волосы и усадил на диван.

Все он делал без суеты и нежно, как если бы я была его дочерью. И снова заговорил:

– Я боялся, что ты освободишься позже. А так еще достаточно времени. Кстати, что с заданием?

– Крутов отдал мне свои записи на каникулы, – солгала я.

– Да?.. Ну, хорошо, – он медлил. Потом сел рядом и обнял меня.

Я не шевельнулась: мой протест сейчас бы выглядел глупо и смешно.

– Кира, тебе известно, что после окончания учебного года я возвращаюсь к себе, в Питер?

Я кивнула, а он продолжил:

– В общем, отрабатываю здесь свой диплом. Но, дело даже не в этом... Прошу тебя поверить мне, в мою искренность, а точнее – в мою любовь. Прошу поверить и уехать со мной. Окончишь там школу, поступишь в институт. И будем мы вместе. В общем, я не хотел бы с тобой расставаться. Понимаешь? У тебя есть время подумать.

Я подумала о тебе, и вдруг мне стало так жаль себя. Я прижала руку к дрожащим губам, едва сдерживая слёзы. Его это не смутило. Достав платок и вытирая мне лицо, он твердо сказал:

– Я догадываюсь, о чём ты подумала сейчас. Когда-нибудь, Кира, ты поймешь, что семь-восемь лет – не такая уж большая разница в возрасте. Твои мальчики... Словом, пройдет все это. Детские увлечения... Со всеми бывает. Тебе нужен человек, который бы не только любил, но и берёг тебя, и заботился о тебе. Ну, что ты скажешь, малыш? Не плачь и не молчи. Мне не хочется говорить об этом ежедневно, потому что решение выношено и даже... И даже, если угодно, выстрадано.

Я высвободилась из его объятий и тихо сказала:

– Подумаю, но...

– У тебя есть еще время. И потом... Я слышал, что ты всё равно собираешься уезжать. И это понятно. Ты не совсем, так сказать, вписываешься в здешнюю жизнь.

Он снова привлек меня к себе и неожиданно поцеловал в губы. В это время дверь в учительскую приоткрылась, и Вадим сказал, слегка дрогнувшим голосом:

– А я ищу тебя, Кира...

Щёки мои запылали, а Алексей Федорович понижая голос, напомнил мне:

– Ты обещала подумать. Я не тороплю, но должен знать.

Хлопья снега облепили меня, словно отторгая от Вадима, от целого мира, от собственных мыслей моих. И только в самом сердце, где-то очень глубоко затеплилась маленькая искорка, которой суждено было погаснуть при первой же встрече с тобой.

– Никому и никогда не отдам, не уступлю... Можешь ненавидеть...

Ветер отнес в сторону последние слова Вадима, и его холодные губы коснулись моей щеки. Оттолкнуть бы его, толкнуть изо всех сил... Но нет же! Не оттолкнула.

Глава четырнадцатая

Преодоление пути. На станции. Поехали...

А вот и зимние каникулы. Все по домам! Все, кроме меня... Я – в чужой дом.

Холодное снежное утро. Мы, увязая в сугробах, продвигаемся к условленному месту. Впереди вышагивает Вадим, а за ним, стараясь не отставать, следуем мы: Ася, Флора и я.

Вадим вернулся к нам и поднял воротник моего пальто.

– Замёрзла?

– Ни капельки! – бодро ответила я и съёжилась, прямо-таки скукожилась. Вот-вот начну зубами стучать от холода.

Вадим стянул с себя шарф и намотал поверх моего воротника.

– А как же ты? – кажется, впервые поинтересовалась я.

– У меня ещё один. Под курткой.

– Врёшь! – не поверила я.

И он, взяв мою руку, приподнял рукав пальто и слегка коснулся холодными губами запястья... А потом, смеясь, сказал:

– Вот это меня греет!

«Ну, что он опять несёт!» – Я хотела разозлиться, но вдруг почувствовала, что нет у меня сил даже на злость. Даже на раздражение. Колени начинали мёрзнуть. И руки в осенних перчатках – тоже.

– Благо ещё, ветра нет, а то пришлось бы возвращаться. Кира, как ты? Дойдёшь? – вдруг разволновалась Флора.

– Конечно! – снова отвечала я бодро.

– Да, до станции всё-таки далековато, – задумчиво протянула Ася.

Я промолчала. «Далековато» – звучит почти обнадеживающе. Говорили, что около восьми

километров. На пригорке, на условленном месте, где должна была собраться вся группа, в утреннем тумане показалась одинокая фигура.

– Кто-то нас опередил! Надо же! – удивилась Флора.

Ты шагнул навстречу и, как всегда, шутовски ломаясь, стал произносить заготовленный монолог:

– Кирочка, я простоял в ожидании всю ночь! Едва не превратился в памятник! Как это по-русски?.. В памятник безответной, безмерной любви! В чём же дело? Ведь мы условились с тобой, договорились о совместном побеге. Кирочка, ведь лёд уже вполне надёжный, достаточно крепкий...

Вадим вопросительно взглянул на меня. И вдруг я, совершенно неожиданно для себя, произнесла не те слова:

– Крутов, ну, ты же сказал, что ещё остаёшься! И вообще...

– Я? Ну, да! Я бы и остался! Но ты ведь сама уговаривала, просила... Разве возможно устоять, когда просит такая девочка? Да ещё как просит?!

Вадим снова взглянул на меня. И тут уж не выдержала Ася. Она не просипела, а заорала своим великолепно поставленным от природы, глянцевым голосом:

– Как тебе не стыдно, Крутов?! Что ты её изводишь! Ни один из вас и мизинца Киры не стоит! А ты, Вадька?! Почему молчишь?! Почему не дашь в морду своему дружку?! Другой бы на твоём месте...

– Ася, пожалуйста, перестань! – испугалась я.

Подходившие ребята, наверняка, слышали её последние слова. Но сделали вид, будто оглохли. Почти все несли портфели, сумки и даже сумочки, и только Ваня тащил большой увесистый чемодан. Ваня подрабатывал санитаром в больнице, и вот накопил всем родственникам подарков. В их семье было двенадцать детей.

Он приветливо поздоровался, и как-то уж очень запросто обратился ко мне:

– Кира, ножки не мёрзнут? А то у меня в кармане оказалась лишняя пара носочков. Забыл, что уже купил и положил в чемодан одну пару для Дуськи.

Кто-то хихикнул, а меня тронула его забота:

– Спасибо тебе, Ваня. В случае чего, обязательно воспользуюсь.

Народ тихо улыбался, а он, как ни в чём не бывало, достал из кармана махровые носки и подал мне:

– Возьми сразу. Пригодятся.

– Конечно. Спасибо, Ваня, – обыденно произнесла Ася, взяла носки и положила в сумку.

Идти было трудно. Местами под недавно выпавшим снегом подстерегал коварный лёд. Того, кто падал, быстро и молча поднимали, отряхивали и дальше шли, как шли: медленно, почти безмолвно. Силы берегли.

Ты возглавил шествие и шёл, не оглядываясь. Я устала, замёрзла, но боялась признаться. А вдруг, ещё не выдержу и разревусь! Как назло вспомнила: недавно, возвращаясь со станции, провалился в прорубь наш географ. Он еле-еле добрался до школы, где с него буквально сдирали его одежду в сосульках, а самого оттирали водкой. Занимались этим воспитатели. Ребята толпились под дверью. Девчонки нервно шептались, а мальчишки, посмеиваясь, декламировали Твардовского:

- Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне?

Но, может быть, не столько холод приводил меня сейчас в ужас, сколько огромное пустое пространство вокруг. Кругом ни души.

Находясь в школе, на острове, я думала: там, далеко от нас, – другая жизнь. Жизнь, в которой мы не участвуем. Нас там нет. Мы – здесь. Мы – одни. И каждый день похож на предыдущий, потому что ничего особенного не происходит. Во время нашего шествия я стала понимать, что вот сейчас мы одни. А там нас много, и мы защищены. А сейчас с нами может произойти всё, что угодно.

– Долго ещё? – спрашивала я тихо, и Вадим уверенно врал:

– Недолго, примерно метров сто осталось. Скоро уже...

Я не верила. Не верила потому, что всё ещё шли медленно, размеренно и молча.

Но вот, по мере приближения к станции, стали подталкивать друг друга, подшучивать и посмеиваться. И только ты продолжал угрюмо молчать. Почему-то я подумала: а вдруг ты решил, что я еду на каникулы к Вадиму... Собственно говоря, почему бы и не поехать? Его родители были со мной знакомы. А мама Вадима к какому-то празднику, помнится, передала мне домашний торт, который мы слопали дружно всем классом. Брат Вадима, когда приезжал, обычно вначале искал меня. Мы вместе втроём прогуливались далеко по нашему острову, потом сидели в школьном саду, рассказывали новости, а после с Вадимом провожали Егора до пристани.

Вадима в семье любили, ему доверяли, и в своих решениях он был всегда свободен. А теперь и выбор его одобряли, то есть дружбу со мной.

И вдруг я предположила, что ты решил, будто мы втроём поехали к Асе. Итак, в очередной раз пыталась понять тебя, угадать твои мысли.

Наконец-то! Вот он, этот деревенский домишко, так называемый – вокзал. Мы шумно ввалились в долгожданное тепло.

Возле кассы никого. Ваня громко потарабанил в закрытое окошечко, и сонная старушка сердито проворчала:

– Слышу! Чего стучишь?! Никакого воспитания!

Девочки билеты не покупали. Их традиционно билечивали мальчишки. Вадим взял четыре билета.

Мы расположились на длинных узких скамейках. Пожитки побросали на пол как попало. Кто-то уже жевал бутерброды, прихваченные из школы. Некоторые, разомлев в тепле, сразу задремали. Другие в ожидании поезда стали балагурить, развлекая себя и соседей.

Я сидела между Асей и Флорой. Усталость от дороги и вокзальная жара, казалось, лишили последних сил. Хотелось спать. Вадим достал из своего портфеля бутерброды и принялся нас угощать. Флора категорически отказалась от своей порции, а Ася, сказав, что ужасно проголодалась, взяла и свой бутерброд, и Флоры. Я совсем не хотела есть, но, боясь обидеть Вадима, стала вяло жевать.

Ты несколько раз, размахивая портфелем, прогулялся возле нас, при этом, всё время желая приятного аппетита. «Спасибо», – за всех жующих отвечала вежливая Флора. До прихода электрички оставалось больше часа.

Ты присел возле женщины с ребёнком. Ребёнок мирно посапывал на её коленях. Понизив голос, ты спросил:

– Извините, вы замужем?

Она посмотрела на тебя, улыбнулась и ответила вопросом:

– А вы что же? У всех женщин спрашиваете об этом?

– Да, конечно. Я – статист. Понимаете? Вы знаете, кто это? У вас есть знакомые статисты? – дурачился ты.

– Нет. Знакомых статистов нет, – ответила она серьёзно.

– Как же нет? А я? Мы же знакомы. Так ведь? – ты засмеялся.

А она попросила:

– Тише, пожалуйста, а то разбудите.

Ребёнка всё же вскоре разбудили, но не ты. Дверь вокзала широко распахнулась, и с шумом ввалилась следующая группа во главе с Мариной. Большая, громогласная, она вышагивала впереди, и сразу ринулась к тебе с вопросом:

– Взял мне билет?

– Разумеется! Прошу, держите, мадам, ваш билет, – ответил ты, отдавая ей, наверняка, свой.

Но вожатая не унималась:

– А почему не подождал? Что, принцессу-то несли по очереди? Или как? – ехидничала она, указывая в мою сторону.

Я насторожилась: что она ещё выкинет? Но ты в этот раз не промолчал.

– Видишь ли, Марья, я бы с удовольствием понёс тебя, но боюсь, не удержу.

Марина пошло заржала:

– А у неё-то, наверно, ножки-ручки застыли без движения!

– Марина, хватит тебе! Надоело уже слушать твои глупости! – пробасила Ася.

– Ой, надо же! Сколько вас: адвокаты, опекуны, адъютанты!!! Боже ж мой!

– Марья, заткнись, и как следует! – сказал ты тихо, но жёстко.

– Да ты что, Крутов! Знаешь, как я замёрзла! – она игриво заныла, прижимаясь к тебе.

А ты обнял её и завопил:

– Хочешь, Марья, я налью тебе рюмку чая?!

– Да, ну тебя! Всё шутишь, – захихикала она.

В это время Наташа с Женей, Света со Стасом затеяли какую-то игру. Флора посмотрела в их сторону и сразу сникла.

– Девочки, вы согрелись. Пойдёмте, погуляем немного, – предложил Вадим.

На улице было безлюдно. Мороз как будто немного отступил. Мимо нас мчались поезда, не замечая маленькой потерянной станции. До прихода электрички уже оставалось минут пятнадцать, когда народ стал собираться. Наши держались вместе, потому что должны были сесть в один вагон. Окликая друг друга, поддерживая и подсаживая, торопливо забирались в ближайший. Марина ни на шаг от тебя не отставала. А когда поезд тронулся, она бодро заорала:

– Так! Поём! Все поём! Где-то на белом свете, там, где всегда мороз! – истошно завопила вожатая.

Кое-кто стал подтягивать, но без энтузиазма. Некоторые ребята перемещались по вагону, подсаживались к кому-нибудь, о чём-то тихо говорили.

Мне было тревожно и неуютно. Я думала о том, как встретят у Аси? Чем я буду там заниматься? Как воспримут мой приезд её мама и бабушка?

Марина ни на минуту не умолкала, всё время кого-то задевала. Её шумные реплики, песенки, которые она заводила, всех раздражали. Но никто не желал с ней связываться.

Казалось, сейчас ребята не хотели расставаться. Для кого-то две недели – это целая вечность. Они выходили в тамбур поговорить. А кое-кто и покурить, демонстрируя девчонкам свою взрослость.

К нам подошёл Женья и, немного постояв, попросил Флору выйти с ним на минутку. Она вопросительно посмотрела в мою сторону, и я тихонько подтолкнула её. Вскоре Флора вернулась и позвала меня. В это время Женья, счастливо улыбаясь, направлялся к Наташе.

– Что случилось? – спросила я, когда мы оказались в тамбуре.

– Кира, ты понимаешь?.. Он просит, чтобы я позвонила родителям Наташи и сказала им, что Наташу оставили в школе... Будто бы она будет помогать делать ремонт. А она... В общем, родители Жени разрешили. Они вместе проведут каникулы. Кира... – Флора заплакала.

– Так ты отказалась? – спросила я.

– Я согласилась, – всхлипывая, тихо ответила она.

Глава пятнадцатая

«Балет на льду».

Шталь. Встреча с доблестной милицией.

Мы вернулись на свои места.

– Не думай больше об этом. Что случилось, то случилось, – попробовала я успокоить всхлипывающую Флору.

В это время к нам подсел Федя Шталь из одиннадцатого класса.

Я плохо знала его, но всегда немного опасалась, считала, что он может запросто выкинуть что-нибудь эдакое – неожиданное и неприятное. И не по злобе, а просто – по природной тупости своей.

– Кира, пойдём, покурим, – сказал Шталь. И громко, глупо заржал.

– Федя, тебя Кузя искала. Иди к ней. Она тебе даст конфетку, – просипела Ася.

Кузя – Тася Кузнецова, была одноклассницей Феди. Приехала она учиться в шестой класс из какой-то глухой деревни. Говорили, что так и не изменилась с тех пор. А ещё говорили, что она влюблена в Федю, страдает, пишет в дневнике о своей неразделённой любви. Дневник хранится у Таси под матрасом. И все, кому не лень, уже давно прочитали его и вдоволь наиздевались над влюблённой Тасей. Кроме неё на Федю никто не обращал внимания, а он был безнадежно влюблён в дочь тёти Фени, которая работала санитаркой в больнице.

– Не пойдёшь, что ли? – пробормотал он, глядя на меня.

– Пошёл вон! – тихо, но очень внятно сказала Ася.

– Ну, зачем же так грубо, Ася! – возмутился ты, присаживаясь возле Феди.

– Крутов, ты пьян! Уходи! – уже завопила Ася. Ты не обратил на неё внимания, потянул Вадима за собой:

– Пойдём, Вадюша! Выпьем за нашу дружбу! Или, если не хочешь со мной выпить, пойдём – покурим, а?

– Никуда он не пойдёт с тобой! Понял? И отстань! – отрезала я.

А ты стал откровенно издеваться над Вадимом:

– До чего ты докатился, Вадька! Где твоё самолюбие? Где гордость твоя? Так унижаться перед девчонкой! Эх, ты! Дурачок ты, Вадька!

– Сейчас я вернусь, – сказал Вадим, и быстро пошёл к тамбуру.

Шталь и ты последовали за ним.

– Не ходи, пожалуйста, с ними, – стала просить Флора, видя, что я поднялась.

– Пить Вадька не будет. А курить? Да чёрт с ними! Пусть покурят вместе, так, может, успокоятся, – подытожила Ася.

– Ведь посмотришь – нормальные ребята, а что вытворяют! И взрослых-то нет с ними... Как *одних-то* отпускают? Господи-господи, - рассуждала вслух пожилая женщина, идущая со стороны выхода.

Что-то происходило именно в тамбуре, и уже никто не мог меня удержать. Я бросилась к двери, но в проёме встретилась с квадратной спиной Штalia. Он стоял, упершись локтями в косяки и расставив ноги. Стоял, как скала, и не намерен был кого-либо пропускать в тамбур. А в тамбуре, между тем, разгуливал морозный ветер, сопровождаемый твоим несмолкаемым пьяным хохотом.

Подошли Ася и Флора. Мы все трое стали молотить кулаками по спине Штalia, на что он, слегка повернув голову, монотонно произносил:

– Дурры. Все дурры.

– Пропусти сейчас же! – заорала я, не узнавая своего голоса.

А он заржал:

– Я же тебе не Вадька! Чего орёшь тут? Видишь, идёт «Балет на льду». А у тебя билета нет! А без билетика нельзя!

Колотушки наши и вопли на этого придурка не действовали. Что делать? Меня охватило ещё большее отчаяние, когда Флора, сумев разглядеть то, что происходит, в ужасе прокомментировала:

– Дверь в тамбуре открыта! Что же это такое? Как они открыли? Крутов пьяный, ничего не соображает, а Вадим хочет его столкнуть! Ой, девочки!

Флора громко заплакала. А Ася рассердилась:

– Да хватит нюни-то распускать! Надо же что-нибудь делать! Надо Федьку иголкой уколоть. Тогда он отскочит!

– Ася, ты посмотри, какая у него шуба! Иголка сломается! Весь он какой-то железобетонный! – подошедшая Света произносила всё это, посмеиваясь.

– Ничего смешного! – Ася на Свету злилась, как всегда.

Стали подтягиваться и другие ребята, ещё не понимая, что происходит. Шталь стоял по-прежнему, не меняя позы, а вы с Вадимом продолжали кружить по скользкому тамбуру. Оказываясь почти у самого края, ты каким-то образом увёртывался и устремлялся к противоположной закрытой двери, таща за собой Вадима. Твой дурацкий хохот действовал на Вадима как раздражитель и он снова хватал тебя и снова толкал к открытой двери. Оба вы скользили, но ещё удерживались на ногах.

– Ребята, ну что за дела?! Надо Федьку долбануть чем-нибудь тяжёлым, – предложил Стас.

И тут же Света тихо заметила:

– Не лезь не в своё дело. Без тебя разберутся.

– Правильно говорит Стас: надо Федьку долбануть и вообще... Убить на фиг! – предложение и хохот подоспевшей Марины перекрыл все призывы столпившихся за спиной Шталя.

– Лучше не подходите никто! Буду пинать всех!

В подтверждение своих слов Шталь задрал ногу в огромном ботинке.

– Только попробуй пни! Я тебя так отпинаю!.. – крикнула я.

Моя храбрость, которая была всего лишь приступом отчаяния, ошарашила Шталь, и он повернулся ко мне:

– Ты? Меня? Отпинаешь? Как это?

Он замахнулся на меня и – в это время я проскользнула в тамбур. Шталь злобно принял прежнюю позу, бормоча что-то нечленораздельное.

– Перестаньте! Ну, пожалуйста, Вадик! Пожалуйста, оставь его! Он – пьяный! – причитала я, повисая на руке Вадима.

Шталь, как и прежде, держал оборону и никого не пропускал. Только обиженно вскрикивал иногда:

– Ой! Больно же! Как дам сейчас по башке! Кто там щипается?! Это ты, Ася?! Вот зараза! А за его спиной поднималась волна возмущения.

Пассажиры тоже загомонили:

– Надо вызвать милицию! Совсем обнаглели!

Слыша такие слова, я испугалась и стала кричать на Вадима:

– Как тебе не стыдно! Пользуешься тем, что он – пьяный! Отпусти его сейчас же!

В это время Марина оказалась ближе других к спине Шталь.

– Ребята, ну что вы с ней нянчитесь! Выбросьте её, и всем будет счастье! – внушительно произнесла она.

То, что произошло в следующую минуту, стало полной неожиданностью для всех. А главное, – для меня самой. Вадим отпустил тебя и мгновенно подхватил меня со словами:

– Правильно говорит! Всё надсело! Ещё Алексей – гад!

Миг! И Вадим со мной вместе оказался у открытой двери тамбура. Я не успела даже испугаться, как ты, выхватив меня из его рук, сказал протрезвевшим за

мгновение голосом и тоном, не допускающим никаких возражений:

– Но-но! Не смей! Сам же потом...

Что было бы потом – ты не успел договорить. Шталь капитулировал, уступая нашей доблестной милиции. Их было двое.

– Что случилось? Кто из вас открыл тамбур?

Ты решил взять на себя роль ответчика:

– Дверь была открыта. Вот мы с другом решили покурить. Как-никак расстаёмся на две недели.

– И ещё решили выпить, да? – спросил тебя один из допрашивающих.

– Ну, что вы, как можно? Мы же в школе пока учимся. Нас могут выгнать, если что. Понимаете?

– Понимаю, – ответил представитель правоохранительных органов.

Несмотря на то, что ты был убедителен, он не оставил меня без внимания:

– Так! А ты что здесь делала? Этих ребят знаешь?

Мой ответ опередила Марина:

– Это же из-за неё весь сыр-бор. Из-за неё ребята подрались! Она приехала...

– Меня не интересует сейчас, откуда она приехала! Интересно другое: вы кто? – перебил Марину милиционер.

– Я? Я – старшая пионервожатая. Я слежу за порядком, но не могу же за всеми уследить, – стала оправдываться Марина.

– А напоили ребят тоже вы, уважаемая пионервожатая? – не уступал правоохранитель.

И тут я услышала, как его коллега, слегка понизив голос, сказал:

– Да оставь ты их. По-моему, это свияжские ребятишки.

А затем он же, но уже громче, обратился ко всем:

– В тамбур не выходить! Двери не трогать! Двери открываются только на станции! Будете безобразничать – придётся отвечать! Вы уже взрослые: должны соображать. Всем всё понятно?

– Понятно! – ответили мы хором.

Глава шестнадцатая

«Вот её деревня...». «Ой, мороз! Мороз!».

Тишина зимней деревни завораживала. Всё мне здесь нравилось: небольшой домик, пропитанный особым деревенским запахом, огромная русская печь, погреб с соленьями да вареньями, тощая и вездесущая кошка с независимым характером, маленький покорный Шарик во дворе, редко подававший голос. Не на кого было лаять: все свои. Что толку попусту брехать?

Здесь я впервые услышала, как по ночам гудят провода. Было неожиданно звонко и мелодично. Когда начинаешь прислушиваться, вначале даже немного весело, а потом вдруг становится тревожно и жутко, как в детстве, когда читаешь страшную сказку. Ты ждёшь, что же будет дальше? Ждёшь и уже боишься своих догадок.

Прежде я попадала в деревню только летом или осенью, да и то редко. Отец брал меня иногда с собой в отпуск, пока не подросли малыши.

Приезжали мы к тётке Рае, а в гостях бывали у родственников в соседних деревнях. И тётка, и другие родственники жили совсем иначе. Сразу было понятно, кто живёт в достатке, а кто победнее. Казалось, не было таких, кто жил бы средне. У одних были большие дома, светлые и чистые со множеством окон. На полу яркие ковры. Здесь, особенно в Димине, родственники угощали мёдом и маслом. На обед подавали наваристый суп. Всё у них было своё.

Родственники победнее уже с утра пекли пышные лепёшки – кабартма, вкусные, особенно свежие, только испечённые. А дома их были похожи на игрушечные домики с маленькими оконцами. На полу – вязаные половички из цветного тряпья. Но порядок был во всех домах. Обувь снимали у самого порога. Все вещи и посуда – всё было разложено по своим местам. А вот в

деревенскую зиму, в такую хрустящую и морозно-сладкую, я попала впервые.

Ася жила с мамой и бабушкой. Тётя Рита уходила каждый день на работу, а бабуля, ещё вполне крепкая и шустрая, занималась хозяйством. Она варила щи, кашу, а иногда пекла пирожки, сладкие или с капустой. Мы с Асей бездельничали. Забирались на печь и валялись там, порой чуть ли не целый день. Мы мечтали о будущем, о том, как обе поступим в музыкальное училище... Потом она станет знаменитой музыкантшей, а я... Я, видимо, должна в будущем стать обыкновенной училкой.

– Ты, Кира, не права. У тебя есть способности, но ты мало занимаешься. Вообще-то некоторые сидят в музыкальной целыми днями и пилят этюды, а играют хуже гораздо, чем ты, – говорила Ася.

– Знаешь, Ася, я ведь не собиралась серьёзно заниматься музыкой. Учителя всегда хвалили мои сочинения. Ну, и стихи вроде бы кое-кому нравились. Думала, буду поступать в университет. Да только какой университет после девятого класса?

– Кира, ты сама понимаешь, что нельзя тебе здесь больше оставаться. Девчонки тебя заклюют окончательно. А эти. Ну, Крутов и Вадька... Да пусть сами разбираются. Вон, какая ты красавица! Разве можно сравнить с нашими колхозницами? – последние слова Ася произнесла, очень сердито сопя.

Мне стало не по себе. Надо было переводить разговор на более отвлечённые темы.

Я стала расспрашивать, что она знает об училище. Ася переписывалась с выпускниками школы и многое знала. А я и слушала, и не слушала, потому что до конца не понимала смысл своего решения. Для чего мне нужно заниматься музыкой, если я не могу, а больше всего – не хочу быть музыкантом?

Но я хочу, должна забыть тебя и достойно выйти из сложившейся ситуации. Мне иногда казалось, что ты

совсем не любишь меня, а моя любовь (ведь ты же давно догадался обо всём) забавляет тебя или, может быть, льстит, и ты позволяешь себе в моё отсутствие рассуждать, смеясь надо мной. Какая, мол, она – дурёха. Думая об этом, я ненавидела тебя, но не переставала любить. Становилось на какое-то время всё равно, что будет с тобой, с Вадимом. Главное, я должна была разрушить этот злосчастный треугольник, у которого все углы – острые, и поэтому больно каждому из нас. Или, может быть, тупые, потому что приходится спасаться бегством. Нет другого решения, и некому подсказать.

Тётя Рита работала бухгалтером в районном Доме инвалидов. Соседям она говорила:

– Теперь у меня две доченьки.

Тётя Рита относилась ко мне по-матерински заботливо, обращала внимание на моё настроение. Её заботу и внимание я в душе ценила, но к сладостям, которые она ежедневно приносила с работы, не прикасалась.

– Ты что, Кирочка, брезгуешь, что ли? Это же никто не трогал. Прямо со склада, – удивлялась тётя Рита.

Она удивилась бы ещё больше, если бы знала, какая сладкоежка их гостья. На столе в большой стеклянной вазе, похожей на горшок, лежали шоколадные конфеты в разноцветных обёртках, ароматное печенье и свежие булочки... Удивлялась не только Асина мама, но удивлялась даже я тому, что мне и бороться-то с собой не приходится. Наоборот, при виде таких угощений я чувствовала лёгкую тошноту. И ещё было жаль кого-то. Не знаю – кого, но жаль было на столько, что всё время хотелось плакать, когда тётя Рита, разливая чай по большим чашкам на огромных, как полупорционные тарелки, блюдах, каждый раз уговаривала взять хотя бы одну конфету:

– Свеженькие. Вчера только привезли. Особо мне вот эти нравятся. Попробуй-ка хоть эту.

Мне так хотелось угодить ей, но я боялась, что тут же за столом меня стошнит. Решила не рисковать:

– Спасибо, тётя Рита. У меня от сладкого болят зубы. А у нас в школе и врача-то зубного нет. Кажется, и в больнице тоже там нет.

Домашними делами меня здесь не утруждали. Ася иногда помогала матери или бабушке, а я болтала с ней, или выходила во двор покормить Шарика и поговорить с ним. Как-то Ася чистила картошку, а я сидела на печи, пытаюсь приручить своенравную Муську. Она фыркала, но не уходила от меня. Муська подходила к самому краю печи, смотрела вниз на хозяев, ждала, когда я позову её. Так она стояла несколько минут, а потом медленно шла назад ко мне, будто собиралась пройти мимо. Но не проходила, а будто бы нечаянно касалась моей руки или ноги. Ну, хитрюшка!

– Девчонки, а вам ещё не надоело бездельничать? – спросила тётя Рита.

– Нет, конечно, – весело ответила Ася за себя и за меня.

Но я-то была в гостях, и потому за себя решила сама отвечать:

– Конечно, надоело. А что надо сделать, тётя Рита? – тут же заинтересовалась я.

– Да я вот тут подумала: может, поиграете у нас на ёлках-то? Ну, там по очереди, что ли? Кто устанет, поменяется. Да и баян-то у нас один только.

– Мам, а ёлок сколько? – спросила Ася.

– Да, как всегда. Для детей сотрудников наших, для самих сотрудников, ну и для подопечных наших. Три выходит, – размеренно посчитала тётя Рита.

Третья ёлка меня несколько насторожила, и я робко спросила:

– А ваши подопечные, – они какие?

– Да, они – инвалиды. Разные инвалиды, – такой ответ я получила, а представления о «подопечных» – нет.

– Поиграем, Ася, правда? – просительным тоном заговорила я, и она сразу согласилась:

– Да, ладно. Нам это нетрудно. Только, Кира, давай договоримся сразу: будешь говорить, если устанешь. Ты же не привыкла, а я часто на танцах играла, когда мальчишки отказывались.

– Это правда. Я быстро устаю. У меня просто руки слабые. Спасибо, Ася. Конечно, будем по очереди играть. Я буду говорить, как есть, – пообещала я Асе.

– Вот и замечательно! Завтра скажу начальнице, что мои девчонки согласились. Может, она ещё и денежку какую подкинёт вам за работу, – заключила тётя Рита.

Но мы с Асей, не сговариваясь, обе запротестовали. А потом Ася рассудительно сказала, как будто совсем уже взрослая:

– Знаешь, мама, тебе ещё здесь работать. В кои-то веки тебя попросили. Если бы это было чаще – другое дело. Ничего нам не нужно.

– Ладно, доча, тебе виднее, – неожиданно легко согласилась тётя Рита.

Детский утренник был таким, каким ему и надлежит быть. Дети в костюмах разных зверюшек и снежиночек водили хоровод, пели и танцевали, читали стихи и получали подарки. Иногда слышался девчоночий плач. Кто-то из малышей явно капризничал. На утреннике Ася справлялась одна. Я сидела рядом и подпевала детям. Их было человек двадцать-двадцать пять. В конце Ася играла туш, а большая громогласная тётка вручала малышам призы: пластмассовые игрушки, расчёски, зубные щётки, книжки, краски, карандаши...

Сотрудники праздновали наступление Нового года вечером того же дня. К водке и самогону предлагалось много всякой закуски, но, казалось, что бутылок было всё равно больше. Мы с Асей не пили, а что касается еды, тётя Рита покормила нас дома. Теперь мы играли по очереди и оберегали друг друга от усталости.

Вначале люди больше пели, потом – ели, а позже – в основном, только пили. Пока были трезвы, пели

задушевно, ласковыми голосами, будто слегка притрагиваясь к звукам, которые не могли взять в полный голос. Но вот песня стала выкрикиваться, а певцы стали куражиться. Кто-то пускался в пляс, топоча и распевая свою частушку, не обращая внимания на песню, вовсе даже не плясовую. Компания постепенно перемешивалась. Народ пересаживался. Путались тарелки, стаканы, но это уже никого не смущало.

В общем, всё выглядело более или менее пристойно, не считая многократного предложения от пьяного кочегара, обращённого ко мне. В шуме он не расслышал моё имя и после каждого тоста, икая, повторял:

– Ира, дорогая Ирочка! Дай слово, что выйдешь за меня замуж! Понимаешь, я – шофёр, а не кочегар! Это временно! Это пока Юрка в армии! Его хромого забрали! Да он и глухой! А я уже отслужил! Отдал долг! Больше никому и ничё не должен! Должен только тебе! Выйдешь за меня?! Будешь жить, как *сариса* Клеопатра, во дворце будешь! Всё будет путём! Поняла?!

В конце концов, мне ничего другого не оставалось, как только пообещать. И он сразу куда-то исчез.

«Ой, мороз, мороз!» раз пять или шесть исполняли уже без кочегара, так сказать без моего жениха. Песню пропели, вспоминая слова, затем – проорали уже более бесшабашно и разухабисто. А после ещё прогорланили и провопили надрывными, охрипшими и осипшими голосами. Похоже, Ася знала репертуар этой компании и в отличие от меня играла, не ошибаясь. С выпивкой к нам не приставали, как это бывает обычно с музыкантами. Видно, тётя Рита предупредила.

Во время пира, особенно, когда играла Ася, мне вспоминался наш барак, где жили эвакуированные семьи. Летом они собирались прямо на улице, и тоже пили, и тоже пели, и те же песни. А я привязывалась к родителям чаще всего с одним вопросом: почему они поют «Мороз?». Ведь сейчас лето. Теперь я сама знаю, почему

летом «Мороз». Скорее, я чувствую это. Но так же, как и мои родители, вряд ли смогу объяснить.

Домой возвращались поздно.

– Спасибо вам, девчонки! Повеселили всех... Сегодня отдохните, а завтра вечером уже будет последняя ёлка, – говорила по дороге тётя Рита.

Глава семнадцатая

«В лесу родилась ёлочка».

Кто заказывает музыку?

Терасим. Слепой скрипач.

С самого утра тётя Рита взялась за работу. Она решила надеть на меня серое поношенное платье Аси, которое было мне широко, и вообще, не сидело, как надо.

– Твоё, Кира, слишком светлосе. Сама-то ты, может, не испачкаешь. Но вдруг кто-нибудь что-нибудь прольёт или уронит на тебя, – так загадками говорила тётя Рита о предстоящей третьей ёлке – для подопечных в Доме инвалидов.

Платье мне совсем не нравилось. Как бы ни ушивала его тётя Рита, оно висело на мне, как на вешалке. Но я была в гостях и потому не смела возразить. И ещё, похоже, тётя Рита знала что-то такое про третью ёлку, чего я не могла пока понять. Ася тоже оделась непримечательно, слишком скромно. В раздевалке на моей голове вместо пуховой шапки оказался старушечий платок.

– Вот так. Косички наши мы спрячем, – улыбаясь, тихо проговорила заботливая тётя Рита. И добавила, –

– Меня-то рядом с вами не будет. Надо девочкам помогать... Мало ли что... Ты-то, Ася, наших знаешь, так уж сама следи.

– Не переживай ты так, мама. Что мы – маленькие, что ли? – ответила Ася.

В середине зала стоял большой стол, составленный из нескольких обычных столов, покрытый цветастой клеёнкой. На столе было множество бутылок с мутной жидкостью. На одинаковом расстоянии друг от друга уже расставлены тарелки с винегретом. В зале пахло луком и чем-то кислым. Вокруг стола деревянные табуретки. Для

нас принесли два стула со спинками. Ася тут же схватила стулья и стала оттащить их как можно дальше.

– А почему мы так далеко садимся? – спросила я.

– Ну, надо же им место для плясок освободить, – ответила Ася со знанием дела.

Она села на стул и взяла на баяне несколько аккордов. В зале шли последние приготовления. Сотрудники громко смеялись, и всё время называли какие-то имена. Видимо, речь шла о «плясунах».

– Девчата, Виктор-то наш не заболел после вчерашнего? Видали его? Нет? Надо, чтобы за Петром приглядывал. А то, не дай бог, накостыляет кому-нибудь, как в прошлом году! – похохатывая, говорила шарообразная тётка в рабочем халате, появившаяся в дверях.

– Да не бойсь! Он теперь у нас смиренный стал! – ответили ей из коридора.

– Ладно, девки, на него нападать-то! Если его не дразнить, так он никого не трогает! Нисколько не хуже этого вашего Салазкина! И откуда только он свалился на нашу голову? Такой наглец! – ворча, говорила хорошенькая женщина, протиравшая пол возле нас. – Приподнимите ножки, девочки, – попросила она.

В коридоре снова раздался тот же успокаивающий насчёт Петра голос:

– Гляньте, девчата, как защищает Галинка своего дружка! Вообще-то, если бы кто-нибудь мне помогал, а ещё лучше, работал за меня, – я бы тоже защищала!

– Помолчала бы уж! Нашлась работница! – огрызнулась Галинка.

В это время в зал заглянула строгого вида дама. Видимо, начальница.

– Хватит болтать! Уже пора начинать, а вы всё лясы точите! Хотите здесь до утра торчать? – сказала дама сурово и направилась к нам.

– А ты чья? – спросила она, глядя на меня.

– Это моя подруга. Она будет мне помогать. Кира тоже играет, – объяснила Ася.

– А... поняла. Маргарита Николаевна говорила. Просто, глядя на девочку, я бы никак не подумала... Она баян-то удержит? – уже улыбаясь, спросила дама.

– Удержит, – коротко ответила Ася, и тоже улыбнулась.

– Ну, что? Можно уже запускать? – спросили у начальницы из коридора.

– А что держать, если у вас всё готово? – изрекла начальница и быстро удалилась.

В это время с другой стороны зала послышался гул голосов, скрипучий старческий смех и какое-то мычание.

Они медленно входили, подтаскивая изуродованные ноги и стуча костылями. Некоторые шли неестественно прямо. Шли без костылей. В руках у них ничего не было. Рук – тоже не было. Вместо рук – у некоторых протезы. Рассаживались неторопливо. Кто-то кого-то приглашал сесть поближе, и в это время Ася заиграла медленный вальс «Амурские волны».

Вальс не приглашал танцевать. Он будто должен был сейчас помочь людям сосредоточиться на предстоящем праздновании уже наступившего года. Ася продолжала играть, а они пытались сесть поудобней: придвигали и отодвигали табуреты, просили помочь проходивших возле них сотрудниц, роняя с грохотом костыли, тихо поругивали самих себя. Вернулась строгая дама, и кто-то крикнул в сложенные рупором ладони:

– Тихо! Тихо!

– Уважаемые товарищи! Коллектив сотрудников Дома инвалидов поздравляет вас с Новым годом! Мы желаем вам крепкого здоровья, счастья в личной жизни и долгих лет! Многие из вас были на фронте, защищали от врагов нашу любимую Родину. От всего сердца мы благодарим вас за мирное небо над нашими головами. Пусть никогда

не повторится тот ужас, который испытала наша страна. Пусть наши дети и внуки узнают о войне только из книг! Наше государство помнит о ваших заслугах и будет всегда о вас проявлять всяческую заботу, чтобы вы всегда чувствовали себя достойными гражданами своей великой Родины! С Новым годом, уважаемые товарищи!

Начальница завершила своё поздравление. Послышались аплодисменты, притопывания. Кто-то громко свистнул. Несколько голосов крикнули «ура!». Пока она говорила, подошедшие к столу женщины разливали по стаканам спиртное.

– Выпьем за Родину! – выкрикнул крепкий мужской голос, и все разом загомонили.

– Закусывайте, закусывайте, – повторяли сотрудницы, переходя от одного к другому. Исполнив свой долг, начальница ушла, не прощаясь, исчезла по-английски. Больше ей тут нечего было делать. То и дело падали ложки. Кто-то умудрялся поднять, другим тут же подали чистые. Запасные ложки лежали в кармане халата Галинки. Вилка здесь, вероятно, никогда и не было.

Ася потихоньку наигрывала какие-то умиротворяющие мелодии даже в то время, когда начальница произносила речь.

Вскоре спиртным стали заниматься по-хозяйски сами подопечные. Они наливали себе и соседу, произносили тосты, дотягивались друг до друга стаканами, смачно чокались, проливая содержимое. Выпивали залпом, быстро хмелея. Красивый мужской голос затянул:

– Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!

Асин баян тут же присоединился к певцу. Другой, не менее мужественный, перекрывая голоса присоединившихся к знакомой песне, запел:

– Есть город, который я вижу во сне!..

Я подумала, кому же теперь будет аккомпанировать Ася? А она лихо подыгрывала то одному, то другому, и это у неё виртуозно получалось. Вот и вышло, что сразу звучали обе песни. Правда, моряк вскоре умолк.

– Горячее нести? – громко спросила у кого-то Галинка.

Ей откуда-то ответили:

– Пора! Поторопи девчат!

Женщины уносили посуду и расставляли чистые тарелки. Появилась кастрюля с макаронами. Кто-то закричал:

– Давай плясовую!

Но Ася не подчинилась, заиграла «Подмосковные вечера». А работницы стали ласково уговаривать, подходя к каждому:

– Ой, макарошки-то какие! Вкуснятина! Давай покушаем! Плясать-то веселее будет!

Похоже, что есть уже никто не желал. Казалось, бутылок не становилось меньше. Опять наливали, выкрикивали тосты (всё больше «за Родину!», «за Сталина!»), и вот уже заспорили:

– Я всевал на флоте! А где был ты? Дома? Со своей бабой?

– Я пережил блокаду! У меня вся семья померла с голоду! Меня контузило! Понял ты, моряк недобитый?

– Я – недобитый, а тебя сейчас добыю, гад!

– Ребята, не ссорьтесь! Ведь праздник! Вы же у нас – красавчики! Защитники вы наши! Вот покушаем и будем танцевать! Ну, кто со мной плясать будет?

Обещаниями да похвалами спор был приостановлен.

Ася, чтобы напомнить о празднике, заиграла «В лесу родилась ёлочка», и одна из сотрудниц звонко запела. Ей аплодировали и кричали «браво!».

Никто больше не хотел сидеть за столом. Остались человек пять. Остальные резво собрались в круг.

– Отдохни, – сказала я и взяла у Аси баян.

– Чапушки умеешь? – спросила она.

– Не очень, – честно призналась я, обещая попробовать.

Баян у Аси был лёгкий, и играть на нём было нетрудно.

Плясать хотелось всем. Даже тем, у кого были протезы. Обильные возлияния приводили к потере равновесия. Они падали, цепляясь за того, кто оказывался рядом, зло ругались матом, но, поднимаясь, смеялись, дружески шлёпали друг друга по спине и продолжали пляску. Сотрудницы готовы были составить компанию своим подопечным. Они взвизгивали, притопывали и заводили частушки про милёнка, которого, вероятней всего, у многих из них не было.

Мы ни на минуту не прекращали игру. В ход пошла и «Цыганочка», и «Барыня», и «Яблочко...» Подопечные пели матерные частушки. Их никто не урезонивал больше, потому что стали они добродушны друг к другу, развеселились, опьяненные пресловутой и жалкой свободой, пусть даже кратковременной и мнимой. Свобода эта опьяняла их куда больше, чем любое спиртное.

Время от времени прямо перед нами появлялся огромный глухонемой, которого я тут же окрестила про себя Герасимом. Он мычал, весело притопывая возле нас, и гладил меня по щеке огромной шершавой ладонью. Половицы под его ногами ходили ходуном. Здесь к нему подходил кто-нибудь из сотрудниц и ласково направлял Герасима в общий круг:

– Туда... туда, Петя! Иди туда...

Герасим широко улыбался и – отходил.

Когда его в очередной раз проводили в середину зала, Галинка подвела к нам маленького тщедушного человека.

В руках у него была скрипочка. Скрипач оказался совершенно слепой. Подставив ещё один стул, рядом со мной, Галинка сказала:

– Пускай тоже немножко играет.

Он сел и мгновенно подхватил мелодию, которую играла Ася. Он играл божественно, ни разу не ошибся. Его скрипка, казалось, жила своей, отдельной от него

жизнью. Чистые нежные звуки оказывали какое-то магическое действие. Так бы и слушала, и слушала бесконечно. Я боялась, что Ася устанет и сама передаст мне баян. Мне казалось, что я больше не смогу играть. Всё забыла. Все мелодии. Сомнений не было: у него абсолютный слух.

– Как вас зовут? – спросила я во время небольшой паузы.

– Нет, я – одна. Гармошка нет. Колька помирал, – ответил он тихо.

Ну, конечно, если на «Вы», то непременно и про Кольку.

– Вы – татарин? – успела задать ещё один вопрос.

– Нет, мы – чуваш, – ответил он и почти одновременно с Асей заиграл популярную польку.

В перерывах между мелодиями к нему подходили разгорячённые спиртным и эмоциями друзья по несчастью. В дрожащих руках они держали наполненные стаканы, желая угостить музыканта.

Он отчаянно и беспомощно сопротивлялся, всё время повторяя:

– Не могу! Это не надо!

Он всеми силами пытался защитить свою скрипочку, прикрывая её вязаной жилеткой, которая была на него надета. Но, во хмелю народ бывает особенно настойчив. Низко наклоняясь к нему, дышал смрадом и старался крикнуть в ухо слепого тост «за дружбу». Мне было жаль его до слёз, но я не знала, как помочь. Его обливали вином, а он терпел...

Главное, – уберечь скрипку, которая была для него дороже всего на свете. Да и что у него ещё было?

– Ася, поиграй какую-нибудь быструю плясовую и громко. Может, тогда от него отойдут, – попросила я, ничего лучшего не придумав.

Она заиграла, и, правда, от него на какое-то время отстали. А между мелодиями я опять решилась заговорить с ним:

– Скажите, вы из какой деревни? Где родились?

– Шаймырза, – скороговоркой ответил он, но горькая нотка успела проскочить в его тихом голосе.

Я очень удивилась, потому что вспомнила: папа мой родился и долгое время жил в той самой деревне. Он-то хорошо знал чувашский язык, и даже свободно разговаривал. Да, а меня не научил. Сейчас бы я поговорила со скрипачом. Нет, не дали бы ему говорить. Успела только ещё раз повторить свой вопрос:

– А как вас зовут?

– Ваня... Ваня... – поспешно ответил он, подхватывая «Арабское танго», которое заиграла Ася.

Забегая вперёд, должна сказать, что папа мой вспомнил скрипача Ваню, который никогда и нигде не учился, но послушать его игру приходили даже из соседних деревень. Женщины плакали, слушая его скрипку. Был он тихий и очень застенчивый, да никому и в голову не приходило чем-нибудь обидеть его. Ваня был любимец всей деревни. Но, вероятно, родственникам стал в тягость слепой, и его отвезли подальше от дома... Здесь, в одиночестве суждено было ему доживать свой век, оберегая то, что заменило самых близких людей и весь окружающий мир, не догадываясь о своём божественном даре, который был дан ему свыше вместе с горькой, горемычной судьбой.

Мы возвращались домой поздно вечером. Снег поскрипывал в такт нашим шагам. Наверное, зимой в деревне всегда такая тишина.

– Тётя Рита, а почему на празднике не было бабушек? – спросила я.

– А зачем они тебе? – рассмеялась Ася.

А тётя Рита серьёзно сказала:

– Так ведь бабушки, если у кого они есть, и дома пригибаются. До самой смерти. Ну, если разумная родня, конечно. А мужики, если что не так, сразу за бутылку хватаются. Вообще-то, у нас и бабушки есть, но

их мало. Да и не любят они застолья. У нас ведь только Ваня один из мужиков-то не пьёт. Жалеем мы его все, да чем уж поможешь. Он ничего про себя не рассказывает. И по-русски-то плохо говорит.

Так за разговорами, не спеша, мы дошли до дома. Бабушка приготовила ужин, но я отказалась. Есть не хотелось. Попила со всеми чай и легла спать. Уснуть тоже никак не удавалось. Растревожила меня скрипка и судьба её хозяина. Само собой родилось что-то, похожее на стихи. Правда, требования Вартанова были отброшены мной напрочь, остались одни эмоции. Да простит меня читатель за несовершенства в следующих строчках. Но говорят, что было – то было..

*Новый год в Доме инвалидов
Слепому скрипачу
Горько, горько рыдает скрипка,
Плачет голосом человеческим...
То вздохнёт и почти затихнет,
Больно ранит и нежно лечит.
Это что за чёртова пляска?!
Скачут вскачь. Горланят – идола!
Вам полезна такая встряска...
Тоже в прошлом что-то видели...
Только скрипка рыдает сильней,
И душа вторит этим звукам.
Но от боли чуждой и своей
Я не вижу конца всем мукам.
Ты сложил свою песню, скрипач,
Под печальные струны эти.
Смейся! Пой! И, коль плачется, – плачь!
Тьма вокруг, но образ твой светел!
1964 – 1965 год*

Глава восемнадцатая

В кабинете директора.

Встреча с Алексеем Фёдоровичем.

Сюрпризы и подарки. Новость.

Ты был прав: Ася, действительно, не спешила уезжать из дома. Мы опоздали почти на неделю. Когда я стала собираться, она просто сказала:

– А чего спешить? Подумаешь, пропустим несколько дней! Это нестрашно. Ты учишься хорошо, и на твоих оценках пропуск никак не отразится. А мне... Лично мне и троек хватит! Я за оценки не переживаю.

И всё-таки нас с Асей ждали. У школы встретила Анна Николаевна:

– Ася, ну, как это назвать? Ты в своём репертуаре. Надо готовиться к экзаменам, девочки. У тебя, Кира, алгебра хромает.

Насчет алгебры было у меня желание ответить, что она не хромает, а давно обездвижена и лежит влѐжку. Но промолчала.

– Ася, ты иди в класс. А тебя, Кира, ждёт директор...

Я напряглась, хотя Эмиль Закирович мне всегда улыбался при встрече. А иногда по-доброму спрашивал:

– Привыкаешь? Наверное, по дому скучаешь, да?

Я отвечала неопределённо, но при этом тоже улыбалась ему.

– Кира, здравствуй! Садись... Отдохнула хорошо?

– Нормально, – ответила я.

Тон его был вполне доброжелательный, и я успокоилась.

– Мы тут на педсовете рассмотрели заявления некоторых девятиклассников относительно музыкального училища. В том числе и твоё. Откровенно говоря, мне жаль, что ты решила нас покинуть. Да, вот, и Анна

Николаевна огорчилась. Говорит, что давно не было учеников, знающих химию.

Как раз в это время вошла в кабинет завуч. Чтобы не продолжать разговор о химии, я сказала:

– Вы же понимаете, что химиком мне не быть...

– А музыкантом? – спросила Анна Николаевна серьёзно.

Я на минуту растерялась: неужели придётся откровенно рассказывать сейчас, почему решила уехать?

– Ну, не выдающимся, конечно... Во всяком случае, работу найти можно. Пусть буду средним музыкантом.

– Да? А я почему-то думала, что именно тебя-то, Кира, среднее не привлекает. Неужели ошиблась?

– Возможно, – я ответила очень тихо.

– А подумать, – желания нет? – настойчиво заметил директор.

– Нет, – тихо, но уже резко ответила я.

Анна Николаевна молчала. А он продолжил:

– Давай, Кира, мы с тобой решим таким образом: если ты не поступишь в училище, то возвращаешься к нам. Ну, а если поступишь... Что же... Должны будем радоваться за тебя. И будем надеяться, что ты нас не забудешь.

Идёт?

– Да, конечно, – слукавила я, отлично понимая, что не вернусь. Не вернусь ни за что!

– Ну, здравствуй, Кирочка! Наконец-то! – радостно встретил меня поджидавший возле учительской Алексей Фёдорович.

Я тоже была рада. То ли тому, что «договорилась» с директором... А, может, тоже ждала встречи с мудрым, взрослым и всё понимающим человеком.

– У меня есть для тебя кое-какие новости. Зайдём на минутку, – он взял меня за руку, как маленькую, и повёл в учительскую.

Я вспомнила прошлое свидание и насторожилась. Но Алексей Фёдорович был тактичен и всё-таки мудр. И

опять, как в прошлый раз, заглянул Вадим, но, видя, что ничего не происходит, сказал:

– Кира, потом поднимись в класс. Тебя ждёт Раиса Петровна.

– Сейчас, – пообещала я.

А тот, с кем осталась, провёл рукой по моим волосам, и я ощутила тепло его ладони. Усмехнулся и спросил:

– Понравилось в деревне? С кем Ася живёт?

– С мамой, с бабушкой...

– И всё?

– Нет. У них ещё Шарик и Муська.

Он засмеялся:

– Муська – говоришь? Ну, вот что... Тут к тебе подружка приезжала.

– Что за подружка? Я никого не ждала, – поспешноотреагировала я.

– Зовут её Ира.

– Ира? Я не знаю никакой Иры.

– Видишь, какая ты! Быстро забываешь друзей и подруг своих! Уедешь и – нас тоже забудешь, да?

– Какая Ира? Это кто-нибудь пошутил, наверно.

– Между прочим, вы с ней познакомились на вокзале.

– Ира!!! Я вспомнила! А как же она нашла?!

– Видимо, ты очень ей понравилась... В общем, она хотела оставить для тебя письмо. Даже начала писать.

Потом вдруг порвала написанное и решила оставить номер телефона своих родителей и школы, из которой тоже решила сбежать, как некоторые из нашей.

Влюбилась, видите ли! В своего одноклассника!

– Алексей Фёдорович, а она об этом рассказала вам сама?

– Разумеется, нет. Но я – догадливый. А здесь её телефоны, – он подал мне небольшой листочек бумаги.

– Как же она шла от станции? – подумала я вслух.

– Ира шла с другими пассажирами. Здесь, Кирочка, по одному никто не ходит. А ты даже этого не знала, да?

– Не знала, – повторила я. – Кстати, правда, что тебя чуть не арестовали? Что ты там натворила, а? Признавайся!

Я живо вспомнила всё, что произошло и что могло произойти... Внутренне ужаснулась, но постаралась ответить, как можно спокойнее:

– Да, мальчишки баловались, а пассажиры стали возмущаться. Ну, и тут милиция появилась... Ерунда какая-то.

– Ладно, дальше можешь не рассказывать. Врать не умеешь, всё равно. А я грустил без тебя...

Он внезапно разволновался. Потом достал из кармана шуршащий пакетик и подал мне. В пакетике лежала брошь. Веточка смородины. Ягоды, как настоящие, – живые! Я должна была поблагодарить дарившего это чудо поцелуем, но... смелости не хватило. А он снова погладил меня по голове и задумчиво сказал:

– Ну, хорошо... Беги в класс. Там Раиса Петровна. Она приготовила тебе сюрприз.

– Плохой? – спросила я, надеясь только на честный ответ.

И он честно ответил:

– По-моему, хороший. Даже интересный, и должен тебе понравиться.

Выходя из учительской, я вдруг подумала: что-то во мне изменилось. И того, что заставило измениться, должно хватить на оставшееся полугодие. Возможно, пребывание в деревне подействовало благотворно? Или вдохновили поддержка Аси, её обещание помочь подготовиться к поступлению в музыкальное училище? А, может быть, решение расстаться со всем, что здесь, вселило уверенность, что будет именно так, а не иначе?

Наш класс, школа, не похожая на мою прежнюю, загадочный остров, Вадим, полюбившие и ненавидящие меня девчонки и учителя... и ты. Всё и все останутся здесь и будут жить, как прежде. А я буду далеко. Буду где-то совсем в другом месте, среди других людей. Может быть, как раз от них-то я пострадаю гораздо больше... Но там не будет тебя, и всё прежнее забудется. А что, если не забудется? Нет, конечно, – забудется, и я не должна сомневаться. Должна запретить себе – любить тебя!

Чтобы попасть в наш класс, нужно было пройти через восьмой – проходной. Не успела я открыть дверь, как восьмиклассники повскакивали со своих мест, быстро окружили меня и все разом заговорили:

– Кира, а в наш класс тоже приехала «новенькая!» Она – рыжая, и фамилия у неё – Лисицына!

Сообщив мне эту важную новость, они стали дружно хохотать.

– Ну, и что тут смешного? – спросила я, стараясь говорить как можно строже.

И тогда Витя Мухорин попытался растолковать мне то, над чем все смеются:

– Понимаешь, в неё с первого дня влюбился Рафик Шуваев, и он не даёт ей проходу. Поняла? Ты же знаешь его?

– Да он же ещё совсем маленький. Кажется, во втором или в третьем классе, — нехстати рассуждала я вслух. Восьмиклассники, даже те, кому не было смешно, продолжали натужно хохотать.

Наш класс называл соседей «класс дураков». Почему? Нормальные ребята. Нормально учились. Но, вот взял кто-то когда-то и прилепил прозвище к группе ребят.

Восьмой и девятый классы разделяла тонкая, вроде фанерной, стена, а в ней какой-то «умник» проделал небольшое отверстие, о котором якобы не подозревали

учителя. Во время контрольных, главным образом, по математике, наши отправляли «дуракам» решения через то отверстие. Хотя, я думаю, что решения заказывали самые отъявленные лентяи. А дураки, если даже они там были, чихали на свои оценки и успеваемость.

Витя Мухорин завершал рассказ о том, что рыжая отшлёпала надоевшего ей Рафика. Он пожаловался своей воспитательнице. И «новенькую» наказали: отправили мыть пол в столовой.

– Прекратите шуметь! Все сели на свои места, и учим уроки! – скомандовала приоткрывшая дверь из нашего класса Раиса Петровна.

И вдруг... Вот уж чего я никак не ожидала. Она внезапно потеплевшим голосом ласково поздоровалась со мной и пригласила в класс. Я пошла за ней.

– Здравствуйте! – поздоровалась я со всеми сразу, и не узнала своего голоса.

Получилось звонко и как-то озорно. Что это со мной?

И теперь уже наш класс загудел, приветствуя меня. Спрашивали, как отдохнула? И Ася поздоровалась. Потом спохватилась и рассмеялась, рассмешив остальных.

Я села на своё место. И, когда все замолчали, ты сообщил как бы между прочим:

– А к тебе тут подружка приезжала! Такая хорошенькая!

– И Крутов её провожал, почти до станции, – простодушно добавил Ваня.

– А до станции не мог, да? Струсил? – злясь на себя, я в очередной раз ввязалась в никчёмный разговор.

И ты не промолчал:

– Ты, Кира, не знаешь. Но, должен тебе сказать, здесь по одному не ходят – ни от станции, ни обратно.

– Так! Крутов, ребята, давайте о деле! Мы ведь ждали Киру, чтобы решить всё окончательно, – вовремя прервала нашу очередную перепалку Раиса Петровна.

– Скажи, пожалуйста, Кира, ты в своей школе в драмкружке участвовала? – обратилась она ко мне.

– Нет. Я пела в хоре.

Ребята засмеялись, чем сразу смутили меня. Что не так опять? Сделав вид, будто смех вовсе не касается меня, я решила продолжить:

– Мне было некогда, я всё время занималась с малышкой.

– Да я не об этом, – досадливо прервала Раиса Петровна.

А я вдруг вспомнила и стала рассказывать, перебивая её, о том, как в пятом классе мы поставили пьесу. Она называлась «Снежок».

– Автора не помню. Действие происходит в американской школе. Снежок – это прозвище чёрного мальчика. Сашу и мою подругу Галю вымазали сажей. А я играла белую девочку, которую звали Анжелой. Меня раздели, как принцессу. Я враждовала со всем классом. А особенно со всеми чёрными.

– Как это для тебя символично, – не удержался ты от реплики.

Сделав вид, что не слышала твоих слов, смеясь, я дорассказала о самом забавном:

– Мы по ходу пьесы поссорились с чернокожей девочкой, которая на самом деле была моей подругой и одноклассницей. Я замахнулась, чтобы отвесить ей пощёчину, а Снежок защитил её, схватив меня за руку. Ну, вот! Саша, то есть Дик, схватил мою руку, и его чёрная пятерня осталась на моей руке. Их же, чтобы сделать неграми, вымазали сажей! Ой, я еле доиграла! Всё пыталась это художество спрятать под рукавом, но и рукав был короткий! А за игру меня все хвалили. Говорили, что сыграла естественно. И после этой постановки ещё долго в школе называли меня Анжелой.

Мой рассказ неоднократно прерывал смех одноклассников. Смеялась и Раиса Петровна, и я сама. А когда все затихли, наконец, она сказала, вытирая слёзы:

– В общем, мы должны поставить пьесу о революции. И я хочу предложить тебе интересную роль. Это – роль революционерки, которая, как выясняется по ходу пьесы, оказывается шпионкой.

– И тебя, Кира, должен убить Крутов, – мрачно сообщил Серёжа.

– Ну, совсем разболтались за каникулы! Причём здесь это, Серёжа? Давайте же серьёзно. У нас мало времени. Всего месяц. Роли, конечно, небольшие, но надо же отрепетировать. Так, сколько у нас действующих лиц? Один, два, три... Восемь-девять человек. Мы с тобой, Кира, посмотрим после ужина. Можно даже немного сократить, если что. Ты согласна?

– Сократить ужин? – нарочно спросила я.

Вопреки моему ожиданию, Раиса Петровна улыбнулась и ответила:

– Посмотреть пьесу и твою роль. Если она станет твоей.

– Так ни у кого же не получается, Раиса Петровна, – случайно выдал тайну наш простодушный Ванечка. Оказывается, пробы уже состоялись.

В пьесе был задействован и Вадим, но здесь вы не соперничали. Он играл рабочего. А ты – большевик, был влюблён в меня, верил и – на тебе! Шпионка!

Раиса Петровна выдала мне, шпионке, ещё одну информацию. Ну, совсем-совсем секретную. Я обещала не проболтаться. Она сообщила, что на весенних каникулах несколько учеников из нашей школы поедут в Питер, где состоится зональный смотр художественной самодеятельности. Предположительно, поедет трио баянисток из нашего класса. Ансамбль баянистов из разных классов. Вокальный ансамбль, в котором пою и я и который исполняет классику. Но, главное, что я должна буду подготовить, это – декламация. Оказывается, в данном жанре мне не было равных.

– Я вспоминаю, как ты читала Лермонтова «Дары Терека», так до сих пор чувствую, как мурашки по

спине... В ближайшие дни подберу тебе стихотворение, мы обсудим с тобой, и начнём подготовку, – сказала Раиса Петровна.

– А как? Все же узнают тогда, – встревожилась я.

– А ты не обращай ни на кого внимания. Учи себе и всё, – посоветовала она.

Видимо, её совет я должна взять на вооружение на всё оставшееся время, то есть до конца учебного года. Ах, Питер! Как было бы здорово! Если бы ещё встретиться там с подружкой детства! Я училась в первом, а она – в третьем классе. Мы дружили всего один год. Потом переписывались. Её отца перевели в Питер, по службе. Да, но вдруг меня не возьмут! Будет очень обидно.

Раиса Петровна ушла, оставив меня наедине с моими размышлениями и сомнениями. Мне показалось, что всё, что произошло сегодня, слишком много для одного дня, что ли?

Я рассматривала подарок Алексея Фёдоровича, когда в класс вошёл Вадим.

– Подарок? – спросил он, глядя на меня.

Я промолчала, а он продолжил:

– Я даже знаю, от кого... Почему ты молчишь?

– И что? – ответила я вопросом.

– Ничего. Просто я видел, как он выбирал. Потом мы вместе ехали в вагоне.

– Так это ты рассказал о случившемся в поездке?

– Я похож на сумасшедшего?

– Понятно, – сказала я, ничего не понимая.

– У меня тоже есть для тебя подарок. Смотри...

Он подал мне коробочку, в которой лежал... О, мечта! Маленький радиоприёмник.

– Вот это да! Восторг!

Я плохо спала ночами, особенно после той выходки девчонок. И, чтобы не скучать, иногда брала у Вадима его приёмник с наушниками. Приёмник тот назывался «Атмосфера». Огромное колесо на нём я обозвала

«штурвальным». И всё же «Атмосфера» помогала мне коротать мои бессонные ночи.

– Он, наверно, дорогой? – спросила я.

– Не очень.

– А где ты взял деньги?

– Ты думаешь, украл, да? Готов ответить на все вопросы сразу. У мамы был день рождения. Она мечтала о платке-паутинке. Короче, мы с другом разгрузили парочку вагонов... Вот и всё. Тебе, правда, нравится?

– Очень, – искренне ответила я.

– И ещё, Кира. Ты никогда не сможешь простить, да? Ну, то, что произошло в дороге?

– Вадик, я не хотела бы это обсуждать, потому что для себя как-то понимаю то, что было тогда. Могу себе объяснить... Понимаешь меня? Но, пожалуйста... Давай пока оставим всё, как есть.

– Я согласен, – ответил он еле слышно.

Мы пошли прогуляться перед сном. И встретили в школьном дворе Флору и... Женю!

Флора что-то рассказывала и смеялась весело, взхлёб! А Женя всё время повторял:

– Ну, ты же чудачка! Ты – чудо!

От них обоих веяло неописуемым счастьем! Я не смогла скрыть своего удивления, и подтолкнула Вадима. А он тихо сказал:

– Сейчас отойдём, расскажу...

Мы отошли на несколько шагов, и я нетерпеливо спросила:

– Ты знаешь? Расскажи скорей!

– Да я-то тоже знаю немного. Только то, что Женя с Наташей крепко поссорились, когда она была у него на каникулах. Вроде, Наташа оскорбила маму Жени. Нина Петровна промолчала, а Женя расставил сразу все точки над "i". Наташа уехала к себе домой...

– Как ты думаешь, Вадик, надолго это у них? – спросила я.

– Не знаю. Но разве можно сравнивать Флору и Наташу? Наташа – грубая и завистливая...

– А помнишь, как ты отзывался о Флоре?

– Да, ладно! Когда это было! Не будь такой злопамятной!

– Буду такой, какой захочу!

– Ну, и это тоже хорошо, наверное, – ответил он задумчиво.

Глава девятнадцатая

Репетиции и занятия.

«Нарисовалась». Знакомство с одноклассницей.

«Цветы». Новость по секрету.

Неделя промчалась во всё ускоряющемся ритме. Роли были переписаны, и мы репетировали каждый день. Режиссёром и постановщиком выступала сама Раиса Петровна, приглашавшая в качестве помощника то Вартанова, то Алексея Фёдоровича. Заглядывала во время репетиции и Анна Николаевна, подбадривала и хвалила «артистов». Ребята немного дурачились, комментировали текст, но в целом работа заметно продвигалась. Ты ломался, нарочно путал текст своей роли, цеплялся к моей игре, а я держалась, стараясь не отвечать. Но сбросить с себя напряжение мне всё же не удавалось. Я стеснялась, боялась раскрыться, хотя понимала, что способна на большее. Особенно сковывало меня присутствие Алексея Фёдоровича. Он, правда, молчал в отличие от Вартанова.

И вот я решила, что буду просто проговаривать свой текст, без эмоций. Легкомысленно уверовала, что на выступлении сделаю всё, как надо: выступлю с блеском! Тем более, что во время репетиций я не получала замечаний, меня не пытались учить... Я хладнокровно следила за всеми участниками, поражаясь тому, насколько естественно ведёт себя Вадим, как будто эта роль была придумана специально для него. Забавно было наблюдать и за Асей. Ей досталась роль вахтёрши, ворчливой, всем и всеми недовольной.

Моя роль была небольшой, но, как говорили, – главной. Шпионка, изображавшая революционерку, работала секретарём-машинисткой в какой-то организации. Вокруг неё все – идейные патриоты, и все они немножко в неё влюблены. Таким образом, у меня оказалась двойная роль.

Одна выражалась в том, что я большую часть времени долбила по клавишам пишущей машинки. Другая – скрытая от окружающих, в которой должна была кокетничать с Поляковым (то есть – с тобой), чтобы выведать какие-то секреты.

Особенно рьяно я стучала по клавишам и чаще дёргала каретку, когда в зале появлялся Алексей Фёдорович. И однажды ты заметил:

– Раиса Петровна, вам не кажется, что Кира не печатает, а играет с кареткой, потому что ей нравится звоночек!

– Крутов, не придирайся! Учи лучше свою роль, – ответила наша наставница.

– Сам-то ты, Крутов! Выстрел уже прозвучал, а ты вспоминаешь, какие слова должен сказать Кире перед тем, как застрелить! – урезонила тебя Ася.

Все засмеялись, а ты сердито прикрикнул:

– Молчи, вахтёр! Не твоё дело!

Наш педагог по музыке Валерий Михайлович, похоже, знал про поездку в Питер, потому что ансамбли тоже стали репетировать чуть ли не каждый день. Звучавший торжественно «Гимн великому городу» сменялся романсом «Горные вершины» в исполнении вокального ансамбля девочек.

Время шло, а Раиса Петровна никак не могла подобрать для меня подходящие стихи. «Может быть, она передумала, предложила кому-то другому? В таком случае, почему вспомнила Лермонтова? Подожду», – решила я.

А вот неугомонная Ася была убеждена, что всякие репетиции, ансамбли, пьесы – всё это ерунда. Надо готовиться к поступлению.

– Надо готовиться, Кира, – говорила она и тащила меня в музыкальную.

Она приносила для меня нотные сборники из библиотеки, давала задание, а потом проверяла, как я выучила какой-нибудь несложный этюд.

В музыкальной кроме общего класса (проходного помещения) было пять кабинок. Вдвоём да ещё с инструментами в кабинке было тесно, и мы с Асей занимались в общем классе. Если даже одна кабинка была занята, и из неё доносились звуки музыки, нам с Асей приходилось перемещаться куда-нибудь без инструментов, чтобы, не теряя напрасно время, зубрить теорию.

Нетесно в кабинке было только влюблённым. И тут уж, конечно, им в уединении было не до музыки. В кабинке происходили первые свидания, первые объяснения в любви. Там случались первые поцелуи, а иногда и последние, и кто-то покидал музыкальную, вытирая слёзы. Считалось, что мы с Асей не обращаем на всё это внимание и продолжаем наши занятия.

Литературный кружок стал собираться реже, но Вартанов приходил в класс к участникам и давал индивидуальные задания. Кто-то распустил слух о том, что наш руководитель влюбился в юную врачиху, которая живёт в Казани, и скоро должен жениться. Значит, покинет нашу школу. А, может, это и не слух, а правда. Он стал чаще на занятиях кружка читать свои стихи, и всё больше – о любви. На одно его стихотворение ты ответил стихами: «Всё же есть она, любовь неразделённая...».

Мы долго спорили. Никто не говорил о том, как написано стихотворение, но споры вызвала твоя точка зрения на «неразделённую любовь».

– Крутов, ты так не думаешь! Всё врёшь! – кричали одни.

– Да это он спёр у кого-то из поэтов, – утверждали другие.

А ты требовал:

– Интересно, у кого именно! Ну, скажите, кто здесь такой умный и всё знает?

В это время в класс заглянула Ася:

– Ребята, нас ждёт Раиса Петровна на репетицию. Вы уже два часа тут сидите.

– Все свободны. Кира, задержись, пожалуйста, на минутку, – остановил меня Вартанов.

– Я подожду в коридоре, – сказала Ася и вышла.

– Кира, это правда, что ты решила поступать в музыкальное? А как же с литературой? Тебе стало неинтересно?

– Столько вопросов, – решила отшутиться я.

На что Вартанов, улыбаясь, сказал:

– Вопросы много, а ответ – один! Да? Ну, ладно! Всё-таки, попробуй совместить, хорошо?

– Попытаюсь, – ответила я и попрощалась.

Ася встретила меня взволнованно:

– Ты представляешь, Кира! Она нарисовалась наконец-таки! Не понимаю, почему некоторым можно приезжать к концу учебного года и – ничего! Всё нормально! А тут на неделю опоздаешь, и уже катастрофа!

– Ты о ком? Я ничего не знаю. Кто «нарисовался?» – недоумевала я.

– Да, Овечкина приехала! Нина Овечкина, – устало сообщила Ася, не любившая одну из ваших «умниц».

– Извини, Кира, я как-то забыла, что ты её не знаешь. Ну, ничего! Ещё узнаешь!

– Ася, а что она, эта Нина Овечкина, из себя представляет? – поинтересовалась я, как бы между прочим.

– Да ничего не представляет! Выпендривается, изображает невинную овечку, а сама... Короче, хитрющая, ещё та! Кого хочешь заманит, всё из тебя вытащит, а потом, как моя бабушка говорит: «Твоим же салом по твоим же мусалам». Считает себя самой умной.

– Но говорят, что Нина хорошо учится, – попробовала я возразить.

– И что из того?! Куда она пойдёт со своей хорошей учёбой? На хор не ходит. На ансамбль – тоже. Музыкакой тоже не пожелала, видите ли, заниматься.

– Может, у неё нет слуха, – предположила я.

– Слух есть! Я-то знаю! Говорю тебе, выпендривается. Даже к Варганову не пошла, хотя как будто какие-то стишки пописывает!

– Хорошие?

– Да, брось ты, Кира! Какие там – хорошие! Одно слово сорок раз повторяется!

– Ну, может, слово такое, что надо сорок раз повторить, – засмеялась я.

– Знаешь, вот она изображает из себя такую умную, как будто не нуждается ни в каких занятиях. Ну, типа – это ниже её достоинства. А вот попомни моё слово: попрётся в массажисты, чтобы выйти замуж. Там же ребят больше, чем девчат. И вот будет потом всю жизнь разглаживать задницы!

– Во-первых, про нас с тобой тоже могут так сказать, будто хотим поступить в музыкальное, чтобы выйти замуж. Там ведь тоже больше ребят. А, во-вторых, я знакома с некоторыми массажистами: эта работа тоже предполагает серьёзные знания.

– Кира, пожалуйста, перестань! Тут и сравнивать нечего! – категорично прервала наш спор Ася.

В этот вечер репетиция прошла стремительно. Вернее, её не было вовсе. Раиса Петровна всех пожурила за незнание ролей и заспешила домой.

– На свидание торопится, – предположил ты, когда за ней закрылась дверь.

– А почему ты не поинтересовался у неё самой, куда она торопится? – спросила Ася.

– Вот ещё! Я и без этого знаю. Даже знаю, куда сейчас направится Кира! Ты же сообщила о том, что приехала Нина? Кстати, Кира, она ждёт тебя в классе.

– Врёшь ты всё, Крутов! – сердито отрезала Ася.

– Я тоже слышал, что Нина хотела с тобой познакомиться, – тихо сказал Вадим.

Он проводил меня до класса, а сам пошёл к выходу:
– Скоро подойду. Одна не ходи, пожалуйста. Очень скользко. Малышня сегодня раскатала дорожки между корпусами.

– Да, конечно, подожду, – пообещала я.

Нина сидела в классе одна. За твоей партой. На столе перед ней лежала раскрытая книга. Она отодвинулась, и по-дружески, как будто мы давно уже знали друг друга, пригласила:

– Присаживайся...

– Что читаешь? – спросила я, пытаюсь попасть в её интонацию.

– Не читаю. А так... Просматриваю физику. Надо же догонять! – она рассмеялась серебряным колокольчиком.

От неё пахло мятными пряниками. И вся она показалась мне тогда какой-то домашней и уютной. Если бы я была более наблюдательной, то заметила бы, что она играла роль маленькой наивной девочки, которую когда-то давно придумала для себя. «Я слишком наивная», – любила говорить о себе Нина. И ей верили. Оказывается, всё-таки не все верили. Вот Ася же сумела её раскусить. Впрочем, и я хотя бы в зрелые годы разобралась.

А позже, когда детский лепет и хихиканье исходили из уст уже пожилой дамы, общие знакомые и друзья, бывало, недоуменно спрашивали друг друга: «Что это с ней? Почему она так разговаривает и странно себя ведёт?» Даже предполагали, что Нина серьёзно болела, перенесла инсульт или что-то в этом роде. Но она, как и прежде, оставалась румяным «пончиком», и ужимки её, и манеры были прежними.

И за одной партой вы тогда оказались неслучайно, что выяснилось на следующий же день. Зина Сабитова, которой было всё равно с кем сидеть, перебралась к Танзиле Мулиной. Такого рода перемещения здесь происходили нередко.

На уроках вы громко шептались, комментировали ответы одноклассников. Случалось, Нина могла внезапно рассмеяться, повторяя при этом:

– Да ну тебя, Крутов! Перестань!

Учителя делали замечание тебе. Ей всё прощали. Практически не отвечая на уроках, она получала четвёрки и пятёрки.

Учитель задавал вопрос, после некоторой паузы – называл её имя. Нина, слегка привстав, тут же садилась, причмокивая, растягивая слова, нечленораздельно произносила две-три фразы, подходящие к данной теме. Затем, будто смущаясь, жеманно повторяла:

– Собственно, о чём тут ещё?.. Вроде бы, это главное... Да, в общем-то, и без того всё понятно.

– Да-да, конечно! – соглашался учитель, и оценивал ответ как отличный.

А как же иначе? Она-то действительно, всё понимает, так чего же её, бедную Нину, мучить?

Мне она казалась тогда безукоризненно правильной, достойной подражания, и я пыталась подражать, всё больше привязываясь к ней. Такая привязанность, конечно же, не нравилась Вадиму, вызывала раздражение у Аси. И даже добрая великодушная Флора была против нашей дружбы. А ты? Ты всё понимал. Знал Нину, но никак не предупредил, не оградил, а просто наблюдал. Пожалуй, даже был доволен тем, что я стала меньше времени проводить с Вадимом. Кое-кто из учителей пробовал урезонить Нину, говоря:

– Ну, как ты, Нина, можешь дружить с Кирой? В голове у неё только мальчишки да ветер! У вас нет ничего общего...

На это она, снисходительно усмехаясь, отвечала:

– Да что Вы! Кира – хорошая девочка! Даже очень интересная и забавная...

Её забавляли мои откровения, доверчивость. А мне было не с кем поделиться, поговорить о своих

страданиях. Она молча выслушивала, редко комментировала и ещё реже – что-то советовала.

Шли последние репетиции пьесы. Раиса Петровна каждый раз вносила какие-то коррективы. Меня без конца переодевали. Я по её замыслу должна была выглядеть чем-то вроде модной фифочки, но наряды были велики, и на мне смотрелись комично. Она ушивала и подшивала юбки, блузки, и в конце концов решила, что я должна выступать в своём платье. Какая-то учительница притащила из дома лаковые туфли на высоченных каблуках, в которые я натолкала столько ваты, что пальцы моих ног торчали наружу.

А ещё наша постановщица придумала последнюю сцену, в которой все участники пьесы должны выйти на поклон, встать в шеренгу и обнять рядом стоящих. Меня, несмотря на моё отчаянное сопротивление, Раиса Петровна поставила между тобой и Вадимом. При этом она настойчиво выкрикивала:

– Крутов, обними Киру! Да что ты стоишь, как столб?

Впервые я видела тебя таким смущённым и растерянным. Но, по правде говоря, и сама смущалась не меньше и чувствовала себя ужасно неловко. Но Раиса Петровна требовала, и тут уж никуда не денешься. Это – замысел режиссёра, который мы так и не смогли разгадать.

И ещё один момент во время репетиции всех участников возвращал в реальность. Шустрый пацан – Васька Киреев должен был за сценой грохнуть в барабан (это ты стрелял в меня), но не получалось, как надо. Выходило что-то вроде ритма популярной мелодии. То ли наш барабанщик забывался, то ли хотел в очередной раз всех повеселить... Ребята хохотали, приговаривая:

– Ну, нельзя убивать Киру! Понятно же, что из-за неё никак не получается!

Раиса Петровна делала строгое лицо и говорила:

– Безобразие! А ты, Кира, почему смеёшься?

За меня отвечали хором:

– Она радуется тому, что будет жить!

О поездке в Ленинград уже говорили открыто. Я учила стихотворение Мусы Джалиля «Цветы». Его отыскал для меня Вартанов. Раиса Петровна согласилась с ним. Но репетировала я в основном самостоятельно.

Стихотворение мне понравилось. Я пыталась понять не только автора, но и переводчика, живо представляя то, о чём рассказываю. Моё чтение одобрила Анна Николаевна, и даже пообещала подарить свою картину, если я удачно выступлю.

Раиса Петровна требовала, чтобы читала громко, очень громко. Я читала почти на крике, но она всё равно не была довольна. В школе работала комиссия по отбору номеров для поездки. Меня могли не допустить. С ансамблем я должна была выступать, а вот со стихами...

Попасть в зал было невозможно, там постоянно кто-то репетировал. Декламировать в классе, да ещё так, как требовала Раиса Петровна, я стеснялась. У Аси были ключи от музыкальной, и я стала вечерами потихоньку уходить туда. Запирала двери изнутри и – орала стихотворение Джалиля:

*– Огнедышащей лавой бурля,
Здесь великая битва шла!
Сколько слёз глотала земля!
Сколько крови пили поля!
Той кровавой и слёзной ценой
Победила наша страна!!!*

Однажды мои вопли прервал стук в дверь. Я испугалась и от неожиданности кому-то крикнула:

– Я больше не буду!

За дверью прозвучал залиvistый смех – серебряный колокольчик. Я распахнула дверь.

– Нина! Пожалуйста, прости, – смущённо залепетала я.

– Да ну! Что ты так говоришь? Всё в порядке! Ты так здорово читаешь! Так громко и так выразительно!

Молодец! Мы с Крутовым хотели послушать всё стихотворение.

И тут ты шагнул из-за двери.

– Прячешься? – сердито спросила я.

Ты замялся, ответил не сразу:

– Я доверил дипломатическую миссию Нине. Подумал, что к ней ты отнесёшься более благосклонно.

Я не знала, как вести себя в такой ситуации: ссориться с Ниной не хотела, но и выступать перед вами у меня не было ни малейшего желания.

– Я устала и больше не хочу читать. И голос уже сорвала. Раиса Петровна заставляет читать громко некоторые строчки, а у меня слабые голосовые связки.

– А ты нам тихо почитай, – предложила Нина.

– Пойдём в класс. Я дам тебе текст, Нина, и ты сама прочитаешь. Может, что-то ещё подскажешь, – сказала я.

Подошла Ася:

– Кира, тебя Алексей Фёдорович ищет. У него какое-то письмо для тебя. Ждёт в учительской.

– Да нет же никакого письма! – тяжело вздохнув, ответил Алексей Фёдорович. – Садись... Поговорить надо. Вот ведь час от часу не легче! Ну, что там с пьесой?

– Раиса Петровна сказала, что на этой неделе выступаем. Правда, ещё не всё получается.

– А что не получается там у вас?

– Текст не все знают. Да просто всем смешно! Меня никак не получается нормально убить! В смысле – застрелить.

Он засмеялся:

– Может, убивать-то не стоит, а?

– Не знаю, – тихо ответила я, в то же время лихорадочно соображая: для чего он пригласил меня сюда? Может, решил ещё раз поговорить о своей любви ко мне? Пусть говорит! Всем девчонкам, наверное, хочется слышать такие слова. Хотя... Вот, когда говорит

Вадим, почему-то становится скучно. Слишком часто, что ли?

– О чём задумалась, Кирочка? Ну, признавайся! – тон Алексея Фёдоровича был шуточный, но не по-настоящему.

Я поняла, почувствовала, что предстоит серьёзный разговор и никакой лирики! Предчувствие не обмануло меня.

– Алексей Фёдорович, что вы хотели мне сказать? – решила я спросить прямо, и вышло это даже несколько дерзко.

Он не растерялся:

– Итак, о том, что я очень люблю тебя, ты уже знаешь и, видимо, запомнила. Значит, повторять не стану, так ведь?

Я промолчала. Мы сидели за учительским столом друг против друга. На столе возле телефона лежали стопкой какие-то карточки. Я взяла одну из них и стала скручивать в трубочку. Он протянул руку, забрал «трубочку», а потом взял меня за руку. Ладонь его была тёплой, большой. И я успокоилась, и даже представила, будто сижу с ним рядом или на коленях у него, и он обнимает меня...

– Кира, меня строго предупредили, чтобы я не говорил об этом. А это то, что знаю я и директор. Ну, во всяком случае, пока. Очень неожиданная ситуация. А решил я поговорить потому, что, возможно, что-нибудь вместе придумаем.

Я уже готова была психануть: что он всё вокруг да около ходит?! Сколько это ещё будет продолжаться? И – внезапно услышала вопрос:

– Скажи, а почему ты – не комсомолка?

– В прежней школе меня не принимали. А здесь... Я даже не подумала... Да, может быть, тоже не приняли бы... Не знаю...

– А почему тебя не принимали? Знаешь?

– Догадываюсь.

– Кира, директор получил какую-то разрядку, что ли. В общем, предписание. Ты не должна ехать в Питер, потому что...

– Потому что я – не комсомолка?

– Представь себе! Но надо что-то придумать.

– А что здесь придумаешь? – усмехнулась я.

– А ты очень хочешь поехать?

– Конечно! Я хотела бы выступить. Ну, так выступить! В общем, чтобы нормально... А ещё, встретиться с Галей. Ну, я же нигде не была до сих пор. Только в Одессе и в Казани – с папой. Да ещё в деревне у Аси.

– Да, а я подумал, что тебе стало интересно про Питер... Впрочем, это неважно. А кто такая – Галя?

– Моя подруга детства.

– А вам уже объявили, когда должны ехать? И список?

– Да, – ответила я, голос мой предательски дрогнул, и – слёзы сами собой покатались.

Он встал из-за стола, быстро подошёл ко мне, обнял и заговорил – почти шёпотом:

– Плакать не надо! Лучше подумай, с кем можно поговорить. Возможно, Анна Николаевна сможет помочь. А сейчас, пойдём. Я провожу тебя. Поздно уже. И, пожалуйста, никому ни слова, хорошо?

Я кивнула.

Возле школы прогуливались влюблённые парочки.

– Добрый вечер, Алексей Фёдорович! – нарочито-приветливо воскликнул Вадим, явно поджидавший меня.

– Здравствуй, Вадим! По-моему, мы уже сегодня виделись, – сдержанно ответил Алексей Фёдорович. И добавил, – Надеюсь, что тебе можно доверить Киру. Пожалуйста, проводи до спального корпуса.

– Я могу и до спальни! – лихо повторил чью-то шутку мой одноклассник.

Грубую шутку. Раньше он не позволял себе подобного. Дурацкая шутка Вадима стала ещё одной ложкой дёгтя за сегодняшний вечер.

Честно говоря, и до этого было не очень-то сладко. Постепенно отдалялись новые подружки, и невозможно было понять, кто инициатор расставания, которое растянется до конца учебного года.

Отношения с Ниной складывались непросто, а главное, они не были отношениями «на равных». И чем больше я привязывалась к ней, чем искренней вела себя, тем больше Нина унижала меня. И делала она это очень тонко, изощрённо, так, что со стороны всё это выглядело даже весьма дружеским. Но тем больнее было мне.

Почти совершенно отошла и Флора, проводившая всё свободное время с Женей. Я, конечно, радовалась этому, и всё же мне не хватало такой подружки, доброй и открытой.

Ася, как и прежде, была требовательной и строгой в занятиях музыкой, но она не обладала той притягательной силой, которая рано проявляется в талантливых людях. С ней было неинтересно, скучно и однообразно. В ней не было даже намёка на теплоту, на живое чувство.

От Вадима же я порядком устала, но непонятное чувство вины перед ним преследовало меня всё больше с приближением конца учебного года. Он по-прежнему отвечал на письма моих друзей от моего имени. Случалось, писал моим родителям якобы под диктовку. Он радовался наступлению весны и тому, что я собираюсь в Питер. Представлял, как он будет провожать и встречать. Но ещё больше радовался тому, что ты-то не поедешь в Питер. А ведь мог бы и поехать. Но для этого надо было принимать участие в школьной самодеятельности. Удивительно, как удалось Раисе Петровне уговорить тебя участвовать в пьесе?

Тогда я ещё не понимала до конца, почему не смогу остаться с тобой и, тем более, не могла представить: какой может быть моя жизнь без тебя. Но надуманная бравада относительно того, что уеду, всё забуду навсегда, что забуду тебя, таяла с каждым днём, уступая место тоскливой неопределённости.

– Где ты была, Кира? – строго спросила Раиса Петровна, встречавшая девчонок на крылечке спального корпуса.

– Нигде, – ответила я, не задумываясь.

– А Алексей Фёдорович ещё в школе? – продолжала она допрос.

– Понятия не имею, – резко сказала я и направилась в спальню.

– Кира! В чём дело? Ты почему грубишь? – услышала я вслед, но уже никак не отреагировала.

Всё надоело! И она надоела со своими лисьими повадками, когда ей что-то нужно от тебя. Скорее бы уж всё закончилось, и уехать бы отсюда навсегда!

В спальне на моей кровати сидела Лёля, уткнувшись в своего неразлучного зайца и громко рыдая, уже привычно выводила:

– Ма-ми!!! Мама!!!

В который раз я поразились тому, что никто из присутствующих старших девочек даже не пытается успокоить малышку. А Зина Травкина встретила меня словами:

– Да заткни ты её в конце-то концов!

Хорошо, что Лёля не слышала, да, пожалуй, ещё и понять не могла, о чём говорит эта великовозрастная девица.

– Лёлочка, что опять случилось? Кто тебя обидел? – спросила я, обняв свою «подружку».

Она, не переставая плакать, что-то говорила. Я не могла разобрать слов и стала просто успокаивать:

– Не плачь! Я скоро подарю тебе что-то... Тебе очень понравится!

Произнося эти слова, я сама сразу же забеспокоилась, потому что свои обещания, тем более детям, всегда выполняла. Денег у меня не было, кроме тех, что иногда присылала старшая сестра. Да и что на них купишь в нашем скудном магазине, где продавали то, в чём могли

нуждаться люди повседневно: хлеб, сахар, мыло, соль, какая-нибудь крупа, спички да ещё тройной одеколон. Были, конечно, и какие-то конфеты, вобравшие в себя запахи всего, что имелось на прилавках того магазина.

Постепенно Лёля успокоилась и шёпотом рассказала, что её толкнула Маша из третьего класса, и она заплакала. А Марина сказала на Лёлю: «Рёва-корова!». Девочка, разумеется, обиделась.

Проводив Лёлю, я вернулась на своё место.

Глава двадцатая

«...Вкусившая благого глагола Божия»

То, что сообщил Алексей Фёдорович, долго не давало уснуть.

Я вспоминала. Вспомнила, как не принимали меня в пионеры, объясняя это тем, что, мол, ещё рано, что слишком маленькая. Я верила и не верила. Переставала верить тогда, когда стали принимать тех, кто младше меня. А когда наконец-то приняли, никакой радости не испытала. Равнодушно оттарабанила давно заученное вместе со всеми торжественное обещание:

– Я – юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...

С подшефными

А в день рождения пионерской организации получила первую в жизни двойку, по математике. Это случилось в пятом классе. Меня стыдили на линейке перед ржавшей

толпой ребят. На уроке вместо таблицы умножения рассказала правило, за что и схлопотала эту роковую двойку, после чего вычеркнула из своей жизни математику: не решила самостоятельно ни одной контрольной и даже ни одной задачи на выпускных экзаменах.

Благо, мне повезло: были хорошие друзья – одноклассники, очень толковые.

Вспомнила и то, как в детстве (было мне тогда года три) из пионерского галстука старшего брата скроила платье для своего пупса. Брат был старше на восемь лет. Он рвал и метал: плакал навзрыд, говорил обо мне всякие гадости и в конце концов, когда мама вышла зачем-то к соседям, отвёл душу – наподдавал, и было это весьма чувствительно. Некоторое время я не могла сидеть от боли. Теперь думаю, что он вёл себя так от страха. Боялся, что в школе узнают о таком святотатстве. Галстук новый родители купили, но он от природы был ужасный трус.

Несмотря на сложности с математикой, считалось, что учусь я хорошо, что в учёбе – одна из лучших. Лучшие сочинения по литературе, неплохие знания для школьницы иностранного языка, восторженные отзывы физрука о моих спортивных способностях – всё это привело к тому, что учителя математики закрыли глаза и махнули рукой на меня и моё отношение к их предмету.

В комсомол принимали прежде всего отличников и ударников. Иногда прощали и одну-две тройки. Но, когда пришло время писать заявление с просьбой о приёме в комсомол (в восьмом классе), я вдруг заметила, что принимают тех, кто учится значительно хуже. Мне же никто и ничего не объясняет.

И вот однажды совершенно случайно услышала разговор двух воспитателей. Правда, говорили они не обо мне, а в общем. Речь шла о том, что надо выявлять религиозных родителей и следить за поведением их детей, разговорами с одноклассниками.

Да, мой папа получил в своё время соответствующее образование, окончив медресе. Знал арабский язык, свободно читал и никогда не скрывал своих убеждений. Но он никому и никогда не навязывал религиозных взглядов, в том числе и нам, своим детям. Единственное, о чём он просил нас, чтобы перед тем, как приниматься за еду, мы произносили очень короткую простую молитву. То же самое надо было сделать после еды, то есть поблагодарить Всевышнего. Но это не было жёстким требованием, а всего лишь напоминанием и просьбой. Нередко младший брат, придя из школы, затевал споры с отцом, настаивая на том, что Бога нет и что, если бы он был, то люди точно знали бы его местонахождение и при желании могли бы с ним встретиться, типа сходить на приём.

– Люди очень многого не знают. Возможно, о чём-то не узнают никогда. Ты сам скоро в этом убедишься, – спокойно отвечал папа.

Брат отступал на какое-то время. И снова заводил подобные споры с видом «всезнайки», издеваясь и провоцируя отца.

Зная по опыту, что в школе бывает всякое, папа осторожно предупреждал меня:

– Ты, дочь, на такие темы разговоры не поддерживай, и сама тоже не заводи. Тебя не поймут.

Я усвоила его предостережение как необходимость скрывать то, что мой родитель – человек религиозный. Но оказалось, что скрыть это было невозможно, потому что в школе учились ребята из нашего города. А папу знали их родители и не только в городе, но и в области. Работая на заводе, он находил время, чтобы участвовать в традиционных обрядах. Иногда, если я была на каникулах, он брал меня с собой в те дома, где появился младенец или решили пожениться молодые. Без меня ему было бы куда свободнее и удобней, но мама требовала, потому что дома я, вероятно, мешала и надседала ей. Не

отпускала с отцом только на похороны (она не работала, но дел в доме многодетной семьи, хозяйке хватало).

Наши с папой подобные визиты независимо от их характера и назначения назывались «ходить в гости». В гостях мне перепали всякие вкусности и много внимания от взрослых. В то время как я восседала рядом с отцом, других детей до стола не допускали. Никакого спиртного на столе не полагалось, так как за этим столом должна звучать молитва.

Всюду меня принимали как дорогую гостью, но, тем не менее, я должна была вести себя скромно, ни о чём не просить, в общем, – сидеть молча. Таковы были требования папы, которого я всегда немного побаивалась.

Мы часто бывали в гостях в казахских семьях, где подавали национальное блюдо – бешбармак. Ели его руками. И вот в самый первый раз, забыв о наставлениях отца, я стала просить дать мне ложку.

– Я что тебе говорил? – строго спросил он.

Но было уже поздно. Все домочадцы бросились на поиски ложки и – нашли! Ложка была алюминиевая, изрядно погнутая. Я не успела её перехватить, как ложка оказалась в руке отца, а потом звонко приложилась к моему лбу:

– Не смей никогда и ни о чём просить в гостях, – тихо, но очень твёрдо сказал папа.

В шестидесятые годы казахи стали уезжать в Казахстан. Они трогательно прощались с папой, просили не забывать и приезжать вместе со мной.

Ещё вспомнила, как в некоторых казахских семьях мы сидели прямо на полу, то есть, конечно, на ковре. Вместо стола стелили белоснежные скатерти и полотенца на ковер. Под спины можно было подложить подушки, большие и маленькие, которых было здесь множество. Не сидеть хотелось на этом ковре с подушками, сделав ноги калачиком, а просто поваляться, покувыркаться с залихватским воплем. Ох, как надседало это замирание с

сидением на одном месте во время молитвы! Молитвы, которые папа читал, причём наизусть, казались бесконечными. Я постепенно и очень осторожно, чтобы он не заметил, начинала ёрзать. Сама поза была очень неудобной. Ноги затекали, руки мешали, потому что были свободны слишком долго.

Но утешение пришло внезапно, да ещё с неожиданной для меня стороны. Я вдруг запомнила окончание молитвы, составлявшее довольно-таки большой фрагмент. Все молитвы заканчивались одинаково. И вот, слыша знакомые сочетания слов на непонятном языке и завершающую интонацию в голосе отца, радостно шепча, подхватывала усвоенное, произнося безошибочно слово в слово, но только шёпотом. Сейчас, пожалуй, сложно определить, чему больше радовалась. Тому, что можно наконец-то подвигаться и потихоньку переговариваться с папой? Или, может быть, произнося вместе с ним слова молитвы, я незаметно для себя именно тогда приобщалась к чему-то более высокому, более значимому, нежели простая земная жизнь маленькой непоседы.

У папы был неповторимый, неописуемый дивный голос. К сожалению, никто из детей такого голоса не унаследовал. У всех был от природы неплохой слух. Все как-то пели, но... Этот голос с детства был всегда со мной. Он остался жить в записях, которые иногда удавалось сделать, под всякими предлогами уговорив отца. Конечно же, он мог стать профессиональным певцом. Мне до сих пор кажется, что ни один певец не обладал таким завораживающим тембром и, услышав однажды, его невозможно было забыть, перепутать с кем-либо, и потому-то многие знали и не забывали. Потому-то, вероятно, эта информация просочилась в школу, где я училась до Свяжска.

Наши родители очень хотели и по возможности старались, чтобы мы, опять-таки по возможности, знали нашу национальную культуру, знали родной язык, за что

я, проводившая большую часть жизни в интернате среди русских, особенно благодарна им. Они коротко, но весьма внушительно говорили с нами, когда мы дома начинали разговаривать между собой по-русски.

И вот, собрав необходимую сумму, приобрели патефон. Появились у нас и татарские пластинки. Рашид Вагапов, Гульсум Сулейманова, Зифа Басырова – эти имена были нам известны ещё в детстве благодаря родителям. Но особенно любили они и слушали с замиранием сердца, а часто и со слезами на глазах голос Габдуллы Рахимкулова – своего земляка, которого знали лично.

Тот, кто видел и помнит, что такое патефон, знает, что он не имел регулятора громкости, который нужен был нам тогда как регулятор «тихости». Итак, чтобы слушать любимые голоса, наслаждаясь их пением, но не привлекая внимание улицы и соседей, приходилось закрывать все окна и двери.

Помню, приехала к нам как-то в гости моя двоюродная сестра, окончившая университет в Казани, историко-филологический факультет. Я с восторгом слушала её речь и даже завидовала тому, как свободно и красиво говорила она по-татарски. А ещё у неё были с собой книги, которые мы вместе читали.

Не зная наших местных обычаев, однажды сестра завела патефон, поставила пластинку с проникновенным звонким голосом Габдуллы и – вероятно, от полноты чувств – настежь распахнула окно. Услышав знакомую песню, мама стремительно вбежала в комнату, где играл патефон, и испуганно закричала:

– Ты что, Мунивера! С ума сошла, что ли?! Сейчас же закрой окно!

* * *

Секретарь комсомольской организации, ничего не обещая, взял моё заявление со словами:

– Решать будет собрание. От меня здесь ничего не зависит...

Комсомольцы, оживлённо разговаривая между собой, занимали первые ряды. Я села на свободный, через свободный от них ряд ближе к выходу. Сидела одна. Никто не сел рядом со мной.

В этот день принимали несколько человек, обо всех говорили много хороших, приятных слов. Я по списку кандидатов оказалась последней. Кто-то похвалил за шефскую работу с малышами, но тут же отметил, что не участвую в общественной жизни школы. Сказали, что не учу математику и припомнили какие-то детские шалости из шестого класса. Я не оправдывалась и не возражала. Мне не задавали вопросов, даже по уставу.

Прямо передо мной через свободный ряд сидела моя близкая на тот момент подруга. Секретарь предложил последнюю кандидатуру, то есть мою, вынести на всеобщее голосование. Подруга подвигала правой рукой, приподняв её на мгновение, когда звучал вопрос:

– Кто «за?»

Остальные даже пальцем не пошевелили. Таким образом, все проголосовали «против».

– Люба, кажется, ты голосовала за то, чтобы Киру принять в ряды комсомольцев? – спросил секретарь, хитро улыбаясь.

Все зашептались, а Люба разволновалась и испуганно выкрикнула:

– Я не госоловала! Не госоловала...

Но на сей раз её плаксивый выкрик утонул в море множества галдящих голосов, сопровождаемый зловещим хохотом и свистом.

Глава двадцать первая

Сарафанное радио. Представление.

Провал или - успех?

Проходя мимо шестого класса, я услышала стихотворение Джалиля «Воля». У девочки был надтреснутый и очень громкий голос, а Раиса Петровна подсказывала ей через каждую строчку, всё время повторяя:

– Ну, вспоминай! Ты же читала его в прошлом году! Что такое в самом-то деле!

– Я забыла! Да ещё, помните, вы же стояли за занавеской и шептали мне!.. – ничуть не смущаясь, отвечала Лиля Шарипова.

«Итак, кажется, мне уже нашли замену», – с горечью подумала я. Прощай, Питер!

В классе было непривычно тихо. Все делали вид, будто что-то читают или пишут. Некоторые шёпотом переговаривались, так, ни о чём.

– Что-то долго нет Раисы Петровны, – сказала Ася, ни к кому не обращаясь.

– Придёт! Никуда не денется, – ответил ты за всех.

– А я знаю, где она, – с вызовом сказала я, но в ответ было молчание.

Похоже, знали и другие.

– Так, собрались, – недовольной скороговоркой заметила входившая воспитательница. Затем, сразу набросилась на меня:

– Ну, что у тебя с обувью, Кира?

– Ничего, – ответила я.

И тут она стала кричать:

– Ничего, да?! Я уже не знаю, как с тобой говорить и что, собственно, делать! Завтра выступать, а она не знает, что у неё с обувью! В чём она будет выступать! Ты хотя

бы понимаешь, что подводишь коллектив?! Или тебе всё равно?!

Я понимала, что Раиса Петровна раздражалась из-за того, что уж Лиля-то точно не могла заменить меня. А заменить было необходимо, потому что со мной, видимо, вопрос был решён окончательно: Питер мне не светит. Кроме того, стихотворение Джалиля «Цветы» было более выразительно по форме и содержанию и больше подходило для выступления. Тем более на питерской сцене.

– Репетировать будем, Раиса Петровна? – вдруг строго спросил ты. И, не дожидаясь ответа, продолжил, – или поговорим про Киру? Обсудим её поведение? Выясним, почему у неё такой маленький размер обуви и почему её не берут в Питер?

– Что такое, Крутов?! Откуда ты это знаешь?! Кто тебе сказал?! – перекинулась на тебя воспитательница.

И ты, как всегда, усмехнувшись, направил разговор в другое русло:

– Понимаете, Раиса Петровна, есть такое примитивное устройство, благодаря которому можно о многом узнать. Даже о том, что вроде бы тебя и не касается.

– Что?.. Что такое ты несёшь, Крутов? – Раиса Петровна как будто несколько запаниковала.

Первой засмеялась Света, и кое-кто тут же поддержал. А ты невозмутимо продолжил:

– Устройство это называется «сарафанное радио». Знаете, такое лёгкое, удобное. Главное, оно всегда при тебе. Причём, абсолютно бесплатно можно получить любую информацию.

– Замолчи, Крутов! Надоел всем уже со своими дурацкими разговорами! – закричала Раиса Петровна.

– Кира, я тебе ещё не надоел? – артистично вздохнув, спросил ты.

Я промолчала.

– Вот видите, Кире не надоел, – молчание – знак согласия. Значит, надоел не всем.

– Ну, ладно вам! Хватит уже болтать! Давайте, в конце концов, заниматься делом! – перешла на миролюбивый тон Раиса Петровна, несколько успокоившись.

– Мы не возражаем, но можно одно уточнение?

Раиса Петровна попыталась урезонить тебя, но ты не уступал:

– Благодарю вас за столь высокую оценку моего интеллекта, однако... Скажите, пожалуйста, почему Кира не может ехать в Питер?

– Да, пойми же ты, Крутов, что я ничего не решаю!

– Простите, кто, если не вы, должен что-то предпринять? В конце-то концов вы же с нами работаете!

– Это бессмысленный разговор. От меня ни-че-го-шеньки не зависит, – устало сказала Раиса Петровна и ещё раз предложила «заняться делом».

Перед поездкой к тётё Рае папа купил мне туфли – на каблучках! Каблучок, конечно, был невысокий, сантиметра четыре всего, но всё равно туфли мне очень понравились: такие лёгкие, изящные! Не устраивал только синий цвет, но другого не было. Новые туфельки я берегла для новой школы, о чём отец не догадывался. Когда он предлагал мне пойти в них к кому-нибудь из родственников, я начинала ныть: их, мол, надо ещё разносить, потому что устают ноги, и в старых мне удобней ходить. Тётя Рая была на моей стороне:

– Ну, какая разница, в чём ходить по нашей Шаймурзе? Только испачкает.

– Да, она же сама захотела их взять. Сама и в чемодан затолкала, а мою тубетейку выложила, – не уступал папа.

Тётя Рая не сдавалась:

– У тебя, видимо, слишком много денег. Радовался бы, что дочка такая бережливая.

– Папа, а зачем тебе здесь понадобились две тубетейки? – злорадно спрашивала я, чувствуя поддержку тётти.

После этого я преспокойно шла в гости в старых башмаках, воображая, как буду вытанцовывать в новеньких туфельках на вечерах в новой школе с мальчишками, теряющими из-за меня голову. Но, увы! Мои новые туфли за осень неузнаваемо состарились: узенькие носочки облезли, а каблуки стёрлись до основания. В этих туфлях не стоило разгуливать по бездорожью, по каменистому острову. Но случилось, как случилось, и мне стало всё равно.

В дверь постучали, и в наш класс заглянула воспитательница малышей Галя Саматовна:

– Раиса Петровна, я вот тут...

Раиса Петровна прервала её:

– Кира, это за тобой!

– За Кирой пришли! – торжественно объявил ты.

Я вышла, и Галя Саматовна торопливо схватила меня за руку:

– Скорей, Кира! Пойдём!

– Что-то с Лёлей случилось? – беспокойно спросила я.

– Да, какая там Лёля! Туфли будем мерить! – усмехнулась воспитательница.

– Купила дочке в Казани... а ей маловаты. Если подойдут, мы тебе подарим!

– Да, что вы! Так нельзя, – растерялась я.

– Можно! Можно! – весело пропела Галя Саматовна.

Мы вошли в пустой класс, и я разулась. Туфли оказались очень симпатичные. Правда, почти без каблука, но лёгкие, узконосые, и... всё-таки на целый размер больше.

– Ничего страшного! Я и ватки прихватила! Ты же растёшь! И ножки вырастут! – разом всё решила воспитательница.

Она положила туфли в коробку, и я направилась в класс.

– Ну, как? – спросила Раиса Петровна.

Мне было неловко говорить, как было на самом деле, ведь туфли подарили. И потому я ответила неопределённо:

– Да так. В общем, нормально.

– После обеда, ребята, – последняя репетиция.

Пожалуйста, все переоденьтесь! У всех всё должно быть готово!

– Репетируем на сцене? – спросила Ася.

– Ася, ты о чём думаешь? Никогда и ничего не слышишь!

– Она слышит только сонату Бетховена, – пошутил Ваня.

– А сама как ты думаешь, если последняя репетиция?

– А что? Так трудно ответить? – огрызнулась Ася.

Я запрещала себе думать о Питере, но мысли сами лезли в голову. Репетиция прошла нормально, но это ещё ни о чём не говорило. Я почти не спала всю ночь. А, если засыпала на какое-то время, снился сон, будто опаздываю на поезд. В моих ушах всё настойчивее звучал надтреснутый голос Лили Шариповой. Надо как-то от этого отвязаться!

Но как?!

В зале было шумно и жарко. Шумели дети, шумели воспитатели и педагоги. Малышей пытались вывести из зала, но не тут-то было. Они хныкали и упирались.

То ли так казалось от волнения, то ли на самом деле: на сцене было тесновато, не хватало всем места. Стол, на котором стояла пишущая машинка и за которым я должна была восседать с самого начала, был слишком громоздким. Раиса Петровна предложила его заменить, пока собираются зрители. Она обратилась к старшим ребятам, среди них был Шталь.

– Не потащу я для неё стол! Мне всё равно, пусть хоть на полу сидит со своей дурацкой машинкой! – сердито заявил он, показывая на меня.

– Да, сами заменим, – Вадим подошёл к столу.

– Ни в коем случае! Выступающие никуда не отлучаются! Ищи вас потом по всей школе, – остановила его Раиса Петровна.

– Кира, за что тебя не любит так Шталь? – спросил ты, смеясь.

– Зато его любит Кузя, – с издёвкой заметила Ася.

– Так, настраивайтесь, уважаемые артисты! Покажите, на что способны, – сказал Эмиль Закирович, поднимаясь на сцену.

Поднялся к нам директор, чтобы поздравить с предстоящей премьерой, пожелать удачи и попросить зрителей поддержать аплодисментами. Все громко и разом захлопали, и несколько голосов тут же закричали:

– Просим! Просим!

– Я не пойду! Я хочу здесь сидеть! Я хочу смотреть Киру!

Это был голос Лёли, которая всхлипывала громко и сопротивлялась. Выгоняла Марина:

– Вот сейчас ты у меня получишь и сама убежишь отсюда! Надседа уже!

Надо было как-то защитить малышку, но со сцены уходить уже нельзя. Я разволновалась. Заметив это, Вадим быстро спустился в зал и подошёл к Марине:

– Не трогай, пусть сидит. Она не будет мешать.

Но Марина всё же успела отвесить девочке крепкую затрещину, и Лёля так громко расплакалась, что я не выдержала:

– Раиса Петровна, пожалуйста, скажите Марине! Ну, кто ей позволил бить малышкой?! Сколько можно!

– Марина, немедленно покинь зал, и жди меня возле моего кабинета! – громко потребовал Эмиль Закирович.

– Пожалуйста! Была охота смотреть, как ломается эта артистка из погорелого театра! Носятся все здесь с этой принцессой! Кира! Кира! – Марина изо всей силы хлопнула дверью.

А возле Лёли уже сидела Флора и ласково утешала её. А рядом с Флорой сидел – и к этому тоже, наконец, все привыкли – влюблённый в неё Женя Вагапов.

Занавес открыли, и зал сразу угомонился. В полной тишине я начала тарабанить по клавишам «дурацкой» машинки. Чтобы моя работа выглядела более правдоподобно, намеренно сбивалась с ритма, при этом напевая «Колокольчики мои, цветики степные...» На репетициях звучала «Бригантина» в моём исполнении, пока кто-то из ребят ни заметил, что «Бригантины» тогда ещё не было. Между прочим, и за этот поэтический шедевр я пострадала от учительницы литературы. Она, каким-то образом, узнала, что не только песни Есенина, но и «Бригантину» привезла «новенькая». Но, то ли наша Каменева была глуховата, то ли у неё были пробелы в знании предметов, которые сама же и вела, ей показалось, что мы поём вместо «...Люди флинта песенку поют» – «...Люди флирта».

Ася предлагала петь романс на стихи Пушкина «Я вас любил». А ты сказал:

– Она ещё не доросла! Пусть поёт «Жили у бабуси два весёлых гуся».

Я разозлилась:

– Буду петь то, что захочу! Понятно тебе, Крутов?

Ваня засмеялся:

– Кира, а я слышал, как ты с малышами разучивала хоровод и пела с ними:

*Ходит Ваня, ходит Ваня,
ходит по кружочку, ходит по кружочку.
Ищет Ваня, ищет Ваня
для себя дружочка, для себя дружочка!*

Пение Вани, у которого не было музыкального слуха, всех так рассмешило, что даже Ася не удержалась:

– Ванечка, почему ты не посещаешь школьный хор?!
Безобразие!

Внезапно, перестав смеяться, она же сурово приказала:

– Прекратите! Кира будет петь то, что захочет!
Костя попробовал предложить что-то из Есенина, но Нина ответила ему за меня:

– И тогда Каменева попросит срочно собрать педсовет...

Но вернусь к нашему представлению.

– Для кого поёте? На кого работаете, пани Гулевич? – заигрывающим тоном спросил ты, подходя к столу.

Я отвечала кокетливо посмеиваясь. Несколько минут продолжался наш диалог такого рода. Удивительно, никто не ошибался, не путал слова... Все участники пьесы перевоплотились, вошли в роль. Прямо, как настоящие артисты! Временами наше выступление прерывалось бурными аплодисментами, которые сопровождали одобрителльные возгласы. Иногда слышался дружный смех зрителей. Всех рассмешила Ася. Она шепелявила и посвистывала, как древняя старушка, которая сердится на всех без разбора. А я всё больше восторгалась игрой Вадима. В пьесе была маленькая роль у Кати Зотовой. Она несколько раз выбегала на сцену и громко выкрикивала, обращаясь к нему:

– Дяденька, а где моя мама?!

Вероятно, её мама, по замыслу автора, работала здесь же. А Вадим, не поворачиваясь к ней, перекладывая поленья возле печки, крихтя, отвечал Кате, смешно и каждый раз по-разному. Например:

– Твоя мама пошла на базар. Сейчас купит козу и придёт.

Или:

– Твою маму звать – дядя Петя. А дядя Петя – это я.

Катя звонко хохотала и быстро убегала за кулисы, а зал аплодировал.

В общем, всё шло как по маслу. Развязка приближалась. В последней сцене ты злобно обвинял меня в предательстве, резко и отрывисто проговаривая каждую фразу:

– Ты предала не только интересы революции! Предала товарищей по партии! Ты растоптала, предала мою любовь! У тебя больше нет права на жизнь!

При последних словах ты вынимал револьвер и, наставляя его на меня, говорил:

– Прощения не жди! Это конец!

Каменева требовала слово «любовь» заменить на «дружбу», на что ты ответил во время последней репетиции:

– Дана Вячеславовна, а вы нам не объясняли, чем любовь отличается от дружбы?

– Начинается! – недовольно буркнула она, и «любовь» в очередной раз осталась на своём законном месте.

Фразу «Это конец!» придумал Вартанов, чтобы Вася вовремя включился в свою роль и треснул по барабану, после чего я должна упасть, закричав от боли что-то вроде «ой!» или «ах!»

И вот, когда ты выносил мне смертный приговор, а я изображала ужас и страх, стоя перед тобой, из зала послышался громкий плач Лёли.

– Не надо убивать Киру! Не надо! – кричала она.

На неё зашикали зрители, а Лёля не умолкала и рвалась на сцену – спасти меня. Её успокоили буквально через минуту, но ... В это время на сцене произошло какое-то смятение. Все несколько подрастерялись. А я вообще забыла, что со мной, где нахожусь и зачем. Раздался выстрел, и тут я сама, не узнавая своего голоса, закричала:

– Ты что, Крутов! Ты с ума сошёл?! Я ни в чём не виновата!

– Кира, падай! Кира, слышишь? Молчи! Падай немедленно! – шипела изо всех сил желая быть услышанной, за кулисами Раиса Петровна.

Но я продолжала стоять как столб. Ты решил помочь и, давая мне время опомниться, стал орать всё то, что приходило на ум в этот момент:

– Виновата! Перед партией виновата! Ты – предала! Я должен убить тебя именем революции!

Ты нес что-то ещё в таком духе, а за кулисами слышался громкий шёпот Васи:

– Раиса Петровна, мне что делать? Долбануть ещё разок? Или подождать?

– Ой, не знаю! Ладно, долбани! – в отчаянии шепнула Раиса Петровна.

Вася «долбанул». Снова слышался, уже сердитый, голос воспитательницы:

– Кира, падай!

Я упала, хватаясь за стол, на котором стояла пишущая машинка. И зал взорвался. Аплодировали так громко и долго, что зрители, скорее всего, не услышали твои последние слова. Ты сел на стул, закрыл лицо руками, очень естественно произнёс:

– Что я наделал?! Что я наделал?!

Потом на сцене появился рабочий (наш Вадим), и ты тихо попросил:

– Пожалуйста... Пётр! Унеси! Я не могу это больше видеть!

Вадим легко поднял несчастную «предательницу» и отнёс за кулисы. Раиса Петровна обрушилась на меня с неудержимой злостью:

– Это провал! Полный провал! И всё из-за тебя! Хоть бы постыдилась! Нашла место для объяснения с Крутовым!

Я сидела на полу и вытирала слёзы подолом. Вдруг Вася стал защищать меня:

– Раиса Петровна, Кира играла всех лучше! У неё самая трудная роль. Думаете, это приятно, когда тебя убивают? Она же и вправду могла сейчас умереть!

Слова Васи в очередной раз всех артистов развеселили. Даже Раиса Петровна заулыбалась. А Ася заметила:

– Отчего умереть, Василёк? Из-за твоего барабана, что ли?

– Всё! Кира поднимайся! Ну, хватит уже! Собрались! Выходим на поклон! Не забыли, кто и где должен стоять?

– Помним: Кира – рядом с убийцами! – продолжал философствовать наш барабанщик.

Взволнованные и счастливые, мы стояли на сцене. Мы кланялись, не отпуская друг друга, как требовала наша «постановщица». За сценой звучал «Интернационал».

Алексей Фёдорович подошёл к сцене с Лёлей. Поднял и поставил её прямо передо мной. Она держала в руке букетик из ярких бумажных цветов. Да, всё так. Где же здесь, на нашем забытом всеми богами острове, найдёшь живые цветы? Причём в это время!

– Лёлечка, а мне цветочки? – спросил ты, наклоняясь к девочке.

– Ты – плохой! – сердито ответила Лёля и, легко спрыгнув со сцены, побежала в зал.

Мы тоже собрались уходить, но нас остановил голос фотографа:

– Всем стоять на месте и улыбаться!

– Нет! Они должны, как в пьесе, петь «Интернационал», – возразила фотографу Раиса Петровна.

Юные актёры и Интернационал

– Да, ладно! – нехотя согласился он, отлично понимая, что вместо улыбок придётся снимать открытые в едином революционном порыве рты.

– А Василёк испарился! – сообщила Ася.

– Да, пусть с ним! Он уже своё отбарабанил! – сказала Раиса Петровна.

Фотография эта лишь одну ночь провела на школьном стенде. Думали-гадали все, куда она могла исчезнуть? И только я знала точно «куда», потому что памятное фото оказалось в моей драгоценной «Шкатулке откровений»...

Глава двадцать вторая

Плач Вячеславны.

Ещё о комсомоле. Посещение больного.

В своей парте я обнаружила плитку шоколада «Алёнка».

– Ты? – спросила я, показывая Вадиму.

– Нет, не я. Я – твой должник.

– Анна Николаевна? Да?

– Снова не угадала. Давай дальше! Кто следующий?

– Какая разница, – уже раздражаясь, ответила я.

– Алексей Фёдорович, – вздохнув, тихо сказал Вадим.

Чувствуя, что краснею, пытаюсь изобразить безразличие, я возмутилась:

– Ну и что! Что тут такого?

И услышала:

– Ничего... Так. Знак внимания, так сказать. Не сердись. Всё нормально!

Последние слова Вадима прозвучали неестественно бодро.

– Света, а где Стас? – спросила я.

– Ты хотела узнать, где Крутов? – прошептал Вадим.

– Не хами! – сердито прошипела я.

– Не знаю. И Аси нет. И Крутова. Странно, куда все подевались. Уже звонок был на урок, – сказала Света.

– Был давно, – подтвердил Серёжа.

– Химия. Анна Николаевна задерживается, – коротко прокомментировал Ваня.

Но дверь распахнулась, и Анна Николаевна стремительно вошла:

– Кира, быстренько к директору! Эмиль Закирович ждёт!

В коридоре меня встретил Алексей Фёдорович:

– На ковёр? – улыбаясь, спросил он.

– Да, к директору. Спасибо вам. А вы не знаете, зачем вызывают? – осторожно поинтересовалась я.

– Знаю. Не волнуйся и не спорь. Всё выслушай.

Хорошо?

– Слушаюсь!

– Я подойду чуть позже, – Алексей Фёдорович быстро пошёл в обратную сторону.

Оказавшись у кабинета директора, я услышала громкие рыдания. На мой стук ответил голос Эмиля Закировича:

– Входи, Кира!

– Иди сюда, садись, – позвал меня Стас.

Я села на свободный стул возле него. А Марина продолжала рыдать:

– Ну, пожалуйста, Эмиль Закирович! Простите в последний раз! Не выгоняйте меня! Я всё поняла!

– Ты отлично знаешь, что я взял тебя на работу по просьбе твоей сестры! И все это знают! Вот здесь, у меня в кабинете, ты перед Даной Вячеславовной клялась, что будешь поступать учиться дальше! А что на деле? Пошёл третий год! Ни черта не делаешь и каждое лето катаешься на юга!

Голос директора гремел. А я тихонько толкнула Стаса:

– Стас, а причём здесь Каменева?

– Как причём? Не знаешь, что ли? Она же родная сестра Марины, – прошептал он.

– И что тебе сделала Кира? Почему ты постоянно её задеваешь?

– Эмиль Закирович, я же с ней шутила! Она шуток не понимает! Давайте, пожалуйста, я ведь уже предлагала, примем её в комсомол! Кира хорошо учится, общественница, и много времени проводит с малышами...

– ...Которых ты почему-то нещадно лупишь! – добавил директор.

– Ну, неправда! Я только один раз! – продолжала, хлюпя, голосить Марина.

Слыша из её уст такую характеристику в свой адрес, я не верила своим ушам. А она вдруг набросилась на Стаса:

– Ты же комсорг! Сколько раз я тебе говорила, что надо Киру принять! А ты?!

– Я ничего не имею против. Мы и устав уже несколько раз повторили с ней. Только ты, Марина, сейчас лжёшь, потому что всегда возражала. – Стас говорил всё это совершенно невозмутимо, спокойно.

Я же в этот момент испытывала невероятный шок. Что происходит? Какой устав? Я не знаю из него ни единого слова! А вдруг сейчас что-то спросят?!

– Это несправедливо, Стас! Я правду говорю, а ты злишься из-за того, что я подгоняла тебя! Кира должна поехать в Ленинград и защищать честь нашей школы! Эмиль Закирович, пожалуйста, давайте не будем тянуть!

Марина заёрзала на стуле и внезапно перестала рыдать, громко высморкалась.

– Всем здравствуйте, – поздоровался, входя в кабинет, Алексей Фёдорович.

На его приветствие ответил директор. И тут же спросил:

– Алексей Фёдорович, а вы не возражаете относительно приёма Киры в комсомол? Устав она знает. Стас за неё ручается. От Кости есть рекомендация. Марина предлагает приём ускорить, чтобы Кира могла спокойно готовиться к поездке. Что будем делать?

– Да, что тут ещё делать?! Конечно, принимать, – перебила Марина директора.

– Я согласен. Тем более, что к согласию пришли и комсорг, и пионервожатая, – сдержанно ответил Алексей Фёдорович.

– Стас, ты всё подготовил? – спросил директор.

– Да, конечно!

Стас взял мою руку и вложил в неё маленькую книжечку.

– Значок сама пристегнёшь? А то вдруг испорчу твоё красивое платье! – он натянуто засмеялся.

– Или вдруг уколешь, – заботливо заметила Марина.
Директор усмехнулся. Затем обратился ко мне:
– Кирочка, поздравляем тебя! Давай, не подкачай!
Будем болеть за тебя. Готовься!

Я едва сдерживала радость. Поеду! Поеду в Питер!
Ура!

Зазвенел звонок с урока.

– Марина, ты должна извиниться перед Кирой и навсегда прекратить свои выходки, – сказал Эмиль Закирович.

– Но вы же опередили меня! Я только хотела поздравить и попросить прощения! И у вас тоже! – кажется, Марина приготовилась снова зарыдать.

– Оставляю тебя до первого замечания! Слово даю при всех! Если подобное повторится, не надейся! И сестра не поможет! Ясно? – твёрдо произнёс директор.

– Обещаю! Честное слово! И ты, Кира... – Марина заискивающе взглянула на меня.

– Да, ладно, прсехали! – ответила я, счастливая оттого, что впереди поездка в Питер, и потому, что, кажется, обошлось даже с уставом. Ни за что бы не подумала, что Стас умеет так виртуозно врать.

В коридоре он потянул меня за руку:

– Послушай, Кира! Мне надо кое-что тебе сказать.
Отойдём.

– Кира! Стас! Куда это вы, друзья мои, направились? Не опаздывайте! Второй урок – химия! Вместо литературы, – сообщила Анна Николаевна, когда мы завернули за угол.

– Вместо литературы, потому что Каменева будет песочить непутёвую сестричку! – догадался Стас. Потом заговорил, и голос его выдал некоторый испуг и тревогу, – Я должен тебе сказать... В общем, попросить: никто не должен знать о том, что сейчас было. Понимаешь?
– А как же те, при ком это всё было?

– Ну, Кира! Все же присутствовавшие знают, почему так. Может быть, кроме Алексея Фёдоровича.

– А как же Марина? Она по-твоему будет молчать?

– Уверен! Ведь директор вначале заставил её написать заявление. Она стала писать и выть. Сама же видела. В общем, Марина не захочет терять работу. Он щадил её из-за Каменевой. У той же никого нет кроме Марины. И замужем она не была. Наш класс, конечно, знает, потому что мы сами ходили к директору и просили за тебя. Ну, не все. В общем, делегация. Крутов организовал Раиса Петровна не знает об этом. Понимаешь?

– Понимаю. И всё же... Марине не верю.

– Ерунда! Я же знаю её. Просто она злится на тебя из-за Крутова.

– Стас... Ты... В общем, извини, хотела узнать у тебя, где он? Его не было на первом уроке, – спросила я, преодолевая ужасную неловкость.

Никогда и ни с кем не хотела я говорить о тебе, произносить твоё имя.

– Кто? Крутов, что ли? Да, ты так и говори! – Стас коротко хохотнул – Крутов немножко приболел. Лежит в спальне, о чём-то кашляет. На завтрак не пошёл. Я притащил ему всё, а он от каши отказался. Слопал бутерброд да чайку попил. Ты, Кира, за него не волнуйся!

– А я и не волнуюсь несколько! Пусть болеет, сколько влезет! Больно нужно волноваться!

– Так! Не распайся! Остановись! Идём на урок.

– Идём, идём! А то ещё Света заревнует! – сказала я и стала подниматься на второй этаж.

Я не слушала, о чём рассказывает Анна Николаевна. Она задала какой-то вопрос, вызвала Серёжу. Мне нужно было уйти с её урока во что бы то ни стало. Анна Николаевна отпустит и ни о чём не станет спрашивать. И вот я решилась и каким-то чужим голосом сказала:

– Анна Николаевна, можно мне уйти до конца вашего урока? Я не опоздаю на следующий, честное слово.

– Иди, – тихо разрешила она, как будто мы были одни.
– Передай ему привет, – зло прошептал Вадим, пропуская меня.

Чтобы попасть в спальню мальчишек, надо было пройти через двор. Конечно, на подобные визиты в нашей школе был категорический запрет, и, конечно же, его постоянно нарушали: и та, и другая сторона, особенно, если кто-то заболел. Таким образом, я тоже решила навестить тебя как больного, да ещё поблагодарить за ходатайство перед директором. Рисковала ли при этом репутацией? Безусловно.

На мой стук в дверь спальни я услышала позволение войти, произнесённое слабым больным голосом. Возле твоей кровати стоял стул. Я молча села.

– Привет... Спасибо, что пришла, – тем же голосом, который я услышала за дверью, говорил ты.

Не зная, как продолжить разговор, я спросила:

– Болеешь?

– Очень! – сказал ты и вдруг весело засмеялся, схватив мою руку.

Твоя рука была горячей. Или показалось мне потому, что во дворе холодно, и пока я шла, у меня самой руки без перчаток замёрзли.

– Крутов, у тебя температура!

– Да! И заметь, она повышается с каждым днём! И знаешь, почему?

Я почувствовала какой-то подвох и промолчала.

– Ну, говори, знаешь или нет? Ладно, я скажу. Она повышается с каждым днём, потому что приближается день нашей разлуки. Ты же едешь, да?

– Да, еду... Спасибо тебе, – краснея, ответила я.

– За что спасибо?

– Как это – за что? Ну, ты же ходил к директору... Ты же организовал...

– Да ты что? Никуда я не ходил! Я – больной! Может быть, умираю! Ты не хочешь поцеловать меня на

прощанье?

– Нет! – резко ответила я и попыталась освободить руку.

Ты не отпускал. И опять заговорил, и интонации твоего голоса внезапно изменились. Снова! Снова эта невыносимая нежность в голосе:

– Кира, на секунду наклонись, пожалуйста, я хочу тебе кое-что сказать по секрету...

Ни о чём не думая, я наклонилась к тебе, и ты, отпустив мою руку, обнял меня и стал целовать волосы, потом губы. И странно, я не противилась, мне расхотелось ссориться, вырываться... Я забыла обо всём на свете. Забыла про урок.

Но дверь спальни распахнулась, влетела Раиса Петровна и заорала так, что зазвенело в ушах. Она стыдила меня, говорила какие-то гадости, напомнила про пьесу, упрекая за «провал». Выкрикивая беспорядочные фразы, она в такт барабанила рукой по твоей кровати.

– Ну, Раиса Петровна, хватит долбить мою кровать. Сломаете же её или... руку свою сломаете.

– Молчи! – закричала она.

И в это время в спальню зашёл Вадим:

– Что случилось? – спросил он, будто удивляясь.

– Всем напишу плохие характеристики! И в первую очередь вот ей! Обнаглела совсем!

«Да, труды режиссёра в лице нашей воспитательницы не пропали даром», – подумала я, потому что в следующую минуту Вадим, как ни в чём не бывало, заговорил примиряющим тоном:

– Ну, Раиса Петровна, в таком случае, виноват во всём я, потому что попросил, чтобы Кира отнесла задание Крутову по химии. Я хотел сам, но меня задержала Анна Николаевна. И вообще, вы же сами всегда учили, что надо быть внимательными, особенно, к заболевшим друзьям. Не понимаю, что такого сделала Кира?

– А целоваться тоже я вас учила, да?! – продолжала кричать воспитательница.

– В самом деле, а почему вы нас этому не учите? – простодушно спросил Вадим, и вы оба расхохотались. Наша воспитательница выскочила, хлопнув дверью. Немного помолчав, Вадим сказал:
– Кира, звонок на перемену уже был. Я подожду тебя в коридоре.

Он вышел и плотно закрыл за собой дверь.

– Вадька – какой молодец! А ты... Спасибо тебе за то, что пришла. Я так этого хотел... Ждал. Даже на обман решился. Прости. Подумал уже, что не придёшь. Хотел идти в класс. Простишь? – спросил ты в конце своего короткого монолога.

– Значит, ты не болеешь, – растерянно сказала я.

И ты радостно воскликнул:

– Нет! Нисколько! Ладно, иди! А то как-то нехорошо получается: Вадька ждёт. Да, и вот ещё что... Не хочется об этом, но боюсь, совесть не даст спокойно спать. В общем, благодарить надо Алексея Фёдоровича. А моя роль во всём этом очень второстепенная. В общем, не благодарить, конечно, его, а просто – быть благодарной ему. Как ты думаешь, есть разница?

– Но ты же ходил с ребятами к директору?

– После того как решил посоветоваться с Алексеем Фёдоровичем. Мы решили не распространяться. Ходили вчетвером: Вадим, Стас, Костя и я... Иди, а то на урок опоздаете.

Глава двадцать третья

Утренние признания.

Сюрприз от завуча. Новое платье!!!

Чувство тревоги постепенно уходило. Я снова репетировала «Цветы», но теперь уже больше самостоятельно. Как-то послушал Вартанов, сделал несколько замечаний. Пришлось учесть. Они были весьма существенны, и я очень старалась.

Наш вокальный ансамбль тоже репетировал, да ещё не по разу в день. И как прежде Свете казалось, что я пою слишком громко, а Ася как и раньше была уверена, что без меня ничего не получится.

Я решила написать письмо родителям, поделиться своей радостью, для чего встала рано и пришла в школу. Письмо не писалось. Представлялся Питер, встреча с подругой детства. А ещё я думала, что будут экскурсии. Много экскурсий. О том, что дней мало, не думала.

В школе стояла такая тишина из-за раннего утра, как будто это и не школа вовсе. Но вдруг открылась дверь, и в классе шумно появился ты.

– Ты что это сбежала раньше подъёма? Вадька свидание назначил, а сам не явился?

Ты ждал моей реакции, а я едва удерживалась, чтобы не начать дерзить тебе, как обычно. Но, как обычно, нельзя. Ведь и тебе я должна быть благодарна за предстоящую поездку и, вероятно, даже в первую очередь, – тебе.

– Я не сбежала. Хотела написать письмо родителям, но что-то не могу начать.

– А разве Вадим отказывается оповещать твоих предков о твоём житье-бытьё?

– Слушай, Крутов! Ну, сколько можно задевать меня из-за каждой мелочи? – не выдержала я.

– Я лишь хотел тебе сообщить, что во время подъёма пришла завуч, искала тебя. Даже у меня спросила. Я сказал, что ты с Вадимом где-то гуляешь с утра пораньше. А то ведь он не переживёт разлуку!

– А про Вадима ты сейчас наврал, потому что не говорил такого Анне Николаевне! – заметила я вполне благодушно.

– Правильно, я такого не говорил. Молодец! Правильно всё понимаешь! И вот что... Постарайся всё же держаться подальше от Алексея Фёдоровича. В противном случае наша Раиска или его подставит, если не посадит, или – тебе характеристику испоганит.

– За что посадит? – испугалась я.

– Ага! Значит, твоя собственная характеристика тебя не волнует!

– Я в самом деле не понимаю. Что он сделал ей плохого?

– Как это что сделал? Не хочет на ней жениться! Любит одну девочку и не знает, что делать со своей любовью, бедолага. Да, по закону девочку ещё любить запрещается! Ты слышала про такие законы?

– Но, ведь Раиса Петровна – старая для него.

Ты захохотал:

– Она не старая, а просто старше, лет эдак на десяток! Я ужаснулась.

– Да, ладно тебе за них-то страдать! Пойдём на завтрак. Всё равно письма не будет. Тем более что мы с тобой дежурные, кажется, и нам предстоит мыть вместе посудку!

– А можно я за себя Вадима попрошу?

– Ну уж нет! Я не могу пренебрегать такой возможностью! Мы будем трудиться на благо школы вместе, а Вадька пусть пострадает немножко. Ему полезно.

В столовой ко мне подошла Анна Николаевна:

– У меня сейчас окошечко, и я отпросила тебя с географии. Нужно поговорить.

– Ой, Анна Николаевна, а я дежурю здесь, – ответила я сразу.

– Ничего. Вадик подежурит.

– Подежурю, конечно, – живо отозвался Вадим.

В кабинете завуча было всегда по-домашнему уютно. Его украшали картины самой Анны Николаевны, написанные маслом. Стояли вдоль стены небольшие мягкие кресла. И только стол был массивный. Кажется, именно этот стол тогда стоял на сцене, и его пришлось заменить.

– Догадываешься, о чём я хочу с тобой поговорить? – спросила она.

– Кажется, да. Но точно не знаю. Наверное, про Алексея Фёдоровича что-нибудь.

– Да ну, что ты такое говоришь?! Вовсе даже нет. Кстати, он работает последний год. Решил нас покинуть...

– Я знаю, – это признание вырвалось у меня случайно, но Анна Николаевна как будто не заметила.

– Я вот что хотела... Хотела спросить. Твоё платье, которое ты превратила в костюм Ночи... Кто его сшил?

– Мама.

– Она – швея?

– Нет. Как-то сама научилась. Одежду старших перешивала младшим. Семья разрасталась, а работал только папа. Конечно, потом уже и старшая сестра, и брат. А вообще-то, она очень изобретательная. Всякие фасоны придумывает сама.

– Платье ты, видно, хорошо поносила, но оно на тебе смотрелось великолепно. А в Ленинграде в чём собираешься выступить?

– Ну, Раиса Петровна сказала, что все должны быть в школьных формах.

– Ладно, допустим, что в ансамбле можно и так. Но ты же читаешь, будешь на сцене одна. Ты должна не только хорошо выступить, но и выглядеть, как принцесса.

– А как это? У меня же то платье уже совсем старе- престарсе, – растерянно-стыдливо промямлила я.

– Да я ведь о том же, – неловко и застенчиво улыбаясь, заговорила Анна Николаевна. И, немного помолчав, она продолжила, – Туфельки, в которых ты играла в пьесе, мне понравились. А я решила подарить тебе нарядное платье. Фасон решила сохранить тот же, что у твоего.

Чувствую, как запылало моё лицо. Интересно, а она знает, как появились новые туфли? Знает, конечно.

К тому времени я довольно близко познакомилась с нашим завучем. Она не просто писала картины, которые раздаривала, а, как говорят, вкладывала в них душу. Она была интеллигентной, очень деликатной и обладала, надо полагать, богатейшим внутренним миром. Уходя, такие люди уносят этот мир с собой, потому что часто бывают одиноки. Одиноки, если даже рядом есть кто-то. Какие-нибудь родственники. Говорили в школе, будто Анна Николаевна посещает монастырь и жертвует на его содержание ежемесячно из своей зарплаты. Но точно никто не знал, потому и считалось, что всё это слухи. Но, если бы даже знали, о таком не принято было говорить. А ещё рассказывали, что в праздничные дни, особенно на Пасху, тихие монашенки подходили к школе, желая угостить детей. Воспитатели не обижали и не гнали их, как это случается, но не разрешали брать у них гостинцы. А если кто-то из детей всё же не подчинялся, они отбирали угощения и выбрасывали.

– О чём задумалась? Ты, Кира, не стесняйся. Понимаешь?.. Ну, как тебе объяснить?.. Я привязалась к тебе и хочу, чтобы в Ленинграде ты выступила успешно. Ты – талантливая. И вот уедешь... Мне жаль... Что ж, пусть хотя бы останется память о нашей школе, о нас... Обо мне, может быть.

– Анна Николаевна, я ни за что бы не уехала отсюда! Мне кажется, что попала сюда неспроста, что ли? Знаете, мне здесь настолько же хорошо, насколько и плохо. Разве так может быть?

– Может быть всяксе, – она решила прервать мои рассуждения и продолжить разговор о платье, – Когда-то, когда я была ещё совсем молодой, решила сшить себе нарядную блузку. Купила роскошную ткань. А вот для юбки никак не могла ничего подобрать. Оказывается, эта замечательная ткань ждала тебя. В общем, я всё сделала, но нужно посмотреть длину. Буду рада, если тебе подойдёт, и ещё больше рада, если понравится. Ткань эта называется «парча».

– Ой! – вскрикнула я, а Анна Николаевна зашуршала, разворачивая бумажный свёрток. – Я никогда не видела парчу! Только читала про неё в сказках. А можно потрогать?

– Да, что ты! Можно, конечно!

Я осторожно одним пальцем дотронулась до сказочной ткани, которую Анна Николаевна, как сказочная фея, уже превратила в великолепное платье для меня. Парча была маняще прохладной и гладкой несмотря на узор.

– Как это удивительно, – прошептала я.

– Так. Ладно. Раздевайся, будем смотреть, что у нас получилось, – она быстро подошла к двери и повернула ключ.

Я стянула с себя школьную форму, после чего Анна Николаевна стала не спеша надевать на меня новое платье, от которого исходил тонкий аромат знакомых духов. Ну, да! Именно так пахло в классе на уроках химии!

Платье было в самый раз. Мама любила шить что-нибудь для меня. Говорила, что и нитки не рвутся, и перешивать не приходится. Считала, будто это потому, что в отличие от других детей я – не такая вредная.

– Повернись спинкой! Всё отлично! Замечательно! Как ты себя в нём чувствуешь, Кира?

– Я ещё даже не поняла. Но снимать не хочется! Правда!

Анна Николаевна отошла к окну:

– Ну, хороша! Выглядишь строго и очень изысканно. Не знаю только, как быть с длиной?

Она присела передо мной.

– Смотри, получается ниже колена примерно на десять сантиметров. Или даже на двенадцать. Может быть, оставить как есть?

Я ничего не соображала, не знала, что ответить. Что-то растерянно и несвязно шептала. Анна Николаевна поняла моё состояние:

– Кира, это твоё, понимаешь? И больше ни о чём не думай, хорошо?

– Да, поняла, – робко ответила я, всё ещё не придя в себя.

– В общем, длину оставляем. Ножки твои красивые все увидят и так. А для сцены, для того, что прозвучит в твоём исполнении, по-моему, будет больше соответствия. Согласна?

– Да... Спасибо вам! Мне так нравится... Прямо, очень-очень! Честное слово!

– Да, ладно уж! Мне самой очень-очень нравится! Знаешь, как я рада!

Она обняла меня и нежно поцеловала.

– Кира, я аккуратно соберу его и отдам Раисе Петровне, хорошо?

– Хорошо, – ответила я, вполне осознавая, что для меня-то это не очень хорошо. Но так нужно, очевидно. Раиса Петровна будет нас сопровождать, отвечать за внешний вид, за поведение, за выступление и прочее.

– Анна Николаевна, а кто из взрослых, кроме Раисы Петровны, поедет с нами? – спросила я, осторожно выползая из своей обновы.

– Валерий Михайлович – обязательно. Очень просится Марина, но директор категорически против. Говорит, она только всё испортит. Эмиль Закирович предложил Алексею Фёдоровичу, но он отказался без всяких объяснений. В общем, кто-то должен ещё.

– А вы?

– Мне нельзя. Я на службе.

– Знаете, я почему-то боюсь...

– Да, знаю, конечно. Не раз сама слышала, как Раиса Петровна покрикивает. Не бойся никого, хорошо? Она сама боится и директора, и, вероятно, немножко меня тоже. Главное, готовься, чтобы никто не мог сбить тебя с толку, как на представлении.

В дверь кабинета постучали.

– Минуточку! – отозвалась Анна Николаевна.

– Вадим? Что случилось? – открывая дверь кабинета, спросила она.

– Нас с географии пораньше отпустили. А можно, Анна Николаевна, к вам на минутку?

– Пожалуйста, заходи

– Как тебе платье новое, Кира?

– Ты что? Знал, да? – удивилась я.

Вадим, взглянув на завуча, довольный ответил:

– Конечно, знал! Ведь это я по просьбе Анны Николаевны утащил из шкафа твоё новогоднее платье! Так ведь, Анна Николаевна?

– Ты, Кира, не сердись на Вадика. Я в самом деле попросила его, чтобы не ошибиться с размером.

– Как же так? Я даже не заметила!

– Всё верно! Ты же после того вечера не могла уже его носить! Вместо звёздочек висели нитки. Или, ещё хуже, дырочки, – недобро улыбаясь, объяснил Вадим.

– Ладно! Хватит уже! – прервала я его.

В ту же минуту он заговорил с завучем, будто не обращая внимания на мои слова:

– Анна Николаевна, уже решили, кто ещё поедет с ребятами в Питер?

– Пока – нет. У тебя есть предложение, да?

– Ну, это не предложение, а так... Мы тут вчера просто разговаривали с воспитателем малышей. Он недавно работает. Фарид Аминович. В общем, спросили его,

почему он не едет? А он говорит, что ему никто не предлагал, что псехал бы с удовольствием.

– А что, кандидатура вполне подходящая. Надо обсудить с директором. Кажется, он внимательный и заботливый. Ребятишки его любят. Спасибо, Вадик, за подсказку.

Она помолчала, а потом добавила вдруг:

– Видишь, Кира, как Вадим о тебе беспокоится?

– Вижу, – буркнула я, недовольная тем, что он напомнил, хотя и весьма косвенно про новогодний бал.

– Почему ты мне ничего не сказал про платье? – спросила я.

– Хотел, чтобы получился сюрприз. А что в этом плохого?

– Ничего. Пойдём на урок, – предложила я, всё ещё злясь из-за напоминания про тот самый бал, с которым было связано наше с тобой свидание в музыкальном классе, где моё любимое платье особенно пострадало.

Глава двадцать четвёртая

Сборы и прощание. Подарок для подруги. Каратун и Химмаш. Тульфица Зариповна.

Вадим решил проводить меня до Казани, и я предложила поехать пораньше, чтобы успеть до поезда купить подарок подруге. Моё платье и туфли поедут в чемодане Раисы Петровны. Значит, я могу ехать налегке. Но совсем налегке не получалось: набиралась какая-то дорожная мелочь. Подарок тоже надо было положить куда-то.

– Возьмёшь мой портфель. Он и лёгкий, и довольно вместительный, – сказал Вадим и направился к двери, где столкнулся с тобой.

Итак, мы оказались в классе только вдвоём.

– Ты осталась сейчас здесь, чтобы я тебя поцеловал и пожелал удачи, – говоря это, ты усмехнулся.

– Даже и не подумала! Ещё чего! Не приближайся ко мне, а иначе!.. – я старалась говорить серьёзно. Не получалось! Счастливая улыбка не подчинялась голосу разума. Эмоции переполняли всё моё существо.

Совсем скоро встреча с подругой! И сама поездка! И, главное, – Питер!

– А что со мной случится, если приближусь? Видимо, ты бросишь в меня книжкой...

– Да, могу! И ещё, крикну: «Убивают! Спасите!».

В это время вошёл Вадим с портфелем:

– Кира, ты что так кричишь? Тебя на лестнице слышно.

– Она просит, чтобы я тоже поехал провожать её! Но я не могу. Ты же, Вадим, понимаешь?

– Крутов, перестань дурачиться, – сухо сказала я.

И тут же попросила Вадима, чтобы он предупредил Раису Петровну о том, что мы поедем раньше.

– А ты не хочешь сама ей об этом сказать?
– Нет, – отрезала я.
Вадим вышел. Ты быстро подошёл ко мне:
– И всё же, Кира, я поцелую тебя, а иначе не будет тебе
удачи!

– Поцелуй, – вдруг тихо попросила я.
Ты обнял и слегка коснулся мсей щеки. В это время
открылась дверь. Вернулся Вадим:

– Раиса Петровна разрешила, но сказала, чтобы
пообедали.

Ты молча, вышел, а я растерянно произнесла:
– Обедать не хочу. Можно что-нибудь перекусить на
вокзале.

– Хорошо, – согласился Вадим.

Он никак не комментировал увиденное. Скоро, совсем
скоро мы расстанемся, и не на неделю, а навсегда. Но,
расстанемся и с тобой! И тоже – навсегда!

Мы с Вадимом молчали почти до самой Казани.

– Вадик, ты сердисься на меня? – жалобно проныла я.

– Нет. Ты ведь его любишь. Ты любишь его, а меня –
нет. Так на что же я должен сердиться? – говорил Вадим
глухо, будто разговаривая с самим собой.

Мне нечего было отвечать. Он был прав. И снова мы
надолго замолчали.

– Вадик, прости меня, – я не выдержала, всхлипнула.

– Ну-ну, давай только без слёз. Не плачь. Всё хорошо.
Мне не за что прощать или не прощать. Он ведь тоже
любит тебя. Здесь рядом с вокзалом есть хороший
магазин. Пойдём выбирать подарок, да? Пойдём скорей!

И снова Вадим... Вадим, которого мы с тобой оба
считали недалёким и косноязычным, оказывался мудрым
и нежным. Мудрым по-взрослому.

Выбрать подарок не составляло труда. Были даже
красиво оформленные вещи, обёрнутые в блестящую или
цветную бумагу, перевязанные яркими ленточками. Но,
как всегда, денег у меня было мало. Только то, что

старшая сестра прислала перед поездкой. Она писала: *«Обязательно попробуй мороженое в Ленинграде. Все, кто там побывали, очень хвалят. И купи что-нибудь себе на память. Будешь вспоминать эту поездку, когда станешь совсем взрослой. И, если останутся денежки, сфотографируйся».*

Забегая вперёд, должна сказать, что я почти всё, о чём писала сестрица, исполнила. Сфотографировалась, и даже не одна, а с подружкой детства Галей.

– Давай купим красивую чашку с видом Казани, – предложил Вадим. Но когда он назвал цену, я сразу возразила: весь денежный перевод сестры как раз пойдёт на оплату такого подарка. Он хотел внести свою лепту, но я живо воспротивилась: подружка-то моя! Причём здесь Вадим.

– Ну, какая разница, Кира! Я же всё равно хочу дать с собой то, что заработал. Мне эти деньги не нужны! А, главное, я же их не украл. И мама моя одобрила. Сказала, что нельзя, чтобы ты поехала без денег.

– Ты понимаешь, в поездке, сколько бы ни было денег, всё равно все потратятся! Нет, я не возьму у тебя! – решительно отказалась я.

Но Вадим не уступал на сей раз:

– А давай мы с тобой так договоримся: ты возьмёшь, но будешь тратить экономно. А то, что останется, отдашь мне, когда вернёшься. Идёт?

– Какой ты хитрый, Вадька! Конечно, экономить не смогу и не буду. Ещё объежусь мороженого, и у меня заболит горло. Как я буду читать? Как петь?

Мы посмеялись, хотя и весьма сдержанно. На душе у меня было скверно. Я чувствовала свою вину перед ним.

В магазине, в основном, толпились женщины. Они подолгу стояли возле вешалок с летней одеждой. Дамы почтенного возраста и совсем молоденькие девушки с такими же, как сами, подружками. Перешёптывались, становились в очередь в примерочную. Выглядывая, уже

примерив обновы, они звали подружек, чтобы те оценили, как сидит платье, к лицу ли? Молодёжь восторженно щебетала, а дамы постарше держались чинно, вежливо советовались с продавцами.

Мне стало грустно. Эти люди готовились к весне. Ждали лета. Они уже знали, каким оно будет для них, это лето. Наверное, знали всё и про весну. Про свою весну. А я жила в неведении, что меня ждёт? Что будет со мной, когда прощусь с одноклассниками? И неважно, что для них я так и осталась «новенькой». Что и как сложится в моей жизни, когда оторвусь от приютившего меня острова, с которым породнилась и чувствовала, что есть здесь и моё пространство? Мой клочок земли, на котором я чувствую себя в безопасности?

– Вот ты решила купить и подарить Гале духи. А, может быть, она страдает аллергией? Ты знаешь?

– Не знаю, конечно. Мы столько лет не виделись! Хотя вот о чём я подумала: если даже духи не понравятся, то уж коробочка точно произведёт впечатление! Она же похожа на волшебную шкатулку! И надпись: «Казань!». Здорово! Правда?

– Да, оформлено красиво. Два флакончика. Если захочет, может с кем-нибудь поделиться, – пошутил Вадим.

– Ну, нравится? Будете брать? – мило улыбаясь, спросила девушка за прилавком.

– Если бы вам подарили такой подарок, как бы вы?.. Вам бы понравился? – обратился к ней Вадим.

Она смутилась, а затем сказала:

– Меня, честно говоря, удивить таким подарком нелегко. Я ведь живу здесь, в Казани. А вот если бы жила где-то далеко, была бы в восторге. Правда! Честное слово!

– Да мы верим вам! А спросил Вадим так просто, – поспешила я успокоить продавщицу.

– А куда поедет подарок? – всё же поинтересовалась она.

Я поднялась, а парень спросил вдогонку:
– Куда едете, ребята?
– На кудыкину гору! – ответил сердито Вадим. Я поняла, что он нервничает перед разговором, но укоризненно заметила:
– Совсем не обязательно грубить, да ещё незнакомому человеку!
– А знакомому – можно? – буркнул он.

Наши места в зале ожидания уже были заняты.
– Сядем ближе к двери, чтобы увидеть ребят, когда подъедут, – сказал Вадим.
– О чём ты хотел поговорить? – напомнила я.
– Дай слово, что не будешь спешить с ответом. Что подумаешь, как следует.
– Ладно, согласна. Даю тебе слово, что подумаю, – ответила я равнодушно.
– Кира, где-то, даже как будто не очень далеко, есть такая станция – Каратун.
– Забавное название, – сказала я, сдерживая улыбку.
– Не знаю. Тебе виднее, что касается названия. Но дело вот в чём. Там где-то живёт бабушка. Она – целительница. Говорят, к ней очень трудно попасть, потому что большие очереди. Кира, ну, что ты улыбаешься?! Я же не придумал это сам. В общем, предлагаю после экзаменов сразу поехать к ней. Вдруг получится, мы попадём, и она примет. Может быть, даже что-то сделает. Я чувствую, что ты не веришь, но ведь люди едут к ней.
– А если верю, что тогда?
– Значит, надо ехать. Не знаю, как это объяснить, но поездка нужна мне. Она нужна, чтобы я был за тебя спокоен. Понимаешь? Знаю, что ничего не изменится в наших отношениях, но я должен сделать для тебя всё, что смогу. Прошу тебя, подумай.
– А что я родителям скажу? Мне же надо ехать домой! Сразу после экзаменов!

Он на минуту задумался и сказал:

– Они ведь не знают, когда у нас экзамены. Ничего не говори. Главное, найти её, эту бабулю.

– Ей, наверное, надо платить за лечение. А у меня нет денег. У тебя я не возьму даже в долг.

– Как ни странно, Кира, говорят, что денег она не берёт. Если только гостинцы какие-нибудь.

– Подумаю, – снова пообещала я, уносясь мысленно в далёкие, как мне казалось, годы.

Я уже теряла последние крохи драгоценного зрения. Отчаяния не испытывала. Было горько только тогда, когда кто-нибудь, пользуясь тем, что не вижу, не могу дать сдачи, обижал или как-то издевался надо мной. Страданий родителей по этому поводу не понимала. Мы ведь вообще-то не очень понимаем их особенно в детстве. А что было делать? В Одессу свозили дочь. Там прооперировали. Неудачно. Но папе кто-то рассказал про бабушку, которая жила на Химмаше. Сказали, что лечит от всех болезней. Работает вместе со своей дочерью. Говорили, будто бабушка сама готовит капли, микстуры, мази на травах. И тоже шла речь о невероятно огромных очередях.

Химмаш находился не так уж далеко от нас. И вот в один из выходных мы с папой собрались в путь.

По адресу нашли дом целительницы. Возле дома было множество машин. Многие приезжали с детьми. Папа стал разговаривать, что-то спрашивать у тех, кто были с детьми. А я не понимала толком, для чего мы сюда приехали. Люди входили в дом, выходили, но надолго почти никто не задерживался. Помню, что я устала, папа это почувствовал и сказал:

– Немножко потерпи. Нас увидела женщина и сделала знак, чтобы подождали. Наверное, дочь этой бабушки.

Ни сама бабушка, ни её дочь меня не интересовали. Мы с папой рано встали, и я не выспалась. Теперь хотела одного: скорее домой.

Я уже собралась было вздремнуть, припав к папиному колену, как услышала над собой тихий мелодичный голос женщины:

– Пойдём, детонька. Не бойся. Ты что так дрожишь?

Бабушка только посмотрит тебя.

– А мне можно с дочкой? – робко спросил папа.

И она также тихо ответила:

– Я приглашу вас.

В доме стоял густой запах трав. Я чихнула.

– Будь здорова, красавица! – приветливо улыбаясь, подала руку пожилая женщина.

Рука её была сухой и горячей. Она легко приподняла меня и посадила в небольшое кресло.

– Посмотри на меня, – строго приказала она.

Я не могла посмотреть, мешал яркий свет от лампы.

Целительница некоторое время молчала. Потом позвала дочь, что-то спросила, и та тихо ответила:

– Да, мама, есть, но уже немного.

– Ничего. Обойдёмся, – отрывисто заметила мать.

Они ещё о чём-то тихо поговорили между собой, произнося короткие, будто зашифрованные фразы.

– Пригласи отца, а малышку заberi. Да дай ей что-нибудь поесть. Голодная, наверно, – говорила бабушка, как казалось мне, слишком сурово.

– Хочешь молочка? – спросила взявшая меня за руку женщина.

Но папа, уже подходивший к нам, испуганно сказал:

– Нет-нет! Ей нельзя молоко!

И, улыбаясь, он добавил:

– Хотя мы и любим его!

– Чайник ещё не остыл. Налей чай и дай ребёнку булочку, – отрывисто скомандовала бабуля.

Дочь немедленно подчинилась ей. Я и вправду проголодалась, оказывается. Булочка была с изюмом, что мне особенно понравилось. Я пыталась услышать, о чём говорят бабуля с отцом. Но голоса звучали приглушённо

из другой комнаты. А дочь угадала моё желание и решила отвлечь разговором:

- Ты уже учишься в школе?
- Конечно, – важно ответила я.
- Хорошо учишься?
- Нет, – обиженно отозвалась я.

Она, кажется, хотела меня успокоить, но я перебила её:

- Хорошо учатся хорошисты! А я – отличница!
- Прости, пожалуйста! Я же не знала, – улыбнулась

дама.

– Разве вы совсем не учились? Никогда? – спросила я весьма дерзко.

Она еле заметно вздохнула, а потом, как будто вовсе не мне, грустно ответила:

– Мы с моей мамой очень даже много учились... Очень много...

– А похвальные листы вы тоже получали? – поинтересовалась я, гордая тем, что уже получила свой похвальный лист. Да ещё с портретами обоих вождей.

– Нет... Мы получаем кое-что другое... Ну, понравилась булочка? Хочешь, я тебе ещё с собой дам? Это бабушка пекла.

– Дайте, пожалуйста! Я хочу угостить папу.

Она завернула две булочки в бумажный кулёк и подала мне.

– Вот и папа. Вручаю вам вашу отличницу, – у женщины этой был ласковый голос.

Такой, что не хотелось с ней расставаться. И я тут же спросила:

– Папа, а мы приедем сюда ещё?

– А мы ещё и не уезжали! Ещё погуляем с тобой, подождём лекарство. А потом уже поедем, – в голосе отца зазвучали шутливые нотки, не лишённые некоторой радости.

\ – Я же спрашиваю, приедем ещё или не приедем, – нетерпеливо повторила я. Но он задумался и – не ответил.

А дальше всё происходило, как в сказках с плохим концом. Ежедневно три раза в день мама брала в руки небольшой стеклянный пузырёк и пипетку и, не спеша, приближалась ко мне. Я ждала её, лёжа на спине, широко открыв не только глаза, но и рот на всякий случай. Лекарство слегка пощипывало, но вполне терпимо. А когда оно закончилось, папа поехал к бабушке уже без меня. Видимо, для встречи со мной она назначила какой-то срок.

Я уже с восторгом разглядывала картинки в книжках, рассматривала подаренные мне открытки. Среди них были две самые любимые. Одна открытка, на которой изображены ярко-красные розы. И вторая, – девочка с котёнком на руках – иллюстрация к стихотворению Маршака «Усатый полосатый». Мама говорила, что девочка так похожа на меня, что вначале она думала, будто это фотография. Мама очень удивлялась такой схожести.

А я не понимала, что происходит с моими глазами, но казалось бы, беспричинная радость не покидала меня в эти дни. Помню, как следила за скользящим лучиком солнца. Он золотисто извивался по подоконнику, по стене, по столу... И вот уже приближался к моей руке. Выйдя на улицу, напряжённо всматриваясь вдаль, я пыталась, как прежде, увидеть линию горизонта.

За обедом, когда вся семья сидела так близко, пробовала незаметно рассмотреть лица родственников, заглянуть в глаза. И ведь запомнила! Запомнила на всю оставшуюся жизнь невозможно синие-синие глаза папы. И чёрные с лукавым прищуром мамины глаза.

И вот после очередной потасовки со старшим братом, он ударил меня... И удар тот пришёлся на глаз, в который закапывала мама чудодейственные капли. Родители в это время были в гостях. Встретила я их, лёжа на диване, выплавав все слёзы от боли и ещё больше от обиды, прикрывая рукой заплывший глаз.

Всю ночь мама делала прохладные примочки, но боль отступала ненадолго. Родители тихо переговаривались, и я вдруг поняла, что, когда отец взялся за ремень, мама заслонила брата. Защитила его, своего первенца, который уже приближался к совершеннолетию.

Вскоре мы с папой отправились на Химмаш. Оказывается, папа, когда поехал за лекарством, рассказывал ей о результатах.

До сих пор помню, как она кричала на него, увидев меня с заплывшим глазом. А он в ответ только молчал.

– Ведь я говорила! Просила тебя, чтобы берегли ребёнка! Что вы за родители! Привезёшь, когда пройдёт это безобразие! Дам тебе мазь, чтоб скорее рассосалось!

Внезапно до меня дошло, что произошло непоправимое. Что именно, я не понимала, но заплакала так громко, что отец, державший меня за руку, вздрогнул.

– Возьми, успокой её, – сказала бабуля кому-то.

– Пойдём, – слышала я знакомый голос.

Летние каникулы подходили к концу.

– Вроде бы всё рассосалось. И чернота прошла. Надо ехать к бабушке, – сказала мама отцу.

– Конечно. Когда начнутся занятия, я же не смогу её забрать из интерната, – поддержал он.

«Солнце светит, но не греет», – писали мы в тетрадках на уроке письма в первом классе. Теперь со мной стало всё наоборот: солнце грело, но совсем перестало светить мне. Я, по-прежнему не могла вникнуть в суть происходящего. Все цвета и краски, золотистый лучик солнца, пунцовые розы и девочка с котёнком, похожая на меня, – всё это продолжало жить во мне, в моём воображении.

Мы подходили к дому бабушки. Но машин не было. Куда-то исчезли люди. Где мамы и папы с больными детишками? Нас встретила напряжённая тишина. Мы обошли дом. Двери закрыты наглухо. Окна зашторены.

Папа пробовал узнать у прохожих, что же случилось? Но люди проходили, молча, не останавливаясь.

– А давай постучимся в какой-нибудь дом рядом, – предложила я.

В двух домах нам ответили, но только через дверь:

– Не знаю никакой бабушки!

Мы не могли уехать, не узнав, в чём же всё-таки дело. Что произошло? Да нет же! Просто какое-то недоразумение! В одном из дворов подростки гоняли мяч.

– Дети обычно всё знают. Попробуем спросить, – решил папа.

– Да ты чё, дяденька! С дуба рухнул?! Их долго не будет теперь! И бабу, и её дочку – обеих в тюрьгу засадили! Так что, бери билет взад и дуй отседа со своей малявкой! – вот такую, вполне определённую информацию да ещё с конкретной рекомендацией мы получили от шустрого пацана-футболиста, который говоря с нами, громко шмыгал носом и продолжал ожесточённо попинывать свой мяч...

– ...Как нехорошо, Кира! Ты почему не попрощалась со мной? Вот из-за тебя пришлось такой путь проделать, – Эмиль Закирович громко расхохотался.

Было видно, что настроение у него прекрасное. А я сразу очнулась от воспоминаний.

– Мне пришлось оставить все срочные дела, чтобы проводить тебя! А Раиса Петровна с ребятами гнали меня, не хотели брать с собой! Даже не дали понести чемодан! – смеясь, говорил наш директор.

– Так вы же несли мою сумочку, – подыгрывала Света.

– Видишь, как они издеваются надо мной, над директором? Смотри у меня! Чтобы выступила лучше всех! – сурово произнёс он, снова обращаясь ко мне.

– Постараюсь, – сказала я.

– Ещё есть время. Пойдёмте, ребята, в буфет! Я вас

покормлю на дорожку! Пойдём, Кира! – пригласил всех директор.

– Спасибо, Эмиль Закирович, мы уже перекусили, – сказал Вадим.

Он снова направился к расписанию. Все пошли в буфет, а я осталась в зале. Ко мне подошла женщина, с которой вроде бы я была знакома. Но как и где? Пыталась вспомнить. Так и не вспомнила.

– Ты из девятого класса? Та, которая новенькая, да? – спросила она.

Я не сразу ответила:

– Да... Это я. Да, из девятого.

– А ты Камиля Махмудова знаешь?

– Да, – ответила я, не понимая, к чему эти вопросы.

– Я – его мама, Гульфиза Зариповна, – представилась женщина.

Совершенно не понимая, как на это реагировать, я сказала:

– Ну и хорошо...

Гульфиза Зариповна засмеялась, а потом спросила:

– Скажи, пожалуйста, тебе мой Камиль нравится? Он очень хороший мальчик! Очень добрый.

– Нет, не нравится, – ответила я, не задумываясь, так просто, будто речь шла о погоде. И тут спохватилась, – Правда, он очень хороший и добрый! И отличный музыкант!..

– Да-да... Ну, а почему же тогда он не нравится тебе? – задумчиво и тихо произнесла мама Камиля. Немного помолчав, попросила, – Вы же всё время там вместе будете. Если что, ты уж не оставляй его, ладно? Вдруг он заболит... Или ещё что-нибудь...

– Ни за что! Я присмотрю за ним обязательно! Вы не беспокойтесь, Гульфиза Зариповна! – горячо заговорила я, поняв, что невольно причинила боль этой женщине, матери своего единственного и бесконечно любимого мальчика.

Мальчик был уже взрослый, и ей, по-видимому, хотелось, чтобы он ещё кому-то кроме неё самой был дорог или хотя бы понравился. А ещё, чтобы та, которой понравится её сын, ей самой тоже понравилась. Но мне тогда до понимания всего этого было очень далеко. Всякому пониманию своё время.

– О чём говорили? – поинтересовался подошедший Вадим.

– Знаешь, она спросила... Она ни о чём не спрашивала, – ответила я, мгновенно передумав.

Вадим засмеялся:

– Да ладно уж! Нетрудно догадаться! Мы-то давно её знаем!

Глава двадцать пятая

В купе. Ленинград.

Знакомства. Встреча с подругой.

Со мной вместе в купе оказались Ася, Света и Марьям. Все они входили в трио баянисток и готовились выступать в Ленинграде с весьма сложной программой. Честно говоря, не знаю, что там делала Марьям, то есть – Марианна, предпочитавшая второй вариант имени. Говорили, что для неё Валерий Михайлович придумал басовую партию, которую с успехом можно было исполнять на барабане. То есть Марианну мог заменить наш знаменитый барабанщик Вася.

Лично меня с ней ничего не связывало, но от Флоры я часто слышала, что Марьям, якобы, завидует мне. И, вообще, – за что-то не любит.

Марьям посещала литературный кружок и преподносила на занятиях свои нескладушки с таким видом, будто делала одолжение, знакомя присутствующих с недостижимыми шедеврами литературы. Ни Вартанов, ни участники кружка никак это не комментировали. Знали, что она убеждена в совершенстве своих творений и потому не воспримет ни критики, ни даже самых безобидных замечаний в свой адрес.

Марьям ни у кого не вызывала каких-либо эмоций. Если она не являлась на занятие, Вартанов никогда не интересовался, почему её нет? И, наоборот, когда являлась, никто не приветствовал, не предлагал занять свободное место рядом.

Она, не колеблясь, расположилась на нижней полке, и мы оказались напротив друг друга. Я попросила, обращаясь одновременно к Свете и Асе поменяться со мной местами, но они обе отказались. И тут Ася неожиданно скомандовала:

– Марианна, а ну, давай, живо наверх! От тебя всё равно толку никакого! Меняемся! Я-то хотя бы за чаем лишний раз схожу, а тебе всё равно, где валяться!

И – удивительно! Марьям подчинилась, не вымолвив в ответ ни единого слова!

– Здравствуйте, девочки! Ой, какие все красивые и как у вас уютненько! – это заглянула к нам Гульфица Зариповна.

– Кира, Светочка, девочки мои хорошие! А мой Камиль как раз в купе рядом с вами! Так уж, если что, вы не забывайте о нём, ладно? – попросила беспокойная мама.

И мы теперь уже все хором заверили, что позаботимся непременно. И тут услышали, как за её спиной кто-то шумно дышит, как после быстрого бега.

– Ужас! Еле-еле успели! – задыхаясь, выговорила Флора.

Рядом с ней, тяжело дыша, стоял Женя с пакетом, из которого шёл аппетитный дух на весь вагон. Женя сунул пакет Асе, а Флора затараторила:

– Ох, у меня сейчас сердце выскочит!

– Да ладно тебе! Женя рядом! Так что поймает твоё сердце, – пошутила Света. И сама же добавила, – Вообще-то, уже поймал!!!

Мы засмеялись. А Флора заговорила ещё быстрее, боясь, что поезд тронется:

– Это вам тётя Феня на дорожку напекла всяких плюшек!

– Передайте ей, ребята, большое спасибо! – закричали мы все разом.

Флора быстро обняла меня и Асю, и они с Женей умчались.

– Девочки, давайте все помашем! Мама Камиля стоит возле нашего окошка, – сообщила Света.

Мы стали ей дружно махать, посылая воздушные поцелуи. Наш поезд тронулся.

Охваченная невыразимой радостью, я запела весело и протяжно:

– Ту-ту-у-у!

И девчонки тут же подхватили.

Тогда я ещё не умела понять и хотя бы как-то объяснить, почему так люблю дороги и не люблю, когда они заканчиваются. Вот она – конечная станция! Как будто обрывается сама жизнь. Никакие, пусть даже шикарные номера в гостиницах и хоромы в гостях не заменят стремительно мчащееся к неведомому маленькое тесное купе или кресло с откидной спинкой в салоне самолёта! Дорога увлекает и отвлекает, манит и зазывает, обещает и дарит мечты и надежды одновременно. Ты веришь ей и доверяешь свою жизнь. Тебе кажется, что в пути ты абсолютно защищён. И, похоже, начинаешь понимать, кто именно сейчас оберегает и защищает тебя. В дороге ты освобождаешься от того, что не даёт покоя твоей душе, и, пусть даже на короткое время оставляешь это где-то там, забывая о нём. Ты получаешь взамен... Нет, не только душевное спокойствие, но и свободу! Да, желанную и блаженную свободу, которая кому-то покажется жалкой и пресловутой или вовсе не существующей. Но я не соглашусь с ними, потому что в моём случае и моём понимании это, прежде всего, – свобода исцеляющая! Не спорю: пусть временно. А разве есть что-то в этом мире постоянное?!

Дверца купе медленно поползла, и вкрадчивый голос музыкального руководителя комментировал:

– Трое музыкантов и бездельница в одном купе...

– Это вы напрасно, Валерий Михайлович, – вступилась тут же за меня Ася.

А Света напомнила:

– Кира уже играет Баха и вальс Грибсеедова.

– И сколько же частей вальса? Позвольте полюбопытствовать, – обратился ко мне Валерий Михайлович.

Смутившись, я ответила:

– Две части...

– Негусто, – укоризненно сказал он.

– Вот поступим в училище, тогда и будете говорить. А что сейчас-то зря болтать, – лихо парировала Ася.

– Да, я не совсем зря сейчас. Предлагаю Кире перейти в купе к Раисе Петровне. То есть поменяться со мной.

Девчонки разом зашумели:

– Да вы что? Мы её не отпустим!

– Пожалуйста, можно останусь здесь, – жалобно попросила я.

Он засмеялся:

– Ага!!! Испугались! Ладно, я пошутил. А пришёл к вам на запах! Позовёте чай-то пить?

– Вы, Валерий Михайлович, прямо, как котик! – уверенная, что больше никогда не вернётся в школу, Ася со всеми говорила и вела себя бесцеремонно. А мы только улыбнулись слегка, сдерживая смех. Учитель всё-таки.

Хотя и вправду в его крадущейся походке, в мурлыкающем вкрадчивом голосе, безусловно, было нечто кошачье.

– Это же не только нам передала тётя Феня. Мы угостим всех, – пообещала Света.

Освоив наше купе, мы стали обживать вагон. Перемещаясь по вагону, узнавали, кто и с кем вместе оказался, кто прихватил с собой шашки и домино. Света с Асей поделили на всех вкусности, которые передала тётя Феня и, не дожидаясь чаепития, разнесли.

После чая Марьям забралась на верхнюю полку, а мы в надежде, что кто-нибудь к нам примкнёт, тихо запели, на ходу подстраивая голоса и придумывая свои вариации:

– *Не шей ты мне, матушка,*

Красный сарафан...

И вот уже в купе стало тесно, потому что подходили не только ребята, но и пассажиры. Они робко просили разрешения войти, присаживались и несмело подпевали.

– Девочки, а ну, давайте-ка что-нибудь повеселей! А то попутчики сейчас начнут слёзы лить! – бодро предложил Валерий Михайлович.

Но его предложение сурово отменила Раиса Петровна:

– Прекращайте! Уже поздно! Живо все по местам!

Ей никто не возразил. И только пассажиры, извиняясь и благодаря, покинули наше купе.

– Почему она всё время на нас орёт? – возмутилась Ася.

– Да что на неё обращать внимание, девочки. Одно слово – воспитатель, – посмеиваясь, стала успокаивать Асю Света.

– Меня другое волнует, — продолжила она.

– Это ты про то, что говорили с директором? – спросила Ася.

– Конечно! Ведь, наверняка, из других школ будут выступать в костюмах. Скорее всего, у них и танцы будут! А что у нас?

– Другие школы побогаче нашей, видимо. Да, ладно. В конце концов, мы выступим не хуже других. Как ты считаешь, Кира?

А я даже за себя не могла поручиться. А уж за всех тем более. Ответила просто:

– Постараемся, а там уж как получится.

И тут вдруг подала голос Марьям:

– Я бы на твоём месте читала по-другому Джалиля. Почему мне не дали это стихотворение?

Ася не выдержала:

– Марианна! Слушай! Научись молчать, если ничего умного в твою голову не приходит! Тогда даже могут некоторые подумать, что ты умная!

– Не ссорьтесь, девочки, – примиряюще сказала Света.

Я не спала. Так хотелось забыть про Марьям, Раису Петровну... Думать бы только о дороге, и ехать, ехать вот так... Даже о предстоящем выступлении не хотела думать, потому что сразу становилось как-то тревожно. А

хотелось покоя.

В Ленинграде нас встречали организаторы. Возле вокзала стоял небольшой автобус. Мы вначале поехали в кафе, где нам был подан вкусный обед и – даже мороженое! Моя сестра была права: оно оказалось настолько аппетитным, что все мы сделали вид, что оглохли и не слышали, как Валерий Михайлович в дуэте с Райсой Петровной закричали:

– Не смейте мороженое! Надо беречь голоса!

После обеда нас проводили в школу-интернат, где обучаются дети с проблемами речи. Наши провожатые так и называли школу – «речевая». Учащиеся разъехались по домам, и ребят из некоторых школ разместили здесь на время фестиваля.

Мы поднялись на третий этаж и вошли в большую комнату, служившую спальней. Здесь уже находились горьковчанки, высокие и сбитые девицы. Они сразу невзлюбили нас и обозвали «колхозницами», произнося это, как злобное грубое ругательство. Мы в долгу не остались и, правда, несколько понизив голоса, дали им свою характеристику – «лошади».

Наши девочки решили как можно меньше разговаривать при них, потому что и без того «лошади» старались как-то задеть, оскорбить и унижить нас. Узнав, что мы будем выступать в школьных формах, нас назвали «нищобродками». Но когда в эту же спальню вошли девочки из Чувашии, «лошади» набросились на них

– Как вы думаете, девочки, почему они такие злые? – шёпотом спросила Света.

На что Ася, уже весьма громко, ответила:

– Да потому, что они не только лошади, а ещё и собаки. Ну, такие! Которые самые злющие!

Света прыснула.

Девочки из Чувашии держались робко, и нам пришлось взять их под своё крылышко.

– Лучше бы как-то обойтись, не враждовать. Что нам с

ними делить? – тихо предложила я. Но Ася тут же взорвалась:

– Знаешь, Кира! Они же первые начали! И потом... Как это «что делить»? А места?! Мы должны выступить не хуже их!

– Да, но наши выступления никак не связаны с отношениями, – возразила Света.

Вошла Раиса Петровна:

– Ой, да вас ещё больше стало здесь!

– Да-да, колхозы растут и ширятся, – съязвила в наш адрес одна из девиц.

Раиса Петровна, не понимая, в чём дело, удивлённо спросила:

– Какие колхозы?

– Раиса Петровна! Эта девушка из колхоза, где выращивают тяжеловозов! Ну, кони такие! Знаете? Так вот, девушка тоскует по родному краю, – пояснила Ася.

Наша воспитательница, похоже, заподозрила недоброе и решила поскорее улизнуть.

– Так, девочки! Примерно через час зал освободится, и мы должны прорепетировать, – сообщила она и быстро закрыла дверь с той стороны.

Одна из горьковчанок ехидно обратилась к нам:

– Так вы что же? Будете танцевать, что ли?

Она лихо пролялякала популярную татарскую танцевальную мелодию.

И тут Ася вступила в злобную перепалку с ней:

– Нет, мы не танцуем! Предпочитаем смотреть, как вы будете выделывать ваши па!

– А смотреть-то вам есть чем?! Зрители тоже мне нашлись!

– Найдётся! Вы не так изящны, чтобы вас не заметить! Пойте уж лучше свои похабные частушки! Не забудьте при этом громко, по-пороссячи повизгивать, задирая повыше подол!

Ася продемонстрировала своим прекрасно

поставленным голосом такую частушку, что автор не рискует её привести здесь.

Не придумав ничего более подходящего, девица выкрикнула:

– Дурра! Ненормальная дурра!

И тут одна из горьковчанок очень тихо, но жёстко сказала:

– Немедленно прекрати, Наташа! Не стыдно?! Ты уже достаточно опозорила нас ещё в дороге!

Наташа даже не пикнула в ответ. А девочка, сделавшая такое замечание, обратилась к нам:

– Пожалуйста, не реагируйте на неё. Давайте знакомиться! Да и чайку попьем вместе! У меня есть пряники! Маша, а у тебя конфеты остались с дороги?

– Остались, – буркнула Маша.

А та, что проявила себя как миротворец, продолжила:

– Меня зовут Хильда. Правда, я пришла в эту школу в седьмой класс. После несчастного случая. Так вот, меня здесь стали звать Галей.

Хильда засмеялась:

– Русские не любят наши имена!

– Да, у нас в Татарстане тоже такое бывает. Правда, стараются, чтобы на ту же букву имя придуманное начиналось, – заметила Ася.

– Ой, ну не всегда! Сабиру до окончания школы все называли Леной, – напомнила Света.

Девчонки из Чувашии разулыбались, а одна из них сказала:

– У нас тоже есть Сабира, а она хочет, чтобы звали её Ларисой!

Маленькое отступление, пока народ знакомится и чаёвничает, поделюсь с дорогим читателем одним воспоминанием из жизни родственников.

Мой старший брат привёз себе жену из Киргизии, но она – татарка. И звали её Халима.

В Киргизии, как и в любой другой союзной, возможно, и автономной республике, твоё имя чаще всего остаётся

твоим, и никто тебя не пытается переименовать. Если, конечно, родители не придумают второе имя, ласкательное, своему ребёнку.

Да ещё существует поверье о том, что второе имя защищает от злых духов. Им, злым духам, видите ли, невдомёк, что это один и тот же человек. Короче, запутали их, злых духов.

И вот наша Халима пришла с мужем, то есть с моим братом на работу. Замечу, в Дом Культуры.

Знакомясь с новыми сотрудниками, она представляется:

– Зовут меня Халима Гарифовна.

И тут же слышит вопрос:

– А как по-русски?

– Ну, также, – смущённо отвечает наша невестка.

Но русский народ не сдаётся:

– Давайте, мы вас Галиной, что ли, будем звать!

– Почему? – удивлённо вопрошает Халима Гарифовна.

– Ну, можно, например, Галина Геннадьевна!

– Почему – Геннадьевна? – продолжает удивляться киргизская татарка.

– Потому что на «г» – Гарифовна, – растолковывают ей коллеги. И вновь задумываются, – Имя-то на «х».

Какое русское женское имя начинается на «х?»

Некоторое время все задумчиво молчат. Но на помощь вдруг приходит та, которой, как оказалось, необходимо срочно переименоваться:

– Ну, можно назвать Хавроньей, если на «х», – предлагает она, пряча улыбку.

Однако старинное женское имя не было оценено по достоинству коллегами. И осталась наша новоиспечённая родственница при своём имени, данном ей при рождении родителями...

Мы спустились на второй этаж, где находился актёрский зал.

– Девочки, не знаете, в какой комнате расположились свияжские? – обратилась к нам девушка, которая шла навстречу.

– Галка! Узнала тебя! – радостно закричала я, и мы обнялись с моей подругой.

– Раиса Петровна, можно мне остаться? Ну, пожалуйста! – стала я просить нашу суровую воспитательницу.

– А как же репетиция?! Ты о чём думаешь?! Вот и Валерий Михайлович тебе скажет... Как же без репетиции?

– Да нужна ей эта репетиция! У Киры-то всё получается как надо, а вот кое-кому не мешает повторить лишний раз, – возмутилась Ася.

– Ладно уж. Пусть побудет с подругой. А то, когда ещё встретятся девчонки, – благодушно разрешил Валерий Михайлович.

Подруги детства – Галя и Роза

Мы с Галей знали вроде всё друг о друге, потому что регулярно переписывались. Но всё равно обе говорили и говорили, не умолкая. Мой подарок она оценила. А мне

вручила очень симпатичный розовый шарфик. Подруга уже окончила школу и работала. Галя пригласила меня в гости, если успею. Оставила номер домашнего телефона.

– Мы обязательно должны ещё встретиться и сфотографироваться вместе на память, – сказала Галя.

– Сфотографироваться мы можем даже сейчас. Здесь совсем близко есть фотоателье.

Мы встретились с Галей у неё дома. А сфотографировались прямо в тот день, когда она пришла ко мне. Я была очень счастлива, потому что никогда не забывала о своей подруге, хотя мы учились с ней в разных классах и всего лишь один год.

В тот день мы расстались с грустью и не проходящим волнением. Галя пожелала мне удачного выступления. Она жалела, что не сможет присутствовать при этом, потому что работает.

Несмотря на то, что Хильда как-то сумела изменить обстановку в нашем временном жилище, напряжение сохранялось. Горьковчанки время от времени отпускали замечания в адрес чувашек. Мы не могли промолчать. Огрызались.

Я чувствовала себя неуютно. Хотелось куда-нибудь уйти. Но куда? И тут одна из чувашек спросила:

– Кто знает, в какой комнате удмуртки? Там моя подружка должна быть.

– Да, они на нашем же этаже, ближе к лестнице, – ответила Хильда.

И тут я вспомнила, что в моей прежней школе в одном классе со мной учился Виталий, который прибыл к нам в девятый из Удмуртии.

Виталий играл на баяне и пел. Иногда мы вместе с ним выступали. Было у нас даже что-то вроде своего ансамбля. Мы и песню с ним сочинили, но она как-то забылась совершенно.

Он часто вспоминал свою школу, называл имена друзей. А про одну девочку, игравшую на баяне, говорил,

что у него с ней так похожи голоса, что их путали даже незрячие учителя. «Наверняка, она приехала в Ленинград», – подумала я и сразу решила, что это хороший предлог, чтобы на время исчезнуть.

– Пойдём вместе, – предложила я девочке из Чувашии.
– У меня тоже там должна быть подружка...

Удмуртки были в комнате с марийками. Где-то весело болтали и очень громко хохотали. Мы с Клавой так и шли на этот хохот. А когда вошли в комнату, к Клаве подбежала её подружка, и они обнялись, что-то говоря по-чувашски. Я некоторое время стояла одна, молча. Затем спросила:

– Девочки, кто из вас знает Виталика, который в девятый класс уехал в другую школу? Он – удмурт.

– Я с ним училась! А ты кто? Его одноклассница из Свияжска, что ли? – ответила мне девочка Галя, сидевшая прямо передо мной с баяном.

Ответила голосом моего одноклассника Виталия. Я ошалела от такого сходства.

Так мы познакомились, и я встретила в Ленинграде с ещё одной Галей. Обе мы иногда вспоминаем нашу первую встречу.

Глава двадцать шестая

Перепадка. Помощь тётки. Выступления. Знакомство с жюри.

– Почему вы не можете решить с программой?! И с какой стати Кира не должна переодеваться для чтения?! Для чего тогда вы поехали с нами, Раиса Петровна?! У нас нет костюмов! Нет танцев! Так вы ещё готовы завалить такой беспроектный номер как чтение Киры!

– Для того, чтобы говорить, что номер беспроектный, надо вначале выступить! А ты, Ася, не имеешь права так говорить со мной! Ты даже не говоришь, а орёшь! Понятно?

– А вы считаете, что только вам можно орать?!

– Я не хочу больше с тобой говорить!

– А вас никто и не просит! Вы – руководитель! Вот и занимайтесь! Довели до слёз Киру! А в чём она виновата?

В комнате, которая была отведена для того, чтобы приводили себя в порядок перед выступлениями, шла эта ужасная перепадка. Ася отчитывала Раису Петровну хорошо поставленным глянцевым голосом. Воспитательница, уже охрипшая, пыталась оправдаться, возражая ей.

А дело было в том, что рабочая комиссия фестиваля внесла изменение в программу нашего выступления. В результате поправки сразу за моим чтением следовало выступление вокального ансамбля девочек. Как помнит мой уважаемый читатель, ансамбль выступал в школьных формах, а у меня для сольного выступления был наряд, сшитый и подаренный Анной Николаевной. Переодеться я не успевала. Таким образом, невольно «портила» внешний вид ансамбля или же должна была читать в школьной форме.

Раиса Петровна предлагала второй вариант. Ася требовала договориться с комиссией, чтобы между чтением моим и выступлением ансамбля поставили дуэт баянистов. А я уже соглашалась на всё, лишь бы прекратился этот безобразный ор. Тем более что в комнате с нами находились ребята из других школ. Но спор не прекращался.

– Почему, например, не регулирует этот вопрос Фарид Аминович?!

– А почему, Раиса Петровна, вы забыли, что с нами ещё Валерий Михайлович?! Можете даже не отвечать! Я сама вам скажу: потому что его вы боитесь!

– Ну, что ты, Асенька! Я же не кусаюсь, – промурлыкал Валерий Михайлович.

– Вы, конечно, не кусаетесь. Но, главное, вы старше и можете ей ответить. А Фарид Аминович промолчит. И ещё, вы занимаетесь музыкантами. Фарид Аминович следит за одеждой и внешним видом мальчиков. А что делает Раиса Петровна? – вопрошала Ася.

– Я согласна читать в школьной форме. Только, пожалуйста, давайте прекратим всё это...

– А я не согласна! – сердито выкрикнула Ася.

И тут Фарид Аминович подал голос, хотя и очень робко:

– У моих ребят всё в порядке. Я проверил. Так что могу попытаться поговорить с кем-то из комиссии. Правда, за результат не ручаюсь, но попробовать можно.

– А ты возьми с собой Киру! – предложил Валерий Михайлович.

– А давайте, Раиса Петровна, я буду за Киру читать, а она пусть поёт. Я могу в школьной форме. Какая разница! И стихотворение почти знаю, – предложение Марьям вызвало внезапный смех.

И только Ася, резко повернувшись к ней, сказала:

– Ну, Марианна, когда-нибудь ты у меня схлопочешь!

– Пойдём, – робко позвал меня, беря за руку, Фарид Аминович.

Мы шли долго по длинным коридорам. Отовсюду на нас обрушивались разнообразные звуки, извлекаемые из духовых и эстрадных инструментов. Мы говорили громко, перекрикивая друг друга. Но вот раздалась задорные голоса баянов в сопровождении зычных басов, и Фарид Аминович предупредительно напомнил мне:

– Помолчи! Голос сорвёшь! Как читать будешь?!

На минутку мы остановились возле аудитории, где репетировали танцы и где женщина надрывно и отчаянно кричала:

– Ну, куда ты несёшься в таком темпе?! Так можно и со сцены свалиться! Не приседай так низко! Наступит тебе Лёша на подол!

– Какой-то танец! Вприсядку, наверное, – заметила я, отойдя от двери.

В маленьком кабинете, заставленном столами и громоздкими стульями, нас встретила солидная дама:

– Что вам, ребятки?

«Она приняла воспитателя за воспитанника», – подумала я и отважно заявила:

– Это Фарид Аминович – наш воспитатель!

Дама улыбнулась и протянула руку вначале мне, затем – воспитателю:

– Пожалуйста, простите. Меня зовут Кира Аркадьевна.

– Ой! – вскрикнула я.

– Что такое? Что случилось?

– А мы с вами тёзки, – ответила я, уже смутившись.

– Замечательно! Присаживайтесь и рассказывайте, в чём дело? Что у нас не так?

Фарид Аминович сбивчиво, но всё же, несколько осмелев, рассказал.

– Помогите нам, пожалуйста, – подала голос и я, когда он замолчал.

– Попытаюсь. Хотя, уже сейчас это не так просто. У вас другие-то руководители есть?

– Да, – ответила я.

– Жаль, что они не побеспокоились раньше.

– Им некогда, они ругаются, – неожиданно пояснил Фарид Аминович слишком серьёзно.

Кира Аркадьевна вздохнула:

– Самое время этим заниматься!

Она стала кому-то звонить, кого-то просить, пересказывая то, что сообщил воспитатель. Записав чей-то телефон, дама снова набрала номер и повторила нашу просьбу.

На другом конце провода, очевидно, оказался кто-то, кому она тоже обещала в чём-то подействовать. Кира Аркадьевна твердила виноватым тоном:

– Я помню, помню... Да, обязательно! Не волнуйтесь!

Мы тоже волновались, ожидая результата. Ужасно не хотелось возвращаться ни с чем.

И вот наконец-то нашей спасительнице удалось кого-то уговорить. Ура!

– Что же, тёзка, вы будете читать?

– Джалиля. Стихотворение «Цветы», – ответила я.

– Очень хотелось бы послушать, но... к сожалению, у меня в это время лекции! Искренне желаю вам удачи!

Встав из-за стола, она обняла меня, обдав горьковатым запахом дорогих духов. Я поблагодарила, и мы попрощались.

– Фарид Аминович, по-моему, мы неправильно идём. Это не наша комната, – усомнилась я.

Сомнение возникло, потому что за дверью, возле которой мы остановились, слышался не хохот, а прямо-таки настоящий гогот, переходивший в лошадиное ржание!

– Да, что ты! Наши здесь, – ответил он.

И, вдруг... я услышала голос Раисы Петровны:

– Давай, Машенька, ещё раз! Только погромче и немного медленней! Прекратите смеяться! – последнюю фразу она выкрикнула. И добавила, – Всё равно придут ни с чем! Ничего у них не получится!

– А это ещё как сказать, – давясь от смеха, возразила Ася.

Мы стояли возле двери и, не стовариваясь, решили не входить сразу, подождать, что же будет дальше.

– *Над седой долиной моря*

Ветер тучу подбирает!, – заорала Марьям во всю глотку.

И опять раздался дружный смех. А Света, смеясь колокольчиком, подсказала:

– *Над седой равниной...*

– Какая разница! – огрызнулась Марьям.

Дальше стоять под дверью да ещё подслушивать было неловко, и мы вошли.

– Всё у нас получилось! Можете поздравить, – сказал Фарид Аминович.

– Поздравляем! Отлично! – ответил за всех Валерий Михайлович.

– А мы тут уже вместо тебя готовим новую заслуженную артистку Татарстана, – ехидно сообщила Ася.

– Это правда, Раиса Петровна? – спросила зачем-то я.

– Что ты, Кирочка! Ну, попробовали так, на всякий случай, – голос воспитательницы был настолько елейным, что я не поверила своим ушам.

– А, главное, Кира, спроси, причём здесь Горький? – предложила Ася, уже безудержно хохоча.

– Да, правда, это интересно, – удивился и Фарид Аминович.

И тут последовал ответ от самой Марьям:

– Я читала, что Горький – это псевдоним. А он был татарин. Его настоящая фамилия – Хабибулин.

Девочка из марийской школы ухмыльнулась:

– А у нас считают, что Горький – мариец!

Выступление нашей школы было ещё нескоро, и поэтому нам разрешили посидеть в зале в качестве зрителей.

Восторженно встречали зрители москвичей. Их хоровое пение было строго академическое. И репертуар сложный, и костюмы новенькие, элегантные! Просто на зависть!

Да, на фоне других школ мы, к сожалению, выглядели затрапезно. Обидно, но что зависело в данном случае от нас?

– Откуда возьмутся у нас новые наряды, если свияжская школа одевает всех жителей острова?! – зло шепнула сидевшая рядом со мной Ася.

Я искренне удивилась:

– Да что ты такое говоришь!

К нам обернулся Валерий Михайлович:

– Не болтайте, девчонки! Тихо сидите! А то выведут вас!

Мы присмирели.

Некоторые выступающие неоднократно переодевались для следующих номеров.

Нас совершенно очаровали наши соседи – марийцы. Они были нарядно одеты, отплясывали задорно, громко притопывали и ещё громче что-то выкрикивали на своём языке. Лихо скакали по сцене удмурты, высоко забрасывая ноги в расшитых блёстками штанах. Они резвились и тоже что-то беспорядочно выкрикивали и дробно, вразной топали под весёлые звуки народного танца.

И чуваша выступали в национальных костюмах. Пели, танцевали, читали стихи на родном языке. Никто из выступавших не чувствовал ни малейшего напряжения. Видя всё это, мы почти физически страдали: как будет выглядеть на фоне других наше выступление? Как воспримет нас зритель? А, главное, как отнесётся жюри?

Я шёпотом поделилась с Асей своим беспокойством. И вдруг она, весело хихикая, ответила, причём весьма громко:

– Да ладно тебе! Все отнесутся к нам, как к дикарям! Мы же с почти необитаемого острова! Но ты должна всё равно защитить честь и не только школы! А всех дикарей!

Ася прыснула, а Валерий Михайлович, обернувшись к нам, показал кулак.

В то время не было принято, чтобы визжали зрители в зале, чтобы подпевали артистам, свистели и что-то выкрикивали. Наши зрители аплодировали и, если выступление особенно захватывало, аплодисменты переходили в дружные овации. А иногда, случалось, скандировали «браво!»

Именно так принимала публика выступление мальчика из Вологодской области, будущую знаменитость – Василия Истомина. Это было незабываемо! Все мы тогда были влюблены в Робертино, и Вася удивительным образом напомнил этого гениального мальчика. Его сразу же стали называть «наш Робертино».

Василия Истомина – известного незрячего трубача и композитора теперь вспоминают тепло и трогательно все, знавшие его.

Василий ушёл из жизни слишком рано. Как говорят, в расцвете сил. А в данном случае, ещё и творческих сил, так как многое бы мог сделать, сотворить, сочинить, написать...

Я услышала его живую тогда в первый и последний раз. Конечно же, выступления Василия Истомина после звучали по радио. Но не так часто, как хотелось бы, как должно быть.

И вот, ведущая произнесла моё имя. Сцена, и без того огромная, показалась бесконечной. Её пространство увеличивалось, и вместе с тем я ощущала себя на ней всё

более незащищённым лилипутиком. Стояла одна-единёшенька. Стало страшно. Ноги подкашивались, и появилось неодолимое желание. Неодолимое, и такое простое казалось бы. Захотелось сейчас же сесть на пол. Я даже представила на мгновение, как буду чувствовать себя. Мне будет хорошо! Просто хорошо! Я сяду и вытяну ноги!

Всё это произошло со мной в считанные секунды, но я успела подумать о тебе, о том, что нет здесь тебя. Нет ни на сцене, ни в зале, как бывало в школе. Тебя нет! А как я без тебя?! Ты бы сейчас послушал внимательно, а потом как всегда нарочно придирался, подшучивал надо мной, передразнивая! В зале – гробовая тишина! Я – одна! Кругом ни души!

– Ты что?! Стой, как следует! – услышала я где-то вдалеке зловещий шёпот Раисы Петровны, мигом сбросивший меня на землю.

И всё же колени предательски дрожали! Я, чтобы устоять, должна была за что-то ухватиться! Ну, не за что! Никаких перил и подпорок! И тогда изо всех сил, но как можно незаметней, вцепилась в пышный подол своего нового платья. И вдруг... услышала голос, совершенно не узнавая его.

Голос зазвенел, взлетая, набрал высоту, замер и... снова зазвенел, и вновь замер. Он жил сейчас отдельно от меня, и не мне принадлежал, и не мне подчинялся. Я не помнила, где нахожусь, чему и как меня учили. Ни о чём не думала и только чувствовала, ощущала всем существом своим, как приближаясь к концу стихотворения, всё больше опустошаюсь. Прошёл страх. Волнение прошло. Но вместо ожидаемого спокойствия (уже всё закончилось) я услышала гром аплодисментов, от которого страшно растерялась. Что делать? Вот, поклонилась! Что дальше-то? Стоять? Повернуться и уйти? Но аплодисменты не затихали, а даже как будто наоборот всё усиливались, и в какой-то момент зазвучали словно выстрелы!

Ко мне подскочила Раиса Петровна и схватила за руку:
– Что ты стоишь, как столб! Пойдём!

Но почти одновременно с другой стороны обняла за плечи подошедшая ведущая и, обращаясь к воспитательнице, строго причём в микрофон произнесла:

– Оставьте девочку! Отойдите, пожалуйста! Разрешите нам полюбоваться на неё!

Ведущая так и стояла некоторое время, обняв меня, потом взяла за руку, продолжая говорить в микрофон:

– Благодарю вас! Это было прекрасно, и вы – умница!

Затем она сама проводила меня за кулисы. Под несмолкающие аплодисменты, обращаясь к залу, громко и торжественно повторила:

– Свияжская школа! Республика Татарстан!

Помня, что должна срочно переодеться, я не стала слушать, что говорили ребята. Надо было спешить.

Оказывается, между моим чтением и выступлением вокального ансамбля у музыкантов должно быть два номера.

Внезапно я почувствовала невероятную сухость во рту. Такую, что не могла пошевелить языком. А как же петь? Меня охватил ужас!

– Дайте, пожалуйста, водички, – обратилась я к Раисе Петровне, еле оторвав прилипший к нёбу язык и облизывая сухие губы.

– Ты что! Откуда у меня водичка? Придумала тоже! – сердито ответила она. И добавила, – Может, у Валерия Михайловича... Иди к нему. Он в комнате за сценой. Куда ты пошла?! Правее же! Как петь собирается?! В горлышке у неё пересохло! Надо же! – буркнула она вслед мне.

– Что ты, Кирочка! У неё и вода есть! И даже бутерброды на всякий случай! Ну, баба вредная! Так ты не слышала, что я сейчас сказал, да?

– Да, – ответила я, чуть не плача.

И тут, наклонившись к моему уху, он неожиданно прошептал:

– Я тебя сейчас исцелю! У меня, правда, только пиво... Но именно оно лучше всего утоляет жажду. Ты переволновалась, и то, что во рту пересохло, вполне естественно. А зато как читала! Здорово!

– Да вы что такое говорите? Я не могу! И потом – запах...

– Никакого запаха! Я дам тебе конфетку такую! Не беспокойся! А иначе ты не сможешь – петь! А без тебя у нас ничего не получится!

– Валерий Михайлович, а, может, Раиса Петровна нарочно меня к вам отправила? Она знает про ваше пиво?

Он ухмыльнулся:

– Знает? Конечно, знает. Сама попросила у меня. Пока ты выступала, она дерябнула полный стакан и даже крикнула! Ещё бы не знать! Так, давай, быстренько! Я же тебе не стакан предлагаю, а пару глоточков. И не бойся! Болтать не будешь, никто не узнает. А мне нет смысла рассказывать, потому что надо, чтобы ты могла петь.

Я, содрогаясь, сделала несколько глотков и почувствовала сразу же лёгкое головокружение:

– Фу!!!

– Да не фукай ты! Скорей, держи конфетку! Кисленькая и запах отбивает.

Удивительно, но жажда прошла. И никто ничего не заметил. Так я впервые попробовала и познала вкус пива. Оно не понравилось мне, но... спасло от жажды!

Перед заключительной частью смотра, в которую входило и награждение за лучшие номера, Ася подошла к Раисе Петровне:

– Мне кажется, Киру надо переодеть в её красивое платье. Наверняка, её отметят.

– Почему ты мне всё время указываешь? Будто я без твоих указаний не знаю, что мне делать!

– А если знаете, то чего ждёте? – угрюмо подытожила Ася.

– Я уже уложила её платье в чемодан, понятно? И отстань, пожалуйста! Если даже отметят, то платье уже не играет никакой роли! И хватит!

Ася не выдержала:

– Хватит! – передразнила она воспитательницу и добавила, слегка понизив голос, но так, чтобы присутствующие услышали, – Дурра с лопатой... а туда же!

Кто-то хмыкнул. А Раиса Петровна сделала вид, будто не слышала.

Моё выступление действительно отметили. Но, принимая из рук всё той же ведущей грамоту и букетик цветов, я испытывала жгучий стыд, представляя, как нелепо выгляжу в своей старой школьной форме. Хотелось поскорее покинуть эту сцену, провалиться сквозь неё или стать невидимой... Но как нарочно ведущая вся в шелестящих шелках, большая и тёплая, удерживала меня, стоя рядом и обнимая за плечи тяжёлой мягкой рукой, обдавая смешанным запахом духов и пота.

Аплодисменты усиливали моё смятение.

Ведущая, как и после выступления, сама проводила меня и передала Раисе Петровне. Ася взяла из моих рук цветы и грамоту со словами:

– Всё хорошо! Ну, что ты так нервничаешь? Давай сюда, а то всё помнёшь сейчас.

– Ребята, не расслабляйтесь! Сейчас едем на экскурсию – домик Петра! – громко объявила Раиса Петровна.

– Вообще-то я думал, что у Петра должен быть не домик, а домище! – пошутил кто-то из ребят.

В это время на сцене кого-то поздравляли под аплодисменты. Но не та ведущая, которая объявляла моё выступление и вручала грамоту.

Через несколько минут она подошла к нам из-за кулис.

– Кира, после награждений я приду за тобой. Никуда не уходи, хорошо? Подожди меня, – сказала она и направилась к микрофону.

Наша воспитательница поспешила за ней:

– У нас экскурсия! Прямо сейчас! Мы не можем ждать Киру!

– Экскурсия подождёт, – ответила ведущая, не оборачиваясь.

Вернувшись, Раиса Петровна вдруг набросилась на меня:

– Что ты там опять натворила?! Ты что?! Жаловалась?!

– Раиса Петровна, вам плохо? Вы заболели, что ли? – съехидничала Ася.

Воспитательница отошла и шёпотом заговорила с Валерием Михайловичем. Послушав её, он вдруг громко сказал:

– Да ладно тебе, Райка! Отстань ты от девочек! Они сами всё знают. И, кстати, на экскурсию ты поедешь! У нас с Фаридом дела тут есть! Да и этот домик я уже видел сто раз...

Она молча отошла к мальчикам.

Зал постепенно пустел. Вернулась ведущая:

– А мы ведь не познакомились! Я – Лора Павловна. Нас ждёт жюри. Что же ты так дрожишь?

– Лора Павловна, а меня отпустили?

– А кто может не отпустить? И с какой стати? Пойдём!

Я обернулась к Раисе Петровне и всё же тихо спросила:

– Можно я пойду...

– Ты уже идёшь! – раздражённо ответила воспитательница.

Мы спустились со сцены, пройдя по залу несколько шагов, вошли в небольшую комнату. Здесь было накурено, и я сразу громко чихнула. Восседавший ближе всех к двери пожелал мне доброго здоровья. В голосе его отчётливо прозвучали профессорские интонации. Он поблагодарил Лору Павловну, и она спросила:

– Я пока не нужна вам, Семён Борисович?

– Только пока, – сказал «профессор».

Возможно, он и в самом деле был профессор...

– Галочка проводит, – пообещал он Лоре Павловне, и та, быстро попрощавшись со мной, вышла.

– *Представьтесь*, пожалуйста. *Правда*, мы уже знаем, что зовут Вас *Кира*, – обратился ко мне тот, кого я посчитала профессором.

Я растерялась. Стояла молча и чувствовала, как запыхали мои щёки. Выручила молодая дама, которую назвали Галочкой:

– Расскажите нам о вашей школе. В каком классе вы учитесь? Кем мечтаете стать?

Я попыталась взять себя в руки, и заговорила:

– Я в девятом учусь. А в этой школе – первый год. И последний – тоже, – дополнила самое себя, вдруг вспомнив.

– А это правда, что школа находится на острове? – спросил мужчина, до сих пор молчавший.

– Да, правда. Это остров – Свияжск.

Вдруг все (их было человек шесть или семь) разом заговорили, причём очень оживлённо.

– А мечта? Кем вы хотите стать? – продолжила свои вопросы Галочка.

– Может быть, буду музыкантом. Ну, так. Без мечты. Просто, – ответила я, смущаясь и чувствуя, что говорю глупости.

– Вы не любите музыку?

– Как же так, Кира?

Я лихорадочно соображала, как бы перевести разговор на другую тему. Ничего не приходило в голову, а молчать неудобно... Надо что-то отвечать! Внезапно я даже подумала, что задерживаю их всех, вероятно. Слегка осмелев, сказала:

– О чём мечтать, если всё равно выбора нет никакого. Я буду плохим музыкантом. Всё равно это лучше, чем...

И тут я осеклась. Что они об этом знают?

Кто-то тихонько засмеялся:

– Ну, вот! Наконец, заговорила!

– У детей сейчас экскурсия. Позвольте, я всё-таки хотел бы поговорить с нашей островитянкой кое о чём, – обратился к присутствующим профессор.

И все поддержали его.

– Во-первых, нам очень понравилось ваше чтение. Это было необыкновенно! Не могли бы вы сейчас прочитать ещё что-нибудь? Коротенькое.

Он говорил так тепло и как-то ласково, что я успокоилась:

– Могу прочитать стихотворение Вадима Шефнера. Называется «Природа».

– Пожалуйста.

Я начала читать, и снова, как только что на сцене, мой голос отделился от меня.

...Так завистью, хитростью, силой

Наследует землю навек

Нагой, безоружный, бескрылый,

Бессмертный твой сын – человек! – выдохнула я

последние слова.

И слышала аплодисменты присутствующих:

– Bravo! Bravo!

– Обязательно расскажу Вадиму Сергеевичу, – пообещал профессор.

Минуту помолчав, он опять заговорил со мной:

– Жаль, у нас мало времени. Вы пробуете писать стихи?

– Ну, какие же это стихи? Правда, есть у нас в школе литературный кружок...

– Кто с вами занимается сценическим чтением?

– Наверное, воспитательница. Ну, я читаю по-своему, как мне нравится.

– Молодец! Всё правильно. Как думаете, что вам мешает, чтобы читать на пятёрку с плюсом? От чего вам необходимо избавиться?

– Не знаю, – почти прошептала я.

И тут профессор произнёс слово, значение которого мне было неведомо:

– Вам необходимо избавиться от *ггассигования*. Я думаю, что у Вас получится. И ещё, мы с коллегами посоветовались и решили вам предложить... Мы хотели бы помочь такой талантливой девочке. Мы могли бы ходатайствовать о том, чтобы перевести вас в школу, в нашу школу, чтобы вы окончили её в Ленинграде. Ну, просто, мы могли бы вас рекомендовать в десятый класс. И совсем напрасно вы собираетесь покинуть школу после девятого. Надо обязательно получить хорошее образование. Что вы скажете? К сожалению, у вас нет времени на размышления, но... о чём здесь думать? Решайтесь! У вас должно быть – большое будущее!

Решать мне было нечего. Всё решено. Советоваться не с кем. Поддержать некому. А ещё одной новой школы уж точно не выдержать! В голове всё кружилось и «гоготало» непонятное, незнакомое слово, которое обозначало то, от чего я должна была избавиться.

Замечу, между прочим, выяснив значение его, несколько позже, я частично избавилась от такого недостатка. Искоренить его полностью так и не удалось. К тому же, вспоминая ту встречу с такими добрыми и удивительными людьми, пожелавшими поучаствовать в моей судьбе, должна отметить, что практически все они отчаянно гграссировали и вряд ли считали гграссирование существенным недостатком в их речи.

– Я очень благодарна... Но у меня не получится со школой. Я не смогу уже...

– Есть серьёзные причины? – спросил профессор, как бы недоумевая.

– Есть. Их немало. Простите. Спасибо.

Ещё немного и я расплачусь. А это уж совсем никуда не годится.

– Пожалуйста, проводите меня. Я боюсь заблудиться. И экскурсия...

– Да, конечно! – живо отозвалась Галочка и быстро встала со своего места.

Профессор тоже поднялся, подошёл ко мне и взял за руку:

– Мы вам очень признательны, и очень надеемся, что вы достойно справитесь со всем, что встретите на своём пути! Вы – милая! Вы очаровали нас! А где, простите, ваш сказочный наряд? Он вам очень идёт!.. Ну, прощайте!

Едва сдерживая слёзы, я вышла с Галочкой в опустевший зал, где встретила с Раисой Петровной.

– Все уже давно в автобусе, – пробурчала она.

На что Галочка, прощаясь со мной, ответила воспитательнице:

– Вы должны гордиться вашей воспитанницей! Поверьте, настанет время, и вы захотите гордиться, потому что Кира прославит и вас, и вашу школу, и даже ваш остров!

Галочка звонко рассмеялась, быстро обняла меня и поспешила к своим коллегам.

– А ты не зазнавайся, – вдруг сказала Раиса Петровна, как будто всё время, пока я находилась в комнате с жюри, она урезонивала и спорила со мной.

Глава двадцать седьмая

Экскурсия. Болею. Приключение в пути. Авочка и её откровения.

– Аккуратно! Здесь высоко, – предупредил Фарид Аминович, подавая мне руку. И добавил, – Ася заняла тебе место. Пробирайся к ней быстренько! Заждались уже...

Ася пропустила меня к окошку и тихо сообщила:

– Раиса Петровна просила поменяться с ней местами. Видно, хочет разузнать, что там говорили тебе.

– А ты?..

– Я сказала, что она – любопытная Варвара!..

– Ася, ну, зачем ты всё время ей дерзишь? Всё равно, ничего не изменится. И она не изменится.

– Знаешь, просто она мне надоела! До всего ей дело! Мы же не маленькие в конце концов! Ну вот, смотри. Я же не спрашиваю, о чём с тобой говорили? Для чего вызывали?

– Да я и так тебе всё расскажу, – пообещала я, а затем, подумала: стоит ли? И как на такое предложение жюри будет реагировать Ася? Хотя, если она стала моей близкой подругой, какая разница? Она скажет честно, что думает.

Ася прервала мои размышления:

– Здесь ничего не рассказывай. Потом поговорим. Сама знаешь, везде имеются уши, да ещё такие любопытные и длинные!

Ехали мы долго. Я почувствовала усталость и задремала. Даже уснула на какое-то время, и, показалось, что Ася придерживает меня на поворотах.

А когда приехали, и всех попросили покинуть автобус, да поживее, я вдруг подумала, неудобно и неприлично – вот так запросто ввалиться в жилище царя. Ну, даже если бы это был не царь! Какое мы имеем право входить туда,

где он спал, работал, может быть, секретничал с кем-то? Ведь только сам хозяин своего дома может разрешить или не разрешить войти в его дом.

К тому же, меня знобило, как от холода.

– Что это у тебя такие руки горячие? Ты не заболела? – спросила Ася, дотрагиваясь до моей руки.

– Не знаю, но мне холодно почему-то, – ответила я тихо.

– Раиса Петровна, Кира заболела! Пусть посидит в автобусе! – громко обратилась к нашей воспитательнице Ася.

– А ты кто? Доктор, что ли? – раздражённо ответила Раиса Петровна.

Но тут кто-то взрослый из другой школы вмешался в привычную уже для нас перепалку:

– В автобусе нельзя. Здесь она совсем замёрзнет. Тем более, если заболела.

Я с трудом поднялась. Голова кружилась, слегка подташнивало. Ноги стали как будто ватные.

– Что-то непонятно, куда делся Фарид Аминович? – удивилась Ася.

– Валерий Михайлович же сказал, что они с ним не поедут. У них какие-то дела.

– У них? Дела? – Ася усмехнулась.

Похоже, Раиса Петровна испугалась, взглянув на меня, потому что попросила у кого-то стул и предложила мне присесть почти у самого входа. Экскурсовода я не слушала, да и не слышала бы, потому что народ гомонил, топотал, бесцеремонно вышагивая «по чужому жилищу». А мысль о том, что «жилище чужое», и присутствие здесь посторонних людей является чем-то запретным, может быть, даже безнравственным, – эта мысль не оставляла меня и не давала покоя.

Не помню, как ехали назад. Слышала только гул мотора, да Ася что-то говорила, обращаясь ко мне. Но из

всего, что она говорила, я расслышала и смогла разобрать лишь одну повторяющуюся фразу: «Представляешь, два метра и четыре сантиметра!» Позже Ася объяснила: оказывается, такую информацию о росте Петра сообщила экскурсовод, что вызвало всеобщее удивление.

Пришла в себя, когда уже лежала в постели и почувствовала боль от укола.

– Ну, вот! Кажется всё в порядке, – сказал незнакомый мужской голос.

– Я – доктор! Скажи мне, что болит? Глазки открой! Ты слышишь меня, Кира?

– Да, – ответила я, не узнавая своего голоса, настолько он был слабый и измученный.

– Доктор, что со мной?

– Ничего страшного. Ты переволновалась, очевидно. Поднялась температура. Таблеточки у твоей подруги. Больше пей простой водички. Всё поняла?

– Да, – почти прошептала я.

– Вот и хорошо. Давай-ка, мы ещё послушаем тебя, чтобы исключить все неприятности.

Ася сидела на соседней кровати и подавленно молчала. Молчали все, и эта тишина как-то особенно угнетала меня.

– Спасибо вам, доктор, – с трудом выговорила я.

– Спасибо, – повторила за мной Ася.

Он попрощался и – ушёл.

– Нас всех зачем-то приглашают в зал. А ты попробуй уснуть. Здесь никого не будет, – с тревогой в голосе сказала Ася и направилась к выходу. Молча, за ней вышли остальные.

Я не спала. Теряя ощущение реальности, временами я как будто куда-то проваливалась, слыша непрерывный шум. Вероятнее всего, шумело в ушах.

С детства мне было присуще чувство времени. В любой момент, даже ночью, могла сказать который час. Если ошибалась, то на десять-пятнадцать минут – не больше.

Теперь же совершенно не понимала который час. День? Ночь? И вообще, где нахожусь?

Возле моей кровати всё время кто-нибудь сидел, подавал мне воду, таблетки. Но это уже была не Ася, а, скорее всего, наши соседи.

Иногда комната пустела. Все куда-то уезжали. Видимо, на какие-то экскурсии или в театр. Но одну не оставляли. Кто-то всё время был рядом. Чаще других я слышала голос Хильды. Меня пытались накормить, но глотать я не могла и только пила противную тёплую воду.

– Я так и знала, что с ней хлопот не оберёшься, – недовольно проворчала Раиса Петровна, когда Ася стала меня поднимать.

– Уже сейчас поедем, – Света подала мою одежду.

– Куда поедем? – спросила я, почти не слыша своего голоса.

– Как это «куда?» – Света тихо рассмеялась и ответила, – Домой, конечно! Куда же ещё?

– Девочки, не болтайте! Одевайте её поживее и – вперёд! Автобус ждёт!

В автобусе уже сидели ребята из чувашской и марийской школ.

– Фарид, быстро сделай переключку наших!

– А список-то у вас, Раиса Петровна, – ответил Фарид Аминович.

Воспитательница захохотала, засуетилась и, в конце концов, обвинила меня. А в следующую минуту нашла список в собственном кармане. И тут вдруг выяснилось, что все наши на месте. Все, кроме Камиля!

– Где?! Где он?! Где его искать?! Мы же опоздаем на поезд!

Раиса Петровна теперь обвиняла всех подряд.

– Вам придётся покинуть автобус, – сурово сказал уже не наш воспитатель.

– Мы не должны страдать из-за вашей неорганизованности.

Поднялся ужасный шум. Все кричали, но невозможно было что-нибудь разобрать в таком гуле голосов.

Покричав, все стали призывать друг друга к спокойствию и тишине. Мало того, все требовавшие тишины, якобы, собирались сообщить что-то важное. Похоже, свои предположения, где может находиться наш Камиль.

И вдруг... какая-то девчонка, не из наших, громко взвизгнула:

– Если не дадите мне сказать, я сейчас разобью окно в автобусе!

– Вот это да! – восхитился кто-то из пацанов.

Но, как ни странно, в ту же минуту народ поутих.

– Я из Чувашии! Понятно? Нюся меня зовут! Понятно? – визгливо продолжила свой монолог девчонка.

– Да, говори уже скорей, что хотела, – поторопил её кто-то из взрослых.

– А я что делаю? – огрызнулась она. Затем продолжила, – Когда Андрей Андреевич сказал, что надо собираться, что автобус уже подъехал и ждёт, я спросила, где он стоит. А ещё я спросила, сколько он будет ждать. А Андрей Андреевич говорит: сколько надо, столько и будет ждать. Я пошла к нашим девочкам...

– Да что ты тянешь кота за хвост! Если нечего сказать, то и начинать не надо было!

– Нюся и есть Нюся!

Ещё несколько голосов выразили своё недовольство. На это в очередной раз Нюся более жёстко пригрозила:

– Кто-нибудь ещё меня оскорбит, сразу звездану утюгом по стеклу и ничего не скажу! И все опоздают на поезд! Поняли? Так что слушайте дальше!

– А откуда у тебя утюжок-то? – перебросил кто-то из старших ребят.

– От верблюда! Забыли, что ли, кто гладил всем рубашки?! В общем, как хотите, а я сделаю всё, как сказала! Поняли?!

– Ну, Нюся! Это же захват! Мы стали твоими заложниками! – подал голос наш Валерий Михайлович, надеясь, очевидно, растопить сердце Нюси ласковым мурлыканием. И добавил, будто сожалея, – Ты ведь тоже опоздаешь вместе со всеми на поезд и останешься здесь, в Ленинграде.

На реплику Валерия Михайловича Нюся неожиданно весело парировала:

– Вот и хорошо! Для меня очень даже хорошо! У меня же здесь тётя Маша живёт!

Все так и покатались со смеху.

– Да не смейтесь вы, как дураки, – уже спокойней сказала Нюся.

– Послушайте! Андрей Андреевич сказал мне: быстро всех собери! А девочки наши уже были готовы почти, и я пошла к мальчишкам. А там увидела, что на Борькиной кровати кто-то спит. Я их спросила, кто это? А они мне сказали, что это не наш и чтобы я его не беспокоила.

Наверно, этот пацан – ваш Камиль!

Фарид Аминович внезапно оживился, схватил Нюсю за руку и потащил к выходу:

– Пойдём, Нюсечка! Скорей, пойдём! Ты покажешь!

– Вот так и надо было сразу! А то разорались все на меня, как бешеные.

В результате оказалось, что на Борькиной кровати спал не кто иной, как наш Камиль! Автобус встретил их всех троих аплодисментами, и Нюся важно поблагодарила присутствующих.

Раиса Петровна была готова наброситься на нашего мальчика, но Валерий Михайлович предотвратил её нападение:

– Успокойся! Хватит ребят шпынять! В конце-то концов, ты же знала, куда едешь! Да, ребята подустали. Программа насыщенная.

И – воспитательница на сей раз уступила.

Понимая, что в дороге мне придётся отлёживаться, чтобы окончательно прийти в себя, я забралась на

верхнюю полку. Напротив меня оказалась Света, Ася и Марьям – внизу.

А когда поезд тронулся, в наше купе робко вошла Авочка, тихая и скромная Августа. Авочка пела в ансамбле девочек. У неё был тихий голос, но привлекал каким-то необычным тембром. Она училась в нашей школе второй год, и, видимо, так и не привыкла ещё. Правда, в конкурсе на лучшее сочинение о Свияжске, который проводился в старших классах, Авочка заняла второе место – после меня. Но приз получила более интересный. Ей вручили деревянную шкатулку ручной работы. Мне тоже – шкатулку, но пластмассовую, на крышке были изображены три богатыря. Призы распределяла Марина.

– Девочки, можно я буду с вами? – чуть не плача, спросила Авочка.

– Конечно, присаживайся, – гостеприимно пригласила её Ася и предложила попить с нами чайку.

От чая Авочка отказалась, присела рядом с Асей и – вдруг громко всхлипнула.

– Ты что? Что случилось? Кто тебя обидел?

Ася ужасно разволновалась, всё задавала и задавала свои вопросы, пока не вмешалась Света:

– Ася, тебя как раз не было там, когда Раиса Петровна наговорила ей всяких глупостей. Сказала, будто бы Авочка... В общем, даже не хочу об этом!

– Не хочешь или боишься? – сердито обратилась к Свете Ася.

– Пожалуйста, девочки! Не ссорьтесь из-за меня! Я сама виновата. Не надо было мне ехать в Ленинград. Правильно Раиса Петровна говорит, что от меня никакого толку нет.

– Вот ещё! – возмутилась Ася и немедленно распорядилась:

– Марианна, быстренько чеши на место Авочки! А я пойду с тобой, всё объясню и заберу её вещи. Тем более,

наша воспитательница в тебе души не чаёт! Ты же у нас и артистка, и певица, и чтица... и прочее, что потребуется!

Таким образом, состав пассажиров в нашем купе на обратном пути изменился.

Вскоре Ася со Светой дружно засопели. Авочка, немного покрутившись, казалось, тоже заснула.

Я спать не хотела. Вероятно, выпалась за время болезни. О чём бы ни думала, возвращалась к мысли, что же дальше будет со мной? Вот вернёмся в школу... А потом? До конца учебного года останется совсем мало времени. Вместо того, чтобы радоваться весне, наслаждаться неповторимой природой, надо готовиться к экзаменам. Конечно, все всё сдадут. И я тоже. А потом?

Я должна буду расстаться с тобой, с Вадимом, с Анной Николаевной... со всеми, к кому уже всё-таки начала привыкать. Да, а ещё... Что это за «Каратун?» Вадим же будет настаивать, чтобы я поехала к этой самой целительнице! Для чего мне это нужно? Причём, возможно, это далеко. Как туда добираться? И как потом в любом случае объясняться с родителями? Вопросы... Вопросы...

* * *

Дверь в купе тихонько поехала и также тихо вернулась в прежнее положение. Я вздрогнула. Света тоже зашевелилась и, когда я повернулась к ней, прошептала:

– Это Авочка вышла. Спи. Может, тебе что-нибудь нужно?

– Нет. Спасибо. Света, а куда она пошла?

– Ну, наверное, в туалет.

Ещё немного пошептавшись, мы замолчали. Света сладко зевнула. А я по-прежнему спать совсем не хотела. Авочка всё не возвращалась. Я осторожно спустилась вниз, на всякий случай взяла свой тёплый платок для неё (на мне была тёплая кофта). И вышла из купе.

Авочка стояла в тамбуре, всматриваясь в ночь. Она испуганно зашептала:

– Ты почему не спишь? Это я тебя разбудила, да?

– Ну, что ты придумываешь! Я же не спала, когда ты вышла.

– Ты знаешь, а я побоялась вернуться за кофтой, чтобы никого не потревожить. А здесь, оказывается, так холодно!

– Вот тебе мой платок! Тёплый-тёплый. Я специально для тебя прихватила.

– Спасибо! А как же ты?

– А у меня кофта. Потрогай, какая толстая! И мягкая!

Я накинула на неё платок. Авочка поблагодарила и некоторое время молчала.

– Хочешь спать? – спросила я.

– Ну просто, ни капельки, – ответила она и улыбнулась.

Мы ещё немного постояли в тамбуре. Действительно, было здесь прохладно.

– Слушай, а пойдём в вагон и там поболтаем. Все двери купе закрыты. Мы никому не мешаем. А здесь и простудиться недолго.

– Да, холодно в тамбуре.

Решив, что мальчишки спят крепче и ничего не слышат, мы остановились напротив их купе.

– Кира, а это правда, что ты учишься последний год?

– Правда. Я буду поступать в училище. Вместе с Асей.

– Может быть, тебе надо окончить школу всё-таки?

Ты же талантливая. Могла бы поступить в институт или университет. Говорят, тебя очень хвалит Вартанов.

– Кстати, Авочка, Вартанов и тебя очень хвалит.

Почему ты бросила кружок?

– В прошлом году я не пропустила ни одного занятия. Он отправлял мои стихи в какой-то журнал, и там их даже опубликовали...

– Вот и писала бы дальше. Он читал нам твои стихи. Мне понравились. Сейчас не пишешь, да?

– Ну, почему? Пишу. А ты, Кира, в самом деле, ничего не знаешь? Не знаешь, почему я ушла из кружка? Я думала, тебе давным-давно рассказали наши сплетницы, да ещё в таких красках расписали.

– Честное слово, не знаю. Да и кто бы мне рассказал? Ты же знаешь, что со мной мало кто из девочек разговаривает нормально. Ближе других ко мне была Флора...

– Да, я понимаю: так было до их дружбы с Женей. В других классах, кроме своего и малышейских, ты не бываешь. В нашем ни разу не была, да?

– Не была. Вы – выпускники и так думаю много занимаетесь.

– Да что ты? Вместо того, чтобы выполнять домашнее задание, мы все читаем книжки. Эллина читает романы. Мальчики – Стендаля, Лондона. Кое-кто – Мопассана.

– А ты что?

– Как-то больше поэзию. Есенина, конечно. Классику. Серебряный век... Жаль, Кира, что ты решила уходить после девятого.

– А что тебе-то жалеть? Ты ведь и сама уже уходишь. Авочка хмыкнула:

– А в прошлом году я даже хотела остаться на второй год, чтобы ещё немного побыть здесь. Короче, ты ничего не знаешь, а я тебе расскажу, если хочешь.

– Интересно. Расскажи, если тебе удобно.

– В общем, я приехала в десятый класс и как ты была «новенькая». А до свияжской школы училась в обычной, хотя лет с пяти страдала диабетом. Где-то в классе седьмом состояние ухудшилось значительно. А тут ещё умер папа. И через год мама вышла второй раз замуж. Отношения с отчимом не заладились. Его любимой фразой, чтобы меня обидеть, как-то сильнее задеть, была фраза: «Иди, надень очки!» Правда, при маме он избегал это произносить лишний раз. А в очках я стала нуждаться всё больше. Так вот, классный руководитель

порекомендовал эту школу. Странно, но здесь я даже стала лучше себя чувствовать. На каникулах сдала анализы, и оказалось, что сахар нормализовался почти.

Когда приехала, сразу записалась в литературный кружок. И вот, ещё... сразу влюбилась. Все решили, что в Крутова. Девочки меня невзлюбили. Было почти, как с тобой. Крутов, правда, часто заглядывал в наш класс, и каждый раз, обращаясь ко мне, дурачился. Например, декламировал во всю глотку или шёпотом так таинственно:

*«Что ж так имя твоё звенит,
Словно августовская прохлада?»*

– Да, чудесное стихотворение Есенина, посвящённое Августе Леонидовне Миклашевской.

– Да, замечательное! Только я-то здесь причём, Кира? Да и приходил он в наш класс вовсе не ко мне, а к Марлену, своему закадычному другу.

– Ой, Авочка, я вспомнила! Кто-то ведь говорил, что ты, как приехала, сразу подружилась с Рашидом! Значит, ты любишь Рашида! Так он же в твоём классе. Для чего тебе оставаться на второй год?

– Он, Кирочка, не только в моём классе. Мы ещё и за одной партией с ним сидим. Только я не люблю его и не дружу с ним, а немножко жалею этого несусветного лодыря и даю ему регулярно списывать все контрольные по всем предметам.

– Ну, подожди! Ты же ведь и в столовой сидишь с ним за одним столом!

– Да, конечно! Я ведь ещё и кормлю его! Он уже еле за партией помещается. Такой у него аппетит. А я, как бы ни чувствовала себя, должна соблюдать диету. Знаешь, что это такое? То нельзя. Это нельзя.

– Вот это да! Из-за кого же тогда ты хотела остаться на второй год? Так, кто у нас там в десятом из мальчиков?

– Не трудись зря, Кира. Всё равно не догадаешься. Я сама скажу. Но слишком не удивляйся, ладно?

– Не буду. Во всяком случае постараюсь.

– Я с первого же дня, Кира, влюбилась в Вартанова! Вот так! А он был со мной всегда такой... В общем, я подумала, что он тоже ко мне неровно дышит. Но, увы! Знаю, что ты ему понравилась, когда приехала. Потом, кажется, узнал про ваш роковой «треугольник» и расставил точки. Увлёкся учительницей из соседней школы. Она там ведёт географию, что ли. А теперь ходят слухи, что собрался жениться на казанской врачихе.

– Да, мне тоже говорили. А неужели, Авочка, тебе нисколько не нравился Крутов?

– Ревнуешь? Или, может, думаешь, что он такой?! Думаешь, что его должны любить все? Нет, Кирочка, нисколько! Грубость его, конечно, напускная. Только видимость. Он очень сентиментальный. Ну и талантливый, конечно. Но вот что плохо, он – слабый. На него нельзя рассчитывать.

– Неправда! Ты не знаешь. Было такое, что однажды... Впрочем, что о нём говорить!

– В том-то и дело, Кира, что это было однажды. Я знаю. Это ты про то, как он спас тебя? А ты вспомни, что перед тем, – сам же спровоцировал Вадима. А теперь вот ты из-за него уходишь из школы, не получив среднего образования. Пусть бы он ушёл!

– Ты что? Куда он уйдёт?

– А ты, Кира? Ты куда?

– Я? Я в училище. В музыкальное.

– Нужно оно тебе сто лет! Для себя ты довольно-таки хорошо играешь. Я как-то подслушала. Ты пойми! Там же конкурсы! И на Асю полагаться никак нельзя, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Она же меня убедила. Уговорила.

– Ася – конкурентка! Она будет делать всё, чтобы поступить самой. Но даже пальчиком не шевельнёт, чтобы поступила ты!

– По-моему, Авочка, ты зря так думаешь. Она – справедливая и добрая.

– Ты очень доверчивая и даже наивная. Я старше тебя, прости. Это же естественно, что ты хуже разбираешься в людях. Ты идеализируешь, придумываешь и приписываешь им достоинства, о которых они даже понятия не имеют. А у меня была возможность убедиться в том, насколько Ася добра. И Крутов ваш. Слабак и трус.

– Не говори о нём так, пожалуйста.

– Я расскажу тебе...

Но рассказать Авочка не успела. Кто-то подошёл к нам сзади и обеих обнял толстыми и мягкими лапами в лохматых рукавах вязаной кофты.

– И что же вам не спится, красавицы? – ласково прошептала большая мягкая тётка.

Мы вместе с Авочкой одновременно ойкнули, а она тихонько засмеялась.

– Да не бойтесь вы! Я – Дина! Дина – я, проводник. Смотрю, всё стоите. Пойдёмте ко мне. Я вам чайку горячего налью, раз всё равно не спите. Можете и посидеть там у меня. А я пойду, подружку проведу.

Коротко посоветовавшись, мы втроём направились к купе Дины. И тут, откуда ни возьмись, появилась Раиса Петровна:

– В чём дело? Куда это вы собрались? Августа, ты ушла из купе, чтобы болтаться по вагонам? Быстро идите к себе!

– Ну, что ты всё время цепляешься ко всем? У тебя мужик-то есть? – Дина вступила в переговоры с нашей воспитательницей.

Как это часто бывает, смешно становится тогда, когда смеяться просто неприлично. Мы с Авочкой прыснули, а потом уже стали смеяться, зажимая себе рты. А Дина продолжала:

– Иди, попей с девчатами чайку, всё равно не спишь. Маленько успокойшься. Может, и поласковой к детям-то будешь. Смотрю я, ребятки-то какие хорошие.

Она ухватила за руку Раису Петровну и потащила по проходу, в котором они вдвоём едва помещались. Мы шли за ними, кое-как сдерживая смех.

– Не отставайте, девчата! А ты шагай, не стесняйся!

– Да отпустите меня! Не хочу я вашего чая!

– Глянь-ка на неё! Гордая какая! А чем мой чай хуже твоёго, а? Сейчас вот люди начнут вставать, так сама просить будешь! Так вот!

Несмотря на рьяное сопротивление Раисы Петровны, мы оказались в купе проводника, и пока Дина ходила «проведать» подружку, в конце концов приятно почаёвничали. А Раиса Петровна даже сходила к себе за печеньем. Когда она уходила, Авочка заметила:

– Но ведь может быть человеком, если захочет.

А я, думая об откровениях Авочки, совсем даже невпопад, ответила:

– Жаль, ты не рассказала... Ну, что собиралась рассказать.

Она пообещала:

– Приедем домой, расскажу обязательно!

Глава двадцать восьмая

Общешкольная линейка. Урок физики. Разговор с завучем и – картина. Песня. Одиннадцатый класс.

Школа с нашим возвращением из Питера превратилась в гудящий улей. Малыши и взрослые не давали прохода. О чём только нас ни спрашивали: про театры, экскурсии, жителей Ленинграда. А ещё, про учащихся из других школ. Спрашивали о том, как нас кормили и в каких условиях мы жили.

А мы рассказывали... рассказывали... Рассказывали, какое вкусное в Ленинграде мороженое! Рассказывали, как нас встретили наши соседи, и мы почти поссорились с ними. А потом вдруг помирились. Мы показывали, как жители Ленинграда переходят улицу. Не спеша, большими группами пешеходы идут, слегка раскачиваясь и разговаривая между собой так, будто сидят на кухне за столом и пьют чай. Говорят про погоду, рассказывают про своих детей.

Нам немного завидовали. А над нашими рассказами весело смеялись. Но, конечно же, больше всего расспрашивали о выступлениях. Ребята хвалили меня. А Раиса Петровна, усмехаясь, говорила:

– Да все прекрасно выступили! Ничуть не хуже её.

На перемене после первого урока состоялась общешкольная линейка. Все классы выстроились в коридоре на втором этаже. И тут, оказалось, что места всем не хватает. Малышей попросили потихоньку спуститься на первый этаж, где один из учителей должен был дублировать речь директора. Но среди самых маленьких были самые хитренькие, которые не поддались на сомнительное предложение взрослых. Одни стали прятаться за спины старшеклассников, другие

обратились к более распространённому и действенному приёму: они не просто упрямылись, а начали громко реветь, при этом всё усиливая громкость. И тогда несколько человек из старшекласников расположились на ступенях лестницы. Правда, всё равно было очень тесно. Но школа должна знать своих герсев. Значит, придётся потерпеть.

Эмиль Закирович начал заготовленную речь сбивчиво. Видно, волновался ужасно! Он вытирал пот со лба, откашливался и смешно кряхтел, путал фамилии и даже мешал русские и татарские фразы. Мы никогда его таким не видели и едва сдерживали смех. Директор особо отметил моё выступление и тот факт, что я награждена дипломом. Он не смог промолчать и выразил сожаление о том, что после окончания девятого класса решила покинуть школу. Тут несколько малышейских голосов выкрикнули громко, вразной:

– А мы её никуда не отпустим!

– Ну, хорошо! Хорошо, – стал успокаивать их Эмиль Закирович. Затем, обратился к учителям, – Может быть, кто-то хочет сказать? Только коротко, пожалуйста. А то малышня уже устала. Впереди уроки.

Он уступил свою весьма ограниченную площадку Вартанову.

– Дорогие ребята, Эмиль Закирович всё сказал, и я присоединяюсь ко всему сказанному с чувством гордости за нашу школу, за наших талантливых учащихся, и готов повторить сказанное директором! И вы тоже, мои дорогие, где бы ни были, что бы с вами ни произошло, и даже неважно, сколько времени вы здесь обучались, помните! Помните о нашей школе, которая отличается в первую очередь от других школ своим географическим положением. Я хотел сказать, отличается тем, что находится на легендарном острове. А это значит одно: подобных школ не существует! Свяжская школа бесподобна! А если вам напомнят пословицу про то, что

всяк кулик своё болото хвалит, так ведь это вовсе не про нас! Мы же с вами не сидим в болоте, а живём, учимся, танцуем и поём. И пишем стихи и прозу! И всё это происходит на чудесном сказочном острове!

Раздался дружный смех, когда Вартанов напомнил известную поговорку, противопоставляя тому самому болоту наш остров! Затем все разом загомонили, перебивая друг друга. А он, попросив тишины, продолжил своё выступление:

– Сохраните в вашем сердце и запомните навсегда не только название нашего острова, но силу и красоту природы, ощутите и впитайте ее вашими душами вместе с той духовностью, которой пронизан воздух, а мы дышим! Вода, и мы пьём её! Каждый камешек, каждый сантиметр земли содержит какую-то очень ценную информацию для человечества, которую, вероятно, ещё предстоит ему разгадать... И когда, находясь где-то далеко-далеко, вы произнесёте это магическое слово, пусть даже тихо, шёпотом – *Свияжск*, почувствуете, как повеет на вас свежестью, чистотой и непорочностью. Вы услышите плеск волн, омывающих в сущности это небольшое пространство – наш милый и незабываемый остров. Вы услышите шорох листьев в нашем школьном саду, ощутите, как убегают из-под ваших ног маленькие непослушные камешки!

У поэтессы Сильвии Капутикян в одном стихотворении есть такая строка: «Коснись тебя ветвями сада...» Вдумайтесь в эту пронзительную фразу! Вдумайтесь и вспомните неповторимые и невозвратимые дни, проведённые здесь! Вспомните ваших друзей! И тогда вы непременно почувствуете, как отзываются нежнейшие струны вашей души на такие, казалось бы, совсем простые слова!

Мы, учителя и воспитатели, руководители кружков – все, работающие в нашей школе, видим, что среди вас есть и лентяи, и очень старательные ребята. Некоторых

пока ничего не интересует, они не понимают, что повзрослеют и сказок не будет. Многое придётся решать самим. Но мы всё равно, дорогие ребята, верим в то, что вы будете благоразумны и честны в ваших поступках и отношениях с людьми! А ещё я хотел бы сказать о том, что немало среди вас талантливых, талантливых настолько, что мы, взрослые, не можем предугадать, какими станут эти ребята, когда покинут школу. Каковы будут их достижения? Главное, как они поступят со своим талантом? Но куда важнее, чтобы не зарыли его в землю, не растеряли и не разменяли на пошлость и глупости! И, конечно, чтобы не потеряли себя.

Я сейчас говорю и о моих кружковцах. Возможно, благодаря им, появятся стихи и песни о нашей школе и любимом Свияжске. Но, может быть, будет написана целая книга о нас с вами и нашем острове. О том, как мы здесь жили, учились, творили и – даже побеждали, представляя свою школу и выступая на сцене, – в городе - герсе Ленинграде!

После таких слов коридор загудел. Раздались дружные аплодисменты. А когда аплодисменты стали понемногу затихать, кто-то из ребят неожиданно выкрикнул

– Идея!!! Крутов, пиши! Напиши стишок!

– Да, а Валерий Михайлович сочинит музыку!

– Я согласен! А Кира споёт! – прокричал ты в ответ, сложив ладони рупором.

– Так! А ну, все успокоились! Прекратите шуметь, – утихомирить народ пыталась, конечно же, наша воспитательница.

У неё не очень-то получалось. Голос подал пришедший в себя директор:

– Спасибо, Рубен Саркисович! Вы сказали очень нужные и очень важные слова! А я хочу пожелать нашим выпускникам подготовиться к экзаменам как следует и хорошо сдать! И пусть сбудутся все ваши мечты и желания! Не забывайте, что школа гордится лучшими! А

теперь, пожалуйста, не спеша, расходимся все по своим классам!

Учителя стали приглашать на уроки, на ходу подхватывая ребят.

– Кира, идём, – позвала меня Ася.

– Иди, я сейчас подойду, – ответила я.

За моей спиной кто-то рыдал, громко сморкаясь. Рыдал почти в голос, не сдерживаясь. Я повернулась: О, ужас! Это была Авочка.

– Ты что?! Что с тобой случилось?! Пожалуйста, успокойся. Скажи, что такое? Ну, пожалуйста, Авочка! Перестань, – просила я, обнимая её.

– Кира! Неужели ты не понимаешь! Ведь это он всё правильно сказал! Он сказал о нас! Как мы будем дальше?! Жить как? – говорила она, продолжая всхлипывать.

– Девчонки, почему не в классе? – улыбаясь, подошёл к нам Эмиль Закирович. Авочка освободилась из моих объятий и быстро отошла.

– Ну, видишь, как Варганов ваш говорит! У меня у самого откуда-то слёзы хлюпнулись! Дай пожму твою ручку! Молодец! Я счастлив! И горжусь! На перемене спустись к Анне Николаевне. Она там что-то для тебя приготовила. Говорит, обещала что-то. А сейчас иди в класс. Умница ты наша! Не забудь, о чём с тобой договорились! Помнишь? Если не поступишь, мы ждём!

– Как не помнить? Помню, конечно, Эмиль Закирович...

* * *

По расписанию у нас была физика

– У тебя почти совсем нет оценок по физике. Наверное, он тебя спросит, – шепнул Вадим.

– Ну и что! Я успела подготовиться. Выучила целых три параграфа.

- А если не спросит, я сам в журнал тебе поставлю пару пятёрок!
- Не болтай глупости!
- Я не болтаю! Знаешь, как у меня здорово получается подделывать его почерк!

У Вадима было весёлое настроение. Хотелось, видимо, шутить. Ну а мне не до шуток. Жаль Авочку, да и себя – тоже. Становилось всё тревожней, когда вспоминала её всхлипывания и то, что она сказала.

– Кто готов отвечать? – строго произнёс физик.

Я подняла руку. А он вызвал Нину Овечкину. Нина, как всегда, приподнялась, потом присела и только после этого, похихикивая, встала. Причмокивая и произнося что-то нечленораздельное, жеманясь и противно растягивая слова, она спросила:

– А разве нам пригодится в жизни то, о чём вы спрашиваете? Даже не хочется об этом говорить! Можно мне ответить на следующий вопрос?

И в очередной раз, как многие учителя по отношению к ней, физик был благосклонен и, как все они, потакал её выходкам:

– Ниночка, следующий вопрос для тебя слишком простой, слишком лёгкий!

Она захихикала, как дурочка, заявив, что дождётся сложного вопроса и – села!

Учитель вызвал тебя. Ты сделал вид, что не слышишь. Он повторил вопрос, помолчал и потом нарочно громко крикнул:

– Крутов!!! Уши мыл?! Давно?! Ты, что! Совсем оглох?!

– К невероятной радости своей в последнее время я стал замечать за собой дополнительные дефекты и решил, что, чем их больше, тем выше будет пенсия. И можно будет не работать. Правда, могут привлечь за тунеядство, как некоторых выдающихся людей. И ещё могут мне позавидовать совершенно здоровые люди. И могут они обокрасть, раздеть, разуть и прочее.

– Вот не зря тебя Анна Николаевна называет премудрый пескарь. Любишь поболтать. А представь, захочешь поступить в институт, так? А по физике у тебя, скажем, дохлая трещка. И не только по физике... Что тогда?

– Тогда я стану музыкантом, как Кира! Для музыканта всегда работа найдётся. Можно в поездах поиграть и попеть и тогда бесплатно кататься, куда только душа пожелает. Я бы в первую очередь рванул в Питер! Эх, покушал бы там мороженое!

– Крутов, хватит фантазировать! Не будешь отвечать, дай возможность другим хотя бы получить оценку или исправить, – изрекла Света.

Её тут же поддержал Стас. На что ты мгновенно среагировал:

– Стас, неужели ты в институт собрался? Надо же школу окончить вначале!

– Какой же всё-таки ваш класс! Дотянули до звонка! На вас ведь все учителя жалуются, – подвёл итоги физик. Но ты не уступал:

– А, по-моему, они восхищаются нашим классом, делая вид, будто недовольны нами.

Зазвенел звонок, и я быстро направилась к выходу.
– Ты куда так торопишься? – поинтересовался Вадим.
– Эмиль Закирович сказал, что Анна Николаевна
зачем-то приглашает.

Ты сразу же стал громко, не меняя интонации, тупо повторять:

– А я знаю! А я знаю! А я знаю!

Меня твои восклицания вывели из себя:

– Хорошо, что знаешь! Знаешь и помалкивай, Крутов!
Если ты стал глухой, то должен быть и немой!

– Кира, а разве я когда-нибудь говорил, что я – только твой?! – ты дико захохотал.

– Дурак ты! – ответила я и вышла из класса.

* * *

Анна Николаевна встретила, как всегда, приветливо улыбаясь:

– Ну, наконец-то! Дай я тебя поцелую! Молодец! Мне Фарид Аминович рассказал, как ты красиво выглядела и замечательно выступила! Ну, а Раиса Петровна очень обижала?

– Нет, не очень. Просто, я же сама виновата, потому что заболела.

– Да ты что такое говоришь? Разве ты хотела заболеть и что-нибудь сделала для этого?

– Нет, конечно. Вообще-то, она всех понемногу обижала, кроме Марьям.

– Да-да, её Раиса Петровна не станет обижать, родители Марьяши совсем избаловали её подарками.

Я понимала, что речь идёт о воспитательнице, но всё же переспросила:

– Кого? Марьям?

– Нет, конечно. Дочь они не балуют подарками. Правда, одевают хорошо. А вот Раису Петровну... Ой, прости, пожалуйста! Тебе это незачем знать!

спохватилась завуч.

Решив успокоить Анну Николаевну, я заверила её, что никому не собираюсь рассказывать то, что от неё слышу.

– Да, ладно! Бог с ними! Раиса Петровна настолько не любит тебя, что даже на линейке не выдержала... А Вартанов – молодец! Очень хорошо говорил. Старшеклассники, некоторые взрослые даже всплакнули. Жаль, он тоже уезжает от нас. Будет жить в Казани. Хотя, кто знает, сколько времени находиться здесь осталось школе? Детям, конечно, нужны другие условия. Особенно малышам трудно. Ну, расскажи, как тебе самой поездка? Твоё выступление? Для чего тебя приглашало жюри? Кстати, у вас сейчас алгебра?

– Алгебра. Но меня даже не спрашивают уже на уроках. Всё равно ничего не знаю.

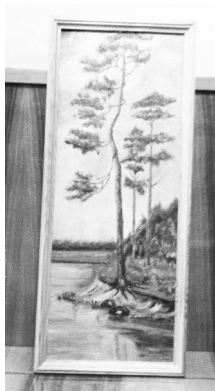
– Я на всякий случай предупредила. Сказала, что задержу тебя. Давай-ка, вначале я должна сдержать своё обещание. Ты помнишь?

Помнила, но не призналась, потому что и без того Анна Николаевна была щедра на подарки и бесконечно ко мне добра. И вот сейчас тоже: она подала мне аккуратно завернутую в шуршащую бумагу картину – авторскую работу, выполненную маслом. Надпись гласила: «Ученице девятого класса...».

– Сейчас тебе некуда её пристроить, правда же?

– Да, – тихо ответила я, едва сдерживая слёзы. Так глубоко тронул меня подарок, что забыла все слова и просто прошептала, – Спасибо вам, Анна Николаевна...

– Я вижу, как ты рада, и мне от этого приятно! Так что давай больше об этом не будем говорить. Да, скажи, а с подружкой-то встретишься?

– Встретилась. Мы даже вместе сфотографировались. И встретились два раза. Я была у неё в гостях. И она ко мне приходила, когда мы только приехали.

– Ну, замечательно! А что же жюри? Хвалили или поругали?

Я на минуту задумалась: сказать всё? Или не говорить? Может, спросить про это самое «грассирование» – что это?

– Если не хочешь, не рассказывай, – просто сказала Анна Николаевна, очевидно, заметив мою нерешительность.

– Они хвалили платье, – неожиданно для себя ответила я.

– Это, конечно, важно, – подыграла завуч, улыбаясь.

Я смутилась:

– Нет, не только. Как читала – тоже. Попросили, чтобы ещё что-нибудь почитала.

– А ты?

– Прочитала Вадима Шефнера «Природа». Они аплодировали, а потом один из жюри говорит, что обязательно расскажет автору. А ещё... Мне предложили учиться в Ленинграде, а я...

– Отказалась?

– Да...

– Жаль, конечно. Ну, что сделано, то сделано. Жалеть, как правило, если ничего нельзя изменить, – бессмысленно.

В наступившей паузе я успела подумать о том, что следует это запомнить на всю жизнь. И, правда, какой смысл сокрушаться и страдать, если нельзя ничего сделать.

– Я вот ещё о чём хотела сказать, – Анна Николаевна заговорила неуверенно, стараясь не смотреть в мою сторону. – Не знаю, допускаешь ли ты то, что можешь не поступить в музыкальное. Но точно знаю, что не вернёшься... сюда. И это понимаю, и вполне могу себе

объяснить. Но думала ли ты сама, чем будешь заниматься, если такое произойдёт. Там большой конкурс. Если кто-то из абитуриентов играет лучше тебя, как бы ты не сдавала экзамены, у того человека больше шансов. Понимаешь?

– Ну, конечно, полной уверенности у меня нет в том, что поступлю. А чем заниматься дальше?.. Нет, я не знаю.

И опять вспомнила Авочкины слова там, в вагоне. Вспомнила, что она говорила, плача после линейки.

– Скажи, пожалуйста, кто с тобой поедет? Кто будет сопровождать?

– Наверное, папа, – робко предположила я. Анна Николаевна вздохнула:

– Только, пожалуйста, не одна. А то ведь вы сразу, как только шагнёте за порог школы, считаете себя такими героями, самостоятельными и смелыми. Думаете, что все вас поймут, защитят, в случае чего... Всё, к сожалению, не совсем так. Мне кажется, было бы правильно, если бы с тобой поехал, если, конечно, папа вдруг не сможет, чтобы поехал Вадим. Он очень любит тебя, позаботится, да и придумает что-нибудь, если...

– Анна Николаевна, я устала от него, – такое признание вырвалось у меня внезапно, и стало стыдно.

Щёки запылали.

А она тихо сказала:

– Тут уж ничего не поделаешь. Как говорят, насильно мил не будешь. Ладно, беги на урок. И всё же подумай. Хорошо?

Я промолчала. О чём говорить? Ведь моя нелюбовь к Вадиму уже переходила в постоянное раздражение, доходившее до глубокой неприязни. А причина была одна. Она в наших с тобой сложных и запутанных отношениях.

Пока мы были в Ленинграде, ты изобрёл новый способ мучить меня. Тебе же недостаточно было мучиться самому. Теперь наши с тобой споры, публичные пикировки и желания уколоть друг друга как можно больнее, – всё это было ничто по сравнению с твоей находкой, как ещё можно изводить меня и доводить до истерики, которая вот-вот могла вырваться наружу и заявить о себе. Я изо всех сил сдерживалась. Боролась с собой, утешала себя тем, что скоро... скоро всё кончится.

Я как-то толком не слышала, как ты поёшь! Хор ты почти не посещал. А если внезапно появлялся, Валерий Михайлович торжественно обещал на этот день, что пойдёт дождь или снег, – в зависимости от времени года. А когда в классе вместе со всеми распевал песни Есенина, чтобы подразнить учителей, особенно Дану Вячеславну, ты кривлялся. И все кривлялись.

И вот, когда мы вернулись из поездки, ты хорошо поставленным голосом, подражая Магомаеву, на всех переменах стал распевать новую песню на стихи Льва Ошанина. При этом абсолютно не ломался, будто находишься на серьёзной сцене, и тебя слушали молча. Никто не комментировал ни песню, ни твоё исполнение. Но для меня-то смысл песни, её интонация, слова, которые ты произносил, звучали душераздирающе:

– Как ты посмела не поверить!

Как ты посмела не ответить!

*Не догадаться, не заметить,
что твоё счастье в руках у меня!*

Ты мог пропеть половину куплета. Или весь куплет. Или две строчки. Реакция окружающих всегда оставалась одинаковой. И даже Вадим угрюмо молчал. Таков уж, видно, был наш класс, наши соклассники. Продолжали нам сочувствовать, относиться с пониманием и по-своему щадили, как и прежде.

Ближе к концу учебного года я всё больше убеждалась в том, что наш класс отличался от остальных. Чем именно – это не поддаётся конкретному объяснению. Мы не давали в обиду друг друга, защищали от нападков некоторых учителей и воспитателей, но при этом обходились без хамства. Шутили или делали вид, что шутим. Не раз я слышала не только от взрослых, но и от ребят, как девятый класс называли «умниками». Такое звание не было насмешкой. Все наши могли учиться гораздо лучше, но никто из-за оценок не страдал. И, всё же больше половины класса учились на четыре и пять. Были дружны «непоказушно» все...

Все, кроме Овечкиной. У неё имелся какой-то свой загадочный опыт общения, и «дурочкой» она не была, как бы ни хихикала. В конце концов и она, и вторая «умница» – Динара, о которой мне в своё время поведали ребята, обе оказались весьма расчетливы, ловко перехитрившие судьбу. Что я имею в виду, забегая вперёд и говоря об их судьбах? Это – и их мужья, и работа, и положение в обществе, и различные отношения с разными людьми. Во многом эти девочки были похожи ещё в школе. Обе незаметно приспособивались в любой ситуации, оставаясь закрытыми. Они, если была необходимость, могли притвориться сочувствующими, и вы доверчиво впускали их в своё сердце и раскрывали перед ними душу.

Костя Шмелёв, в которого они обе были влюблены, вызывал у меня чувство жалости, хотя сам он ничем особенно не отличался от остальных мальчиков. Я пыталась понять, чем он их так привлёк? Костя был обычным парнем и даже скучным. Но, главное, обе «умницы» никак не хотели признаваться в том, что любят именно его. Нина нарочно обманывала всех, говоря, что влюблена в Алексея Фёдоровича. А Динара таинственно сообщала, будто бы все годы страдала из-за любви к тебе. А ведь ложь такого рода тоже зачем-то им обеим была нужна!

Вартанов собирал нас всё реже. Мы перестали читать свои стихи. А он иногда читал. Обсуждений не было. Он приносил сборники Ваншенкина, Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной. Кое-что прочитывал нам вслух. Просил запомнить имена. Принёс как-то Ошанина, прочитал несколько стихотворений. А ты внезапно запел:

– *От любви моей до любви твоей*

Было столько вёрст, было столько дней...

И здесь, где сидели ребята из разных классов, тебя никто не прерывал. В твоём исполнении прозвучал целый куплет, и ты первым заплодировал себе. Ребята поддержали. Вартанов похвалил твой голос. Спросил:

– А музыка чья? Знаешь, Крутов?

– Кажется, Островского, – ответил ты.

– А что тебе ещё кажется?

Ты не поддержал шуточный тон Вартанова и просто ответил:

– С некоторых пор перестало казаться, к сожалению.

Уже никаких сомнений и никаких заблуждений. Всё ясно, как ясный день!

– Серьёзно! Очень даже серьёзно, – заметил Вартанов.

* * *

В этот день у нас не было последнего урока. Заболел историк.

На перемене я решила заглянуть в одиннадцатый класс, к Авочке. Одиннадцатиклассники все что-то читали в полной тишине. С моим появлением они вдруг оживились.

– Ой, кто к нам пришёл, – первым воскликнул Марлен.

– Да, не смущай ты Киру! Она же – трусиха! Сейчас возьмёт и убежит, – Мирон забавлялся, но мне всё равно было неприятно.

Впервые за весь год вошла в их класс и – пожалуйста! Марлен не сдавался:

– Кира, мы добрые. Зря ты нас обходишь стороной. Даже обидно!

– Ну, пожалуйста, прекратите. Что вы здесь детский сад устроили! – Авочка говорила строго и интеллигентно.

После её слов все замолчали.

– У нас нет последнего урока, – шепнула я.

– Почему? – спросила тихо Авочка.

– Историк заболел.

– Так посиди с нами, – предложил Марлен, слыша, как мы перешёптываемся.

– У нас география. Он разрешит, – поддержала Авочка.

И тут заговорил Марлен, обращаясь ко мне уже серьёзно:

– Слушай, Кира, как ты думаешь, почему Вартанов так говорил сегодня? Даже голос у него дрожал.

– Мне кажется, что ему жаль расставаться со школой, островом. Словом, со всем, что здесь. И, правда, голос у него сегодня, когда говорил, был какой-то старческий, как будто ему сто лет.

– Наверное, ты права. Как-то всё изменилось, и кружок наш... Как будто каждый раз он прощается с нами.

– Интересно, что здесь будет, когда мы уже станем старыми, такими древними? – задумчиво улыбаясь, произнёс Рашид.

– Ты не состаришься, а превратишься в слона, – бойко заявила Элина. Рашид звонко, по-мальчишечьи, расхохотался.

– Над кем смеётесь? – входя в класс, спросил Николай Андреевич.

– Конечно же, над собой, – ответил за всех твой закадычный друг.

– Можно, Кира с нами посидит? У них нет урока, – попросила Авочка.

– Ей всё можно. Даже экзамены сдавать вместе с вами, если сама захочет. Такую славу школе принесла! Молодец!

– Какая же молодец, если не хочет учиться дальше в нашей школе? – возмутился Марлен.

– А это уж её дело. Так, хватит болтать! Отвечать будет... Будет отвечать... Элина.

Мы с Авочкой разговаривали шёпотом, но замечаний Николай Андреевич не делал, а спрашивал тех, кому предстояло исправить годовую оценку. Почти всем отвечавшим географ поставил пятёрки.

К концу учебного года время летело быстро. Переписывали билеты, готовили шпаргалки. Я знала, что не смогу ими воспользоваться, но стала делать для себя какие-то подсказки по геометрии. Напрасно тратила на это время, потому что часть геометрии, которая называлась планиметрия, я знала, и мне очень нравилось доказывать теоремы.

– Предложи Вадьке готовиться к экзаменам вместе, втроём, – сказал ты, когда я вернулась в класс.

– Предложу, если будут приняты мои условия. Даже буду настаивать.

– Ну, и каковы же они, твои условия?

Я выдержала паузу, а потом коротко и решительно заявила:

– Не пой!

Ты расхохотался:

– Bravo! Наконец-то! Я уж боялся, что не дождусь!

– Просить тебя на коленях?

– Только на моих! Я согласен, если согласна ты!

– Всё понятно, – сказала я, собираясь выйти из класса.

Но ты преградил дорогу:

– Я ведь почему предлагаю готовиться вместе? Ты кое-что знаешь, чего не знаю я. А я, вероятно, знаю то, чего ты не знаешь. А Вадька вообще ничего не знает. Надо же помочь!

– С каких пор ты стал такой добрый?

– С тех пор, как услышал эту потрясающую песню, которая тебе очень нравится.

В класс вошёл Вадим, и ты заговорил с ним:
– Кира предлагает готовиться к экзаменам втроём. Как ты на это смотришь?
– Согласен, – ответил Вадим.
А ты радостно воскликнул:
– Вот видишь! Ребята договариваются гораздо быстрее и проще. И без всяких условий!

Глава двадцать девятая

Весна и её хлопоты. Подготовка к экзаменам и - экзамены. Старые письма.

Звонко и весело примчалась весна на наш остров! Она расколола и растопила все льды и льдинки на своём пути. Резво шумела стремительным течением рек и звенела голосами суетливых птиц, растворяя принесённые с собой весенние звуки в радостных голосах и беззаботном смехе ребятешек.

Весь день весна кружилась в своих природных танцах, лёгким прикосновением заставляла наконец-то очнуться от зимней спячки каждое деревце, каждый кустик, каждую травинку.

Это было её время, время юной красавицы, время непоседы, время властительницы, не восседавшей величаво на царственном троне, а занятой бесконечными земными хлопотами.

Недолго потягивалась она – это «прекрасное дитя», как говаривал поэт, в свей утренней постели, подставляя ладони первым лучам солнца. Много дел предстояло переделать. В её помощи нуждалась земля, нуждались люди, взрослые и дети. Всё живое нуждалось в её деяниях. Так что приходилось спешить.

Но ее неустанной заботой были прежде других молодые и влюблённые. Однако, особенно беспокоили и волновали воображение весны подчас безумные порывы юношей и юных дев. Она видела их растерянность, нерешительность и хотела им помочь, подсказать. А иногда, видя неискренность заигравшихся молодых, останавливала, заставляла задуматься и порой – разочаровываться...

Весна, прячась за ветвистыми деревьями, подглядывала за людьми и подслушивала, о чём говорят они. Слыша, как влюблённые порой вздыхают, весна невольно вздыхала сама.

Знала ли она, как быстро мчится её время? Знала ли, как скоротечна жизнь? Возможно. Возможно, зная это, вздыхала она от горестных дум. А люди? Знали ли они, что эти дни, как и сама юность, уже никогда не вернуться? Вряд ли задумывались об этом сейчас. Счастливые, они вздыхали от счастья, от блаженства... И, конечно же, – от любви, которая, как писал Александр Иванович Герцен, в юности не знает различия полов и ничего не требует от любви, кроме самой любви, её признания.

И вот уже набухают первые почки, едва проклёвываются крошечные первые клейкие листочки, растут-разрастаются, превращаясь в свежую зелёную листву, становясь частью дерева или кустарника. Весна часто, слишком часто заглядывает в наш буйно цветущий, наполненный пьянящим ароматом школьный сад.

Мы готовимся к экзаменам, а она настойчиво шепчет-нашёптывает кому-то рифмованные строчки, кому-то желанные слова любви... А мне – твоё имя! Я изо всех сил пытаюсь начать своё отречение от тебя, от твоей и от своей любви... А весна, уже без всяких подсказок, повторяет снова и снова, всё более взволнованно и грустно.

Поёт весна, упрекая и увлекая меня в неведомое:
– *Как ты посмела не поверить?*
Как ты посмела не ответить?
Не догадаться, не заметить,
Что твоё счастье в руках у меня?!

* * *

Постепенно выпускники нашего и одиннадцатого класса перекочёвывали вместе с учебниками и экзаменационными билетами в школьный сад, разбредаясь по группам.

Я сидела между тобой и Вадимом, и мы, по очереди читая вопросы, пытались отвечать.

Вадим заучивал наизусть правила по русскому языку, так как ни одного из них не мог толком объяснить. По алгебре никто из нас троих не надеялся даже на троечку. Но вы оба пытались разобраться, что-то решали, уточняли, спрашивая у других. Я же категорически отказалась от неё, понимая, что всё равно самостоятельно не напишу и ничего не решу.

Я оставляла вас и уходила в библиотеку или музыкальную. А иногда – с кем-нибудь спускалась к пристани и подолгу сидела там на грубо сколоченной скамейке, вспоминая уходящий учебный год.

Как-то, встретив в библиотеке Авочку, я спросила:

– Ну, как идёт подготовка к экзаменам?

– Мы с Элей немного занимаемся историей. А всё остальное как-то знаем, вроде бы. Эля собирается в институт поступать. Говорят, Марлен тоже.

– А что же ты, Авочка?

– А я книжки читаю. Правда, Марлен так рекомендовал вот эту, но... Не знаю, что он нашёл здесь? Абсолютно неинтересная. И стиль какой-то нескладный.

– Скорее всего, Марлен поступает, как его друг. Я уже не раз попадалась на удочку Крутова. Нахваливает Крутов какую-то книгу, как будто прочитал и испытывает невероятный восторг. Я беру, пытаюсь читать, ничего интересного в ней не нахожу, но... дочитываю. А когда говорю о том, что ничего в ней интересного не нашла, он осторожно расспрашивает, что именно мне не понравилось? А потом заявляет: «В общем, значит, короче говоря, не стоит её читать, да?» Я говорю, что он же рекомендовал её, как будто прочитал. А он хохочет. Говорит, что хотел узнать, о чём это.

– Я о таком даже подумать не могла. Надо же, какие коварные!

Авочка предложила вместе с ней прогуляться до пристани, обещая кое-что интересное для меня рассказать. И вот что она поведала:

– Вчера мы с Элиной сидели в саду недалеко от Крутова и Вадима. Кое-что повторили, и Элина ушла. У неё разболелась голова. А я осталась, решив ещё почитать «рекомендованную» книжку. И тут слышу, ребята говорят про тебя да ещё довольно-таки громко. Вадик просит Крутова, чтобы он уговорил тебя не уходить после девятого, мотивируя тем, что он, Вадим, обещает сам уйти. Будет доучиваться в вечерней школе и работать. А Крутов ему, что ни в коем случае не будет заниматься посредничеством, потому что ты решишь, что это он, Крутов, заставил Вадима бросить школу. Говорит, что ты Крутову не простишь.

– Знаешь, Авочка, они изменились в конце учебного года и так хорошо, мирно вдвоём занимаются подготовкой к экзаменам, что я радуюсь. Не хочу им мешать. Хотела бы, чтобы они помирились и доучивались вместе. А мне всё равно надо уезжать. Хотелось бы, конечно, чтобы не было троек в свидетельстве, но как с алгеброй быть?

– Ой, хорошо, что ты про алгебру вспомнила! Они и об этом говорили. Крутов сказал, что он бы всё сделал за тебя по алгебре и придумал бы, как тебе передать. Но он боится, что ты не захочешь принять от него какую-либо помощь. А Вадька говорит, что он не сможет написать на четвёрку. Они хотели попросить, чтобы помогла Овечкина, но Крутов сказал, что она схитрит, что-нибудь придумает. Например, скажет, что написала, но не смогла передать. Или ещё что-нибудь в этом роде. А потом Крутов предложил подключить Костю, чтобы он попросил Нину написать для тебя. Говорит: «Для Киры она не захочет, а Костину просьбу будет счастлива выполнить».

– Сверхмудрецы! – сказала я.

Авочка перебила меня:

– Они решили правильно. Ты алгебру сама не сдашь, а оценка, хотя бы тройка, а лучше – четвёрка, тебе нужна.

Пусть договариваются. Сделай вид, что ты ничего об этом не знаешь. Остальные предметы ты и без них сдашь.

Я задумалась: Авочка, конечно, по-своему права. Но ведь все знают, что я не смогу сделать то, что может по алгебре Нина Овечкина. Подумала и решила: пусть будет, как будет.

* * *

На устных экзаменах я вытаскивала самые сложные билеты и в коридоре за дверью, когда называла номер билета, слышались возгласы и вздохи облегчения. Радовались, потому что этот билет уже им, ждущим своей очереди, не достанется. Я же свою участь во время экзаменов воспринимала как дурной знак. Казалось, что это и есть начало очень непростого в моей жизни. Да ведь так оно и было.

Я получила свидетельство без единой тройки, наивно полагая, что это при поступлении в музыкальное училище имеет значение.

Но всё, что происходило со мной в последующие два года, невозможно было вообразить. Предательство, потери, безумное отчаяние и даже желание расстаться с жизнью... Но не стоит сейчас говорить об этом, хотя бы потому, что всё дальнейшее после окончания девятого класса в свияжской школе почти не было связано с моим пребыванием на острове любви. Да, почти...

* * *

Уже потеряв друг друга навсегда и точно осознавая, понимая и чувствую невозвратимость утраченного, мы с тобой никак не могли расстаться.

Встречались редко, случайно и намеренно. Но не получалось говорить искренне, по-доброму, как могли бы разговаривать два любящих друг друга человека. Ты

кривлялся, отпуская бесконечные колкости. Я злилась – то на тебя, то на себя.

А после, расставшись, мы писали друг другу огромные письма, в которых были стихи. Стихи современных поэтов и наши с тобой, стихи-посвящения.

*Я вами осуждён, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы
«Старые письма»*

Фет А.А.

Но и в письмах ты нередко лукавил. То «любовь – это боль», а то «всего лишь ощущение».

Ты называл себя эгоистом, а я эгоисткой считала себя.

Получила толстенную тетрадь стихов Есенина, переписанную тобой. Это были малоизвестные в то время стихи, и начиналась тетрадь строчками стихотворения:

*«Грубым даётся радость,
Нежным даётся печаль...»*

Были здесь и другие, которые возмутили бы меня, если бы... если бы я не любила тебя. В конце тетради обнаружила приписку: *«Ты – счастье, но не для меня!!! Эти стихи, всё это даже пошло с моей стороны. Прости, пожалуйста! Прости меня, маленькая, далёкая и неразгаданная... Ведь так пусто стало без тебя! Так пусто, что «волосатая лапа тоски» (Бабель) без труда подбирается к самому горлу и не даёт дышать. Впрочем, должно же было это в моей жизни когда-то случиться. Я многим тебе обязан. И, по-моему, следующая встреча могла бы быть более откровенной и более тёплой. А что ты сама об этом думаешь?»*

В каждом письме ты просил, чтобы я присылала свои стихи. Я нечасто откликалась на такую просьбу. Стыдилась. Нет, не критики того, как пишу, боялась, а всё ещё «бежала» от твоей и своей любви.

Ты рассуждал о принципиальности и называл меня беспринципной. Иногда задавал провокационные и весьма обидные вопросы. А я давно всё решила, хотя и не

было ещё сил совсем порвать с тобой. Да, если бы только с тобой! Я продолжала писать Вадиму, что тебя особенно возмущало. Ты просил вернуться в Свяжск, где уже не было Вадима. А я жалела его. Таким образом, наш «треугольник» продолжал жить.

Ты писал: *«Как ты думаешь, могли бы мы с тобой стать Ромео и Джульеттой? Если бы ты была рядом!..»*

«Как жаль, что мы не смогли быть другими, когда были рядом. Меня злила твоя порядочность. А потом однажды я решил, что найду девчонку, похожую на тебя. Я же понимал, что ты не вернёшься, но не хотел верить в это. А теперь уж точно знаю, что никаких похожих не может быть, потому что такое случается однажды в жизни, и это – талант, как утверждал господин Куприн. Талант! Выходит, и Вадька – талант!».

В подобных высказываниях я отчётливо слышала твою усмешку и тогда снова чувствовала, что мы рядом, вместе. А Вадим? Он всё понимал, как надо. Он был честнее нас с тобой и, пожалуй, добрее. Страдал не меньше нас, о чём писал в своих письмах. Неважно, что путано и коряво писал. Чувствовал также. Вадим даже пытался сочинять стихи. Писал без рифмы и ритма. Ну и что!

Твои письма иногда были похожи на твои стихи.

«Но нет, ещё не пропала та ландышевая грусть, которая связана с памятью о тебе. Чувствую запах твоих духов. Он похож на запах дождя».

Однажды я долго не отвечала тебе. Что-то обидело в предыдущем письме, и я замолчала. Ты писал. Написал одно и ещё одно. И ещё. А через некоторое время пришло, больше похожее на школьную записку, написанную столбиком, как стихи:

«Почему

Не

Пишешь?!

Жду!

Скорее!»

Приходили письма, полные упрёков, раздражения. Но почти каждый раз в конце были стихи о любви. Я не могла обижаться, хотя и считала, что всё, что написано прежде, – несправедливо.

Стихи призывали забыть о многом. Они примиряли и заставляли всё прощать.

Мы рассуждали о современной поэзии, делились впечатлениями о современных ансамблях и часто наши вкусы совпадали.

Ты писал: *«Отношения нашего треугольника похожи на те, которые могли бы сложиться между сентиментальными дворянами девятнадцатого века и современной женщиной».*

Затем следовали стихи Байрона:

Слеза струится за слезой

Из синих-синих глаз.

Фиалка, полная росой,

Роняет свой алмаз.

Ты улыбнулась, пред тобой

Сапфира свет погас,

Его затмил огонь живой –

Сиянье синих глаз.

Огромные тетради стихов мы переписывали и отсылали друг другу. Нам хотелось, чтобы то, что взволновало, затронуло одного из нас, было непременно доступно другому. Чтобы другой тоже имел возможность прикоснуться к прекрасному поэтическому образу и испытать радость от того соприкосновения.

А однажды ты переписал Вознесенского – несколько стихотворений, и мы так заспорили в следующих письмах, что чуть не поссорились навсегда.

Я пересылала тебе стихи Шефнера, Тобольского, Фирсова. А позже – Мандельштама, Цветаеву, Ахматову. Сколько времени продолжалась переписка? Трудно сказать. Но то, что в наших письмах занимали больше, гораздо больше места стихи, споры о литературе, о музыке – это несомненно.

Как-то в одном из писем, ты попросил не подписывать обратный адрес. Я не удивилась: поняла, что увлёкся очередной «новенькой», прибывшей в наш класс из другой школы. Вскоре, когда поехала в Казань на смотр художественной самодеятельности, убедилась, что дело обстоит именно так.

Тебя почему-то там не было, а с ней меня познакомили. Обаятельная, она мне очень понравилась, и я искренне порадовалась твоему выбору. К сожалению, ваш роман оказался коротким.

Из твоего письма по окончании вашего романа: *«Меня часто спрашивают друзья, что ты для меня значишь? Отвечаю шутками и прибаутками. Ну, а ты сама-то знаешь? Понимаешь?..»*

Понимала. Всё понимала и старалась писать уже как можно реже. А потом срывалась и писала более объёмные письма, будто не могла больше удерживать то, что накопилось в период молчания.

Я была поражена, когда получила письмо от «новенького», поступившего в наш уже без меня десятый класс. Он уверял, что заочно по рассказам одноклассников влюбился в меня. Предлагал переписываться и даже вернуться в Свияжск.

Видимо, уже тогда, пусть неосознанно, я готовилась быть филологом. В письме этом услышала не только твои выражения, но и уловила привычную интонацию. Письмо огорчило и одновременно рассмешило меня. Вероятно, ты понял, что я разгадала твою каверзу, разозлился. Вскоре написал о том, что никакой любви нет и не было никогда. Это изобретение людей, желавших прикрыть свои неприглядные поступки. Ты написал, что больше не любишь меня и дал мне весьма «неприглядную» характеристику. Я не поверила, но отвечать не стала.

Спустя некоторое время, пришло вот это письмо. Я не могу привести его полностью, за что прошу прощения у дорогого читателя.

Ты писал:

«... Моё предыдущее письмо – заведомая ложь. Я всегда тебя любил. И сейчас... Когда мы встречались, я был так глуп и осторожен, а потому и молчалив.

Я ведь понимаю, что написал в тех письмах много обидного и даже оскорбительного.

Я писал до ужаса примитивно. Прошу простить за всё. А ведь ты всегда умела прощать даже тех, кто не заслуживал твоего прощения.

Я понимаю теперь, что все мои письма к тебе есть моё, плохо завуалированное стремление более или менее встать в позу. А это – смешно!

Мне хочется, чтобы ты писала. Я готов ждать... Надеюсь, а сердце моё чувствует, что мы обязательно встретимся скоро. Нельзя, конечно, испытывать судьбу, но это предчувствие! Что поделаешь!

Жду тебя! Жду ответа. Целую миллионы раз.

Прости эту банальность – поцелуй в письме, но лучшего я не придумал. Вспомни: «Не отрекаются, любя!!!»

Переписка оборвалась ещё нескоро, но жизнь стремительно менялась. Каждый, путаясь и блуждая, пытался отыскать свой путь.

Эпизод

*...Когда-нибудь я с вами кану
В мои минувшие года.
Давид Самойлов*

* * *

До её появления на сцене зал напоминал полуофициальный приём у какого-нибудь среднего чиновника. Царило безразличие, присущее всякого рода обязательным конференциям. И только её выступление внезапно всех всколыхнуло... Зрители как будто

проснулись. Кажется, и сам он задремал было под монотонное бормотание выступавших до неё. Сейчас он даже не пытался вникнуть в то, что она говорит. Слушал голос. Только голос. Почти не изменился, — через столько лет...

Пожалуй, стал чуть ниже. Или показалось? Нет, не изменился... Изменился, конечно. Это интонации прежние, а голос изменился. Решив воспользоваться оживлением и некоторым смятением в зале, он быстро покинул своё место и стал перемещаться ближе к сцене. Чтобы не привлекать к себе внимания, на мгновение присаживался на свободное сидение, снова вставал и решительно шёл туда, где была она.

Оказавшись в середине зала, понял: сейчас кто-то выступит с заключительным словом, и — она уйдёт. Если даже уйдёт за кулисы, можно считать, что уйдёт. Опять

исчезнет. Нет уж! Он дожждётся, и, – будь что будет! Он ни за что не отпустит её вот так, просто... В груди больно кольнуло. Ах, чёрт! Опять... Стоит чуть поволноваться... Не надо думать о ней. Пусть говорит. Он стал рассматривать зал. Оформлен бездарно! Кому-то дали заработать. Что она говорит? Смеётся... Смех всё тот же.

Однажды он рассмешил её, что было непросто. Чаще злилась на него. Вот так смеялась тогда, а он подумал, что она плачет. Испугался.

Передвигаться по залу, не привлекая внимания, да ещё мешал дурацкий портфель. Взял он его с собой, чтобы побег с работы выглядел по-деловому. Старый бесформенный портфель. Так бы бросил под сидение и забыл. Но, кажется, в нём есть что-то нужное, бумаги какие-то.

Она сошла со сцены, и её сразу окружила молодёжь, к которой он попытался примкнуть. Но ближе подойти никак не удавалось. Молодёжь, видимо, студенты, толкая друг друга, протягивали открытки, небольшие книжечки для автографа. Она говорила очень мягко:

– Да... Пожалуйста... Да, конечно...

Эта интонация ему была хорошо знакома. Мягко говорила, а сама вполне готова уже послать ко всем чертям. Тон вежливый. Ничего не скажешь. А тут ещё девчонка... лохматая, тощая. Растолкала всех, протиснулась, пробралась ближе всех и – заговорила, прямо-таки заныла:

– Карина Самировна, успели посмотреть моё? Мои стихи? Пожалуйста, извините...

– Простите, вы?..

– Я – Рыкова... Нина Рыкова. Такая тетрадь там. В синей обложке.

– Ваш телефон указан?

«Ага!.. Просмотрела! Не понравились ей стишки этой Рыковой!» – злорадно подумал он. Сдерживается изо всех сил, чтобы не отправить Рыкову куда подальше. Устала бедняга...

– Вы запишите. Я забыла указать, – виновато пробормотала Рыкова.

Но та, кого просили записать, уже отвернулась и разговаривала с элегантным мужчиной, слегка кокетничая. В следующую минуту он внезапно показался себе до ужаса неуклюжим и раздражённо подумал, что не вписывается в эту толпу. А хуже всего, если встретит кого-то из знакомых. Но пока, слава богу, в его сторону никто не смотрел и ни разу не окликнул. Скорее всего, знакомые коллеги проигнорировали конференцию и разбрелись по домам. Это значит, опасаться некого и нечего. Немного обождав, он взбодрился и, бесцеремонно всех распахивая, оказался почти рядом с ней.

Она стояла к нему спиной и продолжала говорить с мужчиной. А что, если она уйдёт с ним сейчас? И кто он такой, чёрт бы его побрал! Если это случится, он до последнего дня будет презирать себя! Сколько прошло лет? Двадцать? Тридцать? Больше? Когда он видел её в последний раз? Да какое имеет значение! Видел! Конечно, видел! По телевизору!

Он сам не смог бы себе объяснить, как всё произошло. Всё случилось само собой, просто и естественно.

– Ну, поздравляю, дорогая моя! – громко и весело произнёс он.

Она, как по команде, повернулась... В ту же секунду он бросил портфель на пол, обнял её и совсем по-свойски крепко расцеловал. От неожиданности толпа шархнула от них.

– Поздравляю! Поздравляю! – дважды прогудел он, взял её под руку и, на ходу подхватив злосчастный портфель, быстро повёл к выходу. Толпа в недоумении загомонила:

– Это кто? Муж?

– Разумеется! Кто же ещё?

– Она не замужем! Я знаю точно, – уверенно заметила немолодая женщина в строгом платье.

– Вы... Ты... Ты зачем здесь? Обалдел, что ли?!

– Кирочка, радость моя! У меня здесь учительская конференция! А вот что здесь делаете вы? Какими, так сказать, судьбами? – слегка понизив голос, проговорил он.

– Да отстань ты! – возмутилась она, пытаясь вырваться. Однако, он держал её крепко и произнёс негромко, но внятно:

– Сейчас мы всё выясним. Ты остановилась в этой же гостинице, да?

– Не твоё дело, – ответила она, уже счастливо улыбаясь, произнося эти слова слишком дружелюбно для рассерженной.

Они подошли к лифту. Молодая парочка, оглядываясь и подталкивая друг друга, предупредительно заметила:

– Мы уже вызвали...

Затем девушка, не переставая улыбаться, спросила:

– Вам на какой этаж?

– На какой нам, Кира? – спросил он, смутившись.

– Не знаю! – ответила она, сердясь на себя.

Тогда он заговорил дурашливо:

– А нам же надо в ресторан! Так ведь, дорогая?

– А ресторан на первом этаже, – сказала словоохотливая девушка.

– Тогда нам на последний этаж и обратно, чтобы обед немного остыл. Слишком горячее вредно, так ведь? Ты же всегда, прежде чем я сажусь обедать, дуешь на мою тарелочку.

Молодые захихикали, а она, уже сердясь по-настоящему, строго остановила его:

– Сейчас же перестань!

Двери лифта распахнулись, молодые вошли.

– Ой, пожалуйста, подождите! Придержите, пожалуйста! – просила спешившая к лифту женщина.

Она легко скользила по гладкому полу, как по ледяному катку. Но, добежав, растерянно оглянулась:

– А впятером можно?

– Мы подождём. *Нам некуда больше спешить*, –
нараспев, великодушно разрешил он. Несостоявшиеся
попутчики уехали. Он нажал кнопку. Теперь он хотел
только одного, хотел остаться с ней. Наедине. Чтобы
никого рядом. Только она и он. Но толпа, человек
двадцать уже была совсем близко... И от неё отделились
двое, вероятно, мама с сыном. Они вошли, и оба разом
взглянули на неё с любопытством.

* * *

В номере стоял густой цветочный запах. Она положила
сумочку на стул, сразу села в кресло, сбросила туфли и
поджала ногу.

– Платье помнётся, – сказал он, нарочно одёрнул подол
и присел рядом на соседнее кресло.

– Не твоё дело, – повторила она с прежней интонацией.
Он громко расхохотался и обнял её.

– Кира, неужели ты думаешь, что я знал о твоём
приезде. Нет же, честное слово! *Наша встреча
случайна...* – пропел он.

– Однако ты успел к ней подготовиться! Я чуть с ума
не сошла!

– ...От радости, надо полагать. Так ведь?

– Вот ещё! – возмутилась она, но он не дал ей
договорить.

– Давай мириться! Пальчик! А ну, быстренько!

Он взял её руку и нежно поцеловал в ладонь. Она
покраснела, опустила голову и – вздохнула. Он заметил
слёзы.

– Ну-ну, только без сырости, пожалуйста. Я всё о тебе
знаю. На то и интернет. Ты – умница! Горжусь! Но не
ожидал, что встречу, да ещё здесь, в этой классической
дыре. Ты приехала на презентацию своей книги, да?

Она не ответила. И тогда он задал следующий вопрос:

– А ты? Ты что-нибудь знаешь... обо мне? О наших?

– Ничего. Я никого не искала. А спрашивать было не у кого. Меня находили бывшие однокашники, через всякие редакции, но... все изменились. Прости, но мне стало сложно с ними. А о том, что ты женился, Вадим сказал.

– Сказал? Позвонил?

– Нет, он приезжал, когда я была... В общем, когда ждала ребёнка.

– Он приезжал за тобой? Да? Молчишь? Почему ты не поехала с ним? Так дорог был тебе твой безмозглый муж?

– Сам ты такой!

– А я утверждаю, безмозглый! Я наводил справки! Вадька любит тебя до сих пор!

– А ты? – неожиданно спросила она. И тут же пожалела.

– Как я ждал этого вопроса! – он захохотал, обнимая её.

– А можно, чтобы кто-нибудь не любил тебя? Хотя бы один человек?

Он посмеивался, а она внезапно вскипела, ей так захотелось сказать какую-нибудь дерзость, как-то уколоть его!

– А твоя Хавронья – дура! И некрасивая!

– Не говори так. Нехорошо об ушедших...

Она растерялась, затем смущённо и тихо заговорила:

– Прости... Пожалуйста, прости. Я не хотела... Мне стыдно. Но я же не знала!

– Да, ладно тебе. Успокойся. Это случилось уже, можно сказать, давно. Давай лучше поговорим о нас. Хочешь, я расскажу о себе. Кстати, помнишь, какой очерк по заданию Варганова ты написала на тему «Это про тебя»? Ужасно нахальный очерк с кошмарными характеристиками о таком безупречном человеке? Помнишь, как все смеялись? Надо мной, конечно, – и Варганов, и кружковцы? Вот за это тебе должно быть стыдно.

– Не было такого. Ты меня с кем-то путаешь.

– Невозможно, если бы даже пожелал. Так, ты опять вымогаешь комплименты? Всё! Не дождёшься! Между прочим, я как-то встречал пару раз в городе Вадюшу. Говорит, участвовал в каком-то бизнесе, помотался по свету. Ещё работает. Правда, я не понял, где и кем. А ты? Ты знаешь?

– Сказала же, ничего и ни о ком не знаю.

Он притворно вздохнул:

– А я-то дурак! Надеялся. Что ты у каждого встречного спрашиваешь обо мне...

– Ты хотя бы иногда можешь говорить серьёзно?

– Могу! И даже хочу! Я давно хочу спросить у тебя...

В общем, ты обязана ответить мне на один вопрос, – неожиданно в его голосе послышалась жёсткая интонация.

– Я не обязана. Имею право не отвечать на твои идиотские вопросы.

– Нет уж, моя дорогая! Ты ответишь. А я наконец-то спрошу. Итак! Напряги память и попытайся вернуться в те далёкие годы. Скажи, если бы тогда было известно, что через некоторое время мне повезёт на встречу с выдающимся профессором, знаменитым окулистом, который сделает весьма удачную операцию... Если бы, повторяю, ты знала, то не стала бы с таким упорством толкаться? Отпихивать меня? При этом связываться со всякой швалью?

Он выдержал паузу и продолжил:

– Молчишь? Что ж, благодарю тебя, если даже не за ответ, то, по крайней мере, за честное молчание. Я догадывался. И всё-таки готов был ехать за тобой хоть на край света. Вспомни, как просил в каждом письме, чтобы ты вернулась в Свияжск. Тем более, Вадим тоже ушёл после девятого класса. Заметь, из-за тебя ушёл. А потом я предлагал вместе поступать в один университет. В любой, в любом городе – по твоему желанию. Ты ловко обходила мои вопросы и предложения, как будто их не было. Я даже начинал сомневаться, писал ли об этом? А, может,

только хотел написать? Ты ведь у нас такая деликатная! Не станешь обижать, говорить, как есть, да?

– Ты всё понимаешь наоборот! Я боялась! Боялась разрушить всё из-за бытовых неурядиц, повседневных мелочей. Ты – мужчина, и тебе этого не понять.

– Всё верно! А ещё то, что в новой школе появился одноклассник – будущий математик! И вот с ним бы ничего не разрушилось, так?

– Да что ты знаешь, Крутов?! Во-первых, я не любила его никогда! А, во-вторых, я... Словом, я не хотела бы от него детей, потому что... В общем, там была наследственность. Мать, сестрёнка его, он сам... Я никогда не простила бы себе, если бы обрекла своего ребёнка на те страдания, которые испытала сама.

– Знаешь, моя дорогая, это ещё бабка надвое сказала, как лучше и как было бы правильней! Вспомни поговорку про цыплят, которых по осени считают! А он, твой одноклассник, насколько мне известно, был вполне достойным молодым человеком. Мог бы стать учёным. А стал простым учителем! Из-за тебя заметь! Так ведь?

– Ну, пожалуйста, Крутов, прошу тебя: не надо больше о том, что было и прошло!

– А-а, ты хочешь поговорить о нашем будущем?! Я не возражаю! – он ухмыльнулся.

– Нет, – испуганно возразила она.

Зазвонил телефон, и он, по-хозяйски, поднял трубку и спокойно ответил:

– Слушаю вас.

Мужской голос попросил Карину Самировну.

– Минутку, – сказал он и передал трубку ей.

Мужчина в трубке говорил громко с кавказским акцентом:

– Каринэ, добрый день. У вас гости?

– Здравствуйте, Анзор Давидович! Да, конференция прошла, и я встретила... знакомого. В общем, одноклассника. Вот, сидим, разговариваем, – неуверенно добавила она.

– Вы не забыли, что я жду вас на ужин? Обязательно с гостем. Договорились?

– Да, хорошо. Спасибо. Встретимся обязательно.

– Отлично! А сейчас, Каринэ, дорогая, вы можете напоить чаем гостя. Для вас специально мои помощники приготовили ваши любимые пирожные. Когда доставить?

– Спасибо большое. Можно через часик? Но вы напрасно беспокоитесь, – трогательно улыбнулась она трубке. Распрощались.

Она отключила телефон и передала ему:

– Пожалуйста, положи. Я не дотянусь.

– И кто же есть сей юноша? Очередной поклонник?

– Сын друга моего отца. Что тебя ещё интересует? Он – директор этой гостиницы. Достаточно?

– Не злись! Мы же помирились, правда? Расскажи лучше о себе.

– А ты, в самом деле, ничего не знаешь? Ты не знаешь, что я – тоже директор?

– Ресторана, что ли?

– Нет, к сожалению. Я всего-навсего директор специализированной гимназии. Причём наполовину частной. Гимназии, которую сам породил и, похоже, что сам же и убью. Печально. Тебе интересно?

– Очень!

– В общем, однажды я одержал громкую победу в одном конкурсе. И, представь себе, решил все средства вложить в организацию такой гимназии. Мотался по школам вроде нашей, собирал талантливых детей. Убеждал родителей, как только мог. Вначале набирал с седьмого класса. Через два года стали привозить малышей из детских домов. Позже, родители из других регионов сами появились... Умоляли, упрашивали взять на платной основе. А какая там, к чёрту, основа! Иногда это были обыкновенные алкаши, причём многодетные. Объяснял, что гимназия для талантливых детей. А они давили на жалость.

Друг у меня был очень состоятельный. Известный бизнесмен. Он здорово тогда поддержал. Была у него, к его несчастью, собственная Иоланта – единственная дочь, которая полностью лишилась зрения после банального гриппа. Куда только он не возил её. Девочка с абсолютным слухом. Учителей я тоже выискивал и заманивал сам. Занимался, так сказать, подбором кадров.

Она слушала внимательно. Но ей казалось, что рассказывает он, будто стесняясь того, что сделал.

– Тогда же мы крепко поссорились с женой из-за денег. Она хотела жить в столице. А я... Я же читал то, что ты пишешь, читал и думал, что ты делаешь нужное дело. Надо признаться, делаешь очень неплохо! Талантливо! Я, может быть, переоценил себя, свои возможности, не рассчитал силы. Да что там силы? Надо же было платить учителям, чтобы не сбежали. Давать взятки чиновникам. Детей не только кормить, одевать, обувать, но и учить, и поддерживать здоровье. Да мало ли что ещё!

Большинство из них никому не нужны, и их таланты не интересны ни родителям, ни близким родственникам, если это не приносит прибыли. Со спортом ещё так-сяк, а музыканты? Певцы и певицы? Хотя... Они нередко рвут свои голосовые связки в подземных переходах или мотаются в электричках ради «надбавки» к своей жалкой пенсии, называя при этом сами себя артистами. Между прочим, на них нередко устраивают облавы, отбирают, так сказать, «заработанное». Думаю, ты встречала таких хотя бы раз. И, наверняка, замечала: у всех у них, кто занимался подобным промыслом, голоса на всю жизнь становятся какими-то надтреснутыми, надсадными, что ли? А по отношению к людям преобладает озлобленность и даже скрытая ненависть.

Вот так, Кирочка, разрушается в человеке самое ценное – его душа. Мне признавались некоторые знакомые, что испытывают что-то вроде брезгливости, что ли, к таким людям. Признавались, каясь, стыдливо повторяя

известную поговорку про суму и про тюрьму. Я сам, Кира, встречал своих воспитанников в подземках. Кто-то брэнчал на гитаре, кто-то пробовал переорать толпу и самого себя. А мне хотелось взвыть во всё горло! Так было больно и обидно! И ведь есть такие, одобряющие. Мол, это тоже работа.

Идиоты! Ещё Пётр первый боролся за то, чтобы не было такой «работы». А среди них немало талантливых! Но на профессиональной сцене их никто не ждёт! Ну, а другие? Математики и программисты, дети с колоссальным творческим потенциалом... Всё только на уровне разговоров и деклараций.

Привёз я своих на конкурс. Заметь, конкурс, специально организованный для них будто бы. На сцене знаменитости. Известные ведущие. И ведь ни один из них не произнёс ни одного искреннего доброго слова в адрес ребёнка. Занимались самолюбованием. Говорили общие фразы. Чаще других звучали слова: мужество, терпение... «Вы являетесь для нас примером! Ваша жизнь – это урок для многих!». Как тебе такие высказывания в адрес семилетней малышки? А ещё чаще благодарность в адрес тех, кто поддержал этот конкурс. Имена... Имена... Вспомни, когда на сцене обычные дети: и платьице похвалят, и про друзей спросят, и про увлечения ребёнка, и «обнимашки» устроят. А тут такое косноязычие, аж самому перед детьми стыдно.

Не поверишь, однажды я испытал невероятную благодарность, и знаешь кому? Вроде бы она не сказала ничего особенного, но сказано было с таким волнением, так искренне. И даже не детям, а присутствующим зрителям. Ни за что не угадаешь. Это была Надежда Георгиевна Бабкина. Представь себе.

– Кто? А-а, знаменитая казачка! Да, я тоже помню. Она как-то пела с детьми московской школы «Солнечный круг. Небо вокруг...» Так просто, так душевно.

– Ты, Кира, не устала от моей болтовни?

– Ведь я ничего об этом не знала, понимаешь?

– Конечно. Ты же после того, как мы расстались, знала и признавала только одну школу. Даже книгу о ней написала.

– Не напоминай мне о ней.

– О школе?

– О книге. Она принесла мне, в конечном счёте, столько горя... Знать бы об этом раньше. Да что теперь говорить!

– Я завершу свой рассказ, если ты позволишь. Короче, денег не хватало. Поддержки иссякли. А тут заболела жена. Чтобы лечить, тоже нужны были деньги. На твои душевные порывы и нравственные подвиги всем наплевать. Своим детям я тоже недодавал весьма существенно. В гимназистах моих в некотором смысле разочаровался. Ты же бываешь в разных школах и знаешь не хуже меня все дела. Пока учатся, с ними я. С ними мы – все те, кто их успел понять, принять, полюбить. А потом, Кира, им некуда идти. И они направляются туда, куда выведет кривая. Они абсолютно никому не нужны!

Если можно на них заработать, кто-то может изобразить милосердие. А ещё их, выбирая самых убогих, не обременённых интеллектом, могут использовать в различных шоу. Зато, как ведущий-то выглядит! Как его благодарят зрители!! И умный-то он, этот ведущий, и добрый, и даже красавец! А вот оно, то, что можно показывать в цирке! Сколько цинизма в задаваемых вопросах! Я испытываю при этом только одно желание: дать в морду такому ведущему! Или хотя бы плюнуть!

Знаешь, я сам ездил с детьми по магазинам, выбирал с ними одежду. Одинаковые платья могли быть только у подружек, по их желанию. У всех наших девочек – чудесные косички, красивые заколки. Я рассматривал фотографии своих одноклассников в детстве и ужасался: невозможно было девчонок отличить от мальчишек. Стригли одинаково. В основном, налысо. Я хотел, чтобы

они, мои гимназисты, не привыкали к старым драным простыням.

Заставлял сотрудников искать приличное постельное бельё, пусть недорогое. А комиссия, приехавшая с проверкой, орала: «Какая им разница?! Вы что же, готовите их в проститутки?» Нас постоянно проверяли и проверяют до сих пор! В чём только не уличали, бог мой!

В результате, я не могу гимназию содержать, как полагается, как задумано. Но и бросить – тоже... Ведь даже тот любящий папаша практически отказался от своей дочурки. Надоело возиться с ней. Женился на молодой, обзавёлся другими детками.

Счастливый! Всё понимаю – у каждого одна жизнь! Но дети-то в чём виноваты? Был ещё один благодетель у гимназии... Знаешь, я с ума сходил, но не мог пренебрегать его поддержкой. Дело в том, что он разбогател за счёт того, что разорил несколько предприятий. Не знаю, что произошло, но вдруг этот господин стал богобоязненным...

Она слушала, и всё, о чём он говорил, ей было слишком понятно. Понимала, потому что не раз убеждалась в том, что всё обстоит именно так. Наблюдала других, испытывала сама. Только оттого, что всё было правдой, легче не становилось. И свои школьные годы вспомнила. А ещё вспомнила, как однажды, когда работала в институте, показывала коллеге свои детские фотографии:

– Узнаёте меня? – спросила она.

– Легко! Вы же – одна в классе девочка. Остальные – мальчишки! – ответил он.

А решил так потому, что она одна была с косичками. Сохранить косички помогла завуч – Александра Ивановна, любившая её и всегда, когда это было возможно, защищавшая. А тогда, в младших классах, не могла завуч видеть слёз маленькой плаксы.

* * *

Он всё время держал её за руку, и она чувствовала: не с кем было ему говорить о том, что она услышала сейчас. На столе стоял выдавший виды радиоприёмник. Он дотянулся, нажал какую-то кнопку. Образовавшаяся пауза обоих тяготила.

– Не фурычит? – он первым нарушил молчание.

– Вчера работал, – отстранённо ответила она.

Он пощёлкал ещё, и вдруг зазвучала знакомая мелодия.

– Знаешь, как называется вальс? – она встрепелась.

– Не знаю. Я тупой, – он усмехнулся той знакомой усмешкой.

– «Грусть», – тихо сказала она, и голос её дрогнул.

Он как будто спохватился:

– Тебе уже грустно со мной?

– Мне? Знаешь... Я такая счастливая, как будто ничего не было с тех пор. Лет этих не было...

В дверь постучали.

– Какого чёрта! Как всегда, на самом интересном... Я же повернул табличку. Там ясно написано: «Не беспокоить», – обнимая её, шёпотом произнёс он, продолжая усмехаться.

– Ты что? С ума сошёл! – возмутилась она, отталкивая его. – Сюда же должен был подойти кто-то от Анзора! Что ты наделал!

– Ну, извини, пожалуйста... Забыл.

Стук в дверь повторился, уже громче.

– Войдите, – пригласила она.

Вначале медленно вплыла огромная корзина с роскошными цветами. В корзине кроме цветов уместились коробка с пирожными и бутылка шампанского, яблоки, апельсины...

– Добрый день, уважаемые гости! – улыбаясь, приветствовал вошедший.

Он аккуратно поставил корзину на журнальный столик и с нежностью посмотрел на гостью.

– Вадька! Вот так сюрприз! – радостно воскликнул Крутов, быстро встал.

Мужчины крепко обнялись, похлопывая друг друга. Она растерянно молчала.

– Кирочка, здравствуй! Ты почему молчишь? – взяв её руку, спросил Вадим.

Он наклонился и смачно поцеловал в губы.

– Я не ожидала, – тихо ответила она.

– А я знал, что у тебя гость. Вижу – табличка «не беспокоить». Ну, и не беспокоил... Вообще-то, ты, Крутов, даёшь! Украл Киру у публики наглым образом, так сказать! Я же видел...

– А почему не подошёл, паршивец?!

– Почему-почему? По кочану. Во-первых, я на службе. Во-вторых, не хотел мешать. Это же ты повернул табличку? Признавайся!

Все трое засмеялись.

– Ладно, ребята! Отдыхайте, а мне надо идти. Увидимся у шефа в его кабинете. Кстати, Кирочка, он говорит, что ты уже была здесь и всё знаешь. Так что подходите к назначенному времени.

– Нет, подожди! Ты кто? Официант? Или, может, горничный? – продолжал развлекаться Крутов.

– Должен тебя разочаровать, дорогой друг! Я – заместитель директора ресторана!

– Вот это да! – воскликнули разом оба гостя.

Вадим повернулся к двери:

– Кира...

Он долго молча смотрел на неё и вдруг неожиданно сказал:

– Цветочки надо в воду... Большая ваза на подоконнике. Ну, пока, други! Да, а пирожные, если сейчас не захотите, Крутов, положи в холодильник. И фрукты. Фрукты тоже в холодильник.

Вадим вышел. А она подумала, что сказал не то, что намеревался сказать. Или – хотел о чём-то спросить.

– А он изменился, – заметил Крутов.

– Все изменились, – ответила она задумчиво.

– В самом деле? А мне показалось, что ты нисколько. Всё такая же вредина! И при этом умница и красавица! Хорошо бы, правда, ещё иметь рядом няньку в мужском обличии! Я на эту роль изначально не подходил. А вот Вадим... Беда в том, что ты не любила его. Теперь жалеешь, да?

– Я вообще ни о чём и никогда не жалею! Понял?!

– Ну-ну, не злись. Жалеешь, конечно. Ведь при желании ты могла и из меня верёвки вить. Так ведь? Но я по известным причинам оказался профнепригодным...

– Прекрати сейчас же! Или уходи! – она почти закричала. Ей неприятен был этот разговор.

– Ты чего это расшумелась? Я же ведь тоже приглашён к этому... Как там его? К Трезору!

– Он – Анзор Давидович! И перестань ломаться!

– А ты – сердиться! Подумать только! Такая встреча!

А мы...

Оба замолчали. Он опять потянулся к приёмнику:

– Знаешь, я зря, наверное, рассказал тебе про своё детище. Как-то выгляжу во всём этом... Вроде недотёпы, да?

– Да перестань ты! Ну, не волнуйся. Мне тоже особенно гордиться нечем. И радоваться – тоже особых поводов нет. Мы все были достойны лучшей жизни. И сделать могли бы гораздо больше.

– Кира, может, ты хочешь отдохнуть? Вздремни часик. А я прогуляюсь. Нет, лучше пойду к Вадьке.

– Не надо к Вадиму, пожалуйста, – испуганно перебила она.

– Да ты что? Не тревожься так, я не обижу его!

Она и в самом деле почувствовала усталость.

И он это понял:

– Ты не возражаешь, если я оставлю портфель у тебя?

– Оставляй, – ответила она.

Он вышел.

Она легла не раздеваясь. Благо, платье не мнётся. Да, если бы даже помялось. Теперь-то какая разница. Уже увидел. А ужин у Анзора... Не бог весть, какое событие. Она долго лежала с закрытыми глазами, чувствуя, что не уснёт ни за что. И без того – эта встреча... Всё произошло, как во сне. А, может, правда, – во сне? Кажется, впервые в жизни пожалела, что ничего уже нельзя изменить.

Почему? Ну, во-первых, потому, что прошло для обоих то время, когда привыкают друг к другу, понимают, прощают. А их обоим жизнь крепко побила, помяла, поломала и уже не оставила времени. Любовь? Она была. И, похоже, никуда не делась. Только теперь это уже не имеет никакого значения. А ещё, дети у обоих. Ну и что, что уже взрослые. Это даже хуже, чем если бы они были маленькие. Правда, к такому выводу она пришла недавно.

В номере стало прохладно. Она потянулась за пледом, и вдруг раздался страшный грохот. Она испуганно вздрогнула.

– Вот придурок! – обругала того, о ком только что думала с любовью и нежностью. Засмеялась своим мыслям. Всего-то несчастный портфель оказался ещё и неустойчивым. Рухнул со стула. Она поднялась и затолкала портфель под стул. Снова легла, накрылась пледом. Теперь ни о чём не думала, как будто неожиданно свалившийся портфель разом вышиб все мысли. Но время шло. Надо бы всё-таки поспать, чтобы снять напряжение. Хотя бы полчаса. Ну, вот! Где-то включили пылесос.

– Всё! Подъём! – скомандовала она себе и поднялась. Кажется, в одном из шкафчиков видела кофе. Достала разовый пакетик и включила чайник. Вспомнила про

пирожные. Может быть, пока закипает чайник, принять душ. Ну, да. А в это время он вернётся. Не захотела, чтобы увидел её в халате, с полотенцем. «Ладно. Обойдусь», – решила она.

А волнение-то не отпускает, осознала чётко. Ну, почему? Почему она смущается? Чего боится? Всё в прошлом, и жизнь – она прошла. Главное, как случилось такое, что оба, и Крутов, и Вадим, оказались сегодня здесь? Таковы сюрпризы судьбы. Вся надежда на Анзора. Пожалуй, он сумеет создать дружелюбную атмосферу. В прошлый приезд Вадима не было. Значит, он работает недавно. Ведь она тогда три вечера подряд проводила в этом же зале творческие встречи.

* * *

Зазвонил телефон. «Анзор», – подумала она.

– Карина Самировна, добрый вечер! Извините, но здесь маленькое недоразумение. Меня не пропускают. Требуют документ. И не верят, что мои документы у вас!

– Ты что? Пьяный, что ли?! Сумасшедший! – почти прошептала она испуганно.

– Да-да! Хорошо! Держите трубочку, – сказал он как ни в чём не бывало.

– Слушаю Вас, Карина Самировна, – вежливо ответил приятный женский голос.

– Пожалуйста, пропустите товарища. Его портфель остался в моём номере, – как можно строже попросила она.

– Проходите, – разрешила девушка не слишком любезно.

– Удалось вздремнуть? – спросил он, обнимая её. Она почувствовала запах алкоголя.

– Ты... Ты что! Пил, что ли?

– Почему я? Мы с Вадюшей! За встречу! Ещё за твои успехи! Ну, и ещё за любовь!

– Слушай, зачем ты напоил Вадима? Он же на работе!
– Он всегда будет работать. Ты не беспокойся! Тебе не придётся его кормить... Кстати, это он угощал! А ты, как всегда, нападаешь на меня! А, главное, мы оба поняли, что...

– Да, мне абсолютно всё равно, что вы там поняли, но напиваться и потом идти на праздничный ужин... Два придурка!

– Я согласен, – ответил он и тяжело опустился на стул.

Она складывала в маленькую сумочку платочки, помаду, мобильный телефон... Он наблюдал за ней, заметив в её руках конверт, который она пыталась спрятать, он протянул руку и ловко выхватил.

– Отдай! Отдай сейчас же! – закричала она.

На что он спокойно ответил:

– Изучу и отдам. А, может, и не отдам! Посмотрю на твоё поведение!

Чуть не плача она совсем тихо попросила:

– Пожалуйста! Ну, прошу тебя!

– Ба! Какие люди нам пишут! Неужели мы ещё живы?! Вот уж никак не подумал бы! – он искренне удивился. Потом раздражённо спросил, – Почему же ты не вышла за него, если до сих пор продолжается ваш роман?

– Ничего не продолжается! Алексей Фёдорович два года тому назад случайно нашёл меня, – злясь на себя, ответила Кира.

Она взяла последнее письмо с собой, чтобы в дороге ещё и ещё раз перечитать. В нём, как и в каждом письме, были стихи о любви к ней. Поразительно, как это у него у математика получалось так необычно, небанально писать о любви? К тому же в таком возрасте? Она читала и перечитывала много раз, и, перечитывая, снова и снова возвращалась в те годы, на тот самый остров, остров её полудетской незабвенной любви. Сама же вдохновлялась на стихи всё реже и реже.

– Кира, стихи можно прочитать? Разрешаешь? – спросил он, криво усмехаясь.

– Нет, не разрешаю! Ты ведёшь себя со мной сейчас мерзко! – с обидой в голосе ответила она.

– Значит, разрешаешь. Я буду читать про себя, чтобы не огорчать тебя. Видишь, я тоже слагаю стихи, прямо-таки на ходу.

Она отвернулась. Он поднялся, подошёл к ней и, пытаясь обнять, заговорил:

– Не обижайся! Вот письмо твоего Ромео! Держи! «Кроткая, нежная...» Это о тебе-то, о такой вредине! Мне его искренне жаль!

Она взяла письмо и оттолкнула его руку:

– Его не за что жалеть! Всё у него замечательно! Семья, дети, внуки! А вот нас... Впрочем, поздно!

– А это как сказать! – он пьяно ухмыльнулся.

И она снова чего-то испугалась. Не поняла, чего именно, и всё же испугалась.

Чтобы попасть в кабинет Анзора, надо было пройти через холл. Несколько пар разного возраста, будто от нечего делать топтались, изображая танец, болтая и смеясь. Громче всех хохотала женщина, очевидно, уже принявшая на грудь. Партнёр этой веселушки, снисходительно улыбаясь, медленно переставлял её по залу.

В одном углу сидели музыканты, держа в руках инструменты, и вяло переговаривались. Они ждали, когда соберётся публика. На стуле лежала одинокая гитара, а хозяин её, шустрый парнишка, производил какие-то действия возле музыкального центра, извлекая из него танцевальные мелодии.

– Ну, что? Тряхнём?

– Ага! Разбежалась! Надеешься, что буду так же как эту дамочку таскать тебя по залу!

– Ух! Вредина! А я никуда не пойду, пока ты со мной не потанцуешь, – он и вправду встал как вкопанный.

А она внезапно вспомнила тот новогодний бал... Вспомнила, как он танцевал с ней, а потом позвал в музыкалку.

– Крутов, не дури! Нас ждут, понимаешь?
– Дурить – это для меня норма, потому что я дурак! А ведь ты, Кира, виновата! Ты поломала жизнь мне, себе, да и Вадке тоже! Надо с тобой вместе посчитать, кому ещё? Ах, да! Ещё же этот! Ну, Ромео!!! До сих пор не успокоился! Пора о душе подумать, а он!!!

– Тише! Тебя все слышат! Пожалуйста, пойдём!

– Кира, интересно, они понимают, кто мы друг другу?

– Крутов, умоляю! Пожалуйста, пойдём!

Подошёл Вадим:

– Что вы тут стоите?

– Вадик, Кира хочет потанцевать! А со мной не хочет!

Пригласи её!

– Не слушай его, Вадик! Я хочу, чтобы мы скорее ушли отсюда! Иначе, я уйду одна! Ну, скажи, зачем ты его напоил?!

– Да ты что, Кира! Это же он меня угощал.

– А ну вас к чёрту! Два придурка! – она разозлилась и быстро пошла вперёд.

А мужчины, пошептавшись, медленно поплелись за ней.

– Здравствуй! Здравствуй, дорогая Каринэ! А где же твои мальчики?! – шумно встретил её Анзор, поднимаясь из-за стола, заставленного угощениями.

– Идут, – вздохнув, ответила она.

Он обнял её и, глядя прямо в лицо, спросил:

– Что случилось? Почему такое настроение? Устала?

– Да, всё вместе, – неопределённо сказала она и присела на краешек кресла, тревожно ожидая того, что могут выкинуть ещё эти паршивцы. Дверь распахнулась, и они оба вошли, слегка маршируя, при этом пытаясь напевать «Прощание славянки».

Анзор, весело смеясь, подал руку гостю, но тот перебил его и представился первым:

– Крутов!

– Это что? Это Ваше имя, да?! – поинтересовался гостеприимный хозяин.

– Нет, это моя фамилия! – отчеканил гость. И продолжил, – Должен заметить, что всю жизнь меня зовут по фамилии, и даже Кира не помнит моего имени! Да что Кира! Я и сам уже забыл...

– Ну, хорошо! Вы нам сейчас всё скажете! Присаживайтесь, пожалуйста! Да... Я – Анзор!

– Это что? Это твоя фамилия, да? – подражая хозяину, произнёс Крутов.

Анзор безудержно, громко расхохотался.

– Вадим, Пашу поторопи, пожалуйста, – попросил он. Вадим вышел.

– А на работе как вам говорят? Товарищ Крутов, да? – поинтересовался хозяин.

– Ко мне обращаются так: «Уважаемый товарищ директор!» И мне так очень нравится, потому что каждый раз я чувствую себя начальником, при этом не просто начальником, еще и очень уважаемым!

– Может, мне тоже так сказать? Чтобы тоже так говорили? Как ты думаешь, Каринэ?

В дверь постучали.

– Входи! – громко пригласил Крутов.

– Всем здравствуйте! – приветствовал, войдя, тот элегантный мужчина, с которым она слегка кокетничала, находясь в обществе студентов.

– Ну что, Паша? Кто увёл от тебя нашу Каринэ? Этот, да?! – указывая на Крутова, спросил Анзор, посмеиваясь.

– Так точно! Этот самый! – отчеканил Паша.

– В таком случае, Павел Семёнович, ты обязан придумать ему наказание! Что скажешь? Как с ним быть?

– Немедленно ему налить! – ничуть не смущаясь, предложил Павел Семёнович.

– Принимается! – хлопнув в ладоши, весело подтвердил Анзор, будто играя в привычную игру.

Павел подошёл к нему и подал листок бумаги.

– Да-да! Спасибо, дорогой! Я завтра позвоню ему! Думаю, договоримся! Тут ещё рабочие дела. Простите, товарищи, – быстро проговорил Анзор, взглянув на Киру.

– И ещё... Анзор Давидович, мне можно уйти пораньше? Помните, я утром вам говорил? – уже в дверях спросил Павел Семёнович.

– Да, конечно! Можешь и завтра задержаться до обеда. Мы тут обойдёмся.

Вошёл Вадим и сел на свободное место возле Крутова.

Хозяин откупорил шампанское и сам разлил по бокалам.

– Ну, Анзор! За что?! – бодро обратился к нему Крутов.

– Может, за знакомство, – робко предложил Вадим.

– Это ты о нас с тобой, что ли? – ловко поддел Вадима Крутов.

Она тут же испуганно вмешалась:

– Пожалуйста, давайте за встречу! Сколько времени никто и никого не видел.

– Допустим, ты, Кира, с Анзором изредка, а, может быть, и часто встречаетесь. Мы с Вадимом тоже – бывает... Так что я предлагаю за немеркнущие чувства влюблённых и сюрпризы судьбы! Отлично звучит «немеркнущие!», правда, Кирочка?!

Произнося свой вычурный тост, он противно растягивал каждое слово и при этом зло ухмылялся.

Анзор быстро взглянул на Киру и, заметив, что она побледнела, почувствовал неладное:

– Очень даже замечательно! Давайте, друзья, за немеркнущие!

Все выпили, и он продолжил, обращаясь к Крутову:

– Вы обещали что-то рассказать... про вашу фамилию!

– Во-первых, давай уже на «ты». Мы теперь друзья. Так ведь? Вот! А, во-вторых, не про фамилию, а про имя, – уточнил тот.

– Согласен! Только пожалуйста, закусывайте!

– Я с твоего позволения плесну себе коньячку!

Крутов потянулся за графином. Она укоризненно взглянула на него и – промолчала. Плеснул он и Вадиму. Они звонко чокнулись, выпили.

– Итак! Матушка моя литератором не была, но поэзию любила до безумия. Знала много наизусть. Говорят, вместо того, чтобы петь колыбельные, она читала Маяковского, укачивая меня! Представляете такое (и он нараспев продекламировал):

*Хотите – буду от мяса бешеный –
И, как небо, меняя тона –
Хотите – буду безукоризненно нежный,
Не мужчина, а – облако в штанах!..*

Но её любимым поэтом всё же был не Маяковский. А иначе звали бы меня Владимиром! Возможно, я даже был бы знаменит, как многие Владимиры! Может быть, стал бы вождём или президентом... Ну, на худой конец, пусть даже поэтом или актёром! В общем, не повезло! Не случилось!

Вот, а любила она поэзию Волошина!

– Во, даёт! Так ты – Максимилиан?! – радостно воскликнул Анзор.

И совсем нежданно, даже для неё, друг детства продекламировал:

*– Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы и цветы вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить!*

Она зааплодировала. А Крутов, недоумённо взглянув на Анзора, поинтересовался:

– Ты – кто? Филолог? Поэт? А, может, актёр?

– Да! Всё так! Всё есть! Но только в душе!

– А на самом деле?

– Это ты про диплом, что ли? Ну, что касается бумажки, я простой юрист!

Анзор был доволен произведённым впечатлением. Крутов, похоже, на мгновение утратил дар речи. Вадим, казалось, был безучастен и сидел молча. И только она, зная застенчивость Анзора из-за его акцента, изо всех сил старалась поддержать, демонстрируя восхищение и гордость.

– Послушай! Максимилиан – очень замечательное имя! Почему так?

– Очень длинное, как и я сам. Таким образом, я должен конкурировать с моим собственным именем.

– А помнишь, в младших классах тебя все звали Максимом? – напомнил Вадим.

– А ты помнишь, что я не отзывался? Максим, Макс – это чужое, не моё! Ясно?

– Ясно, – буркнул Вадим.

Ей не нравился их диалог. Показалось, что и сейчас, как в те далёкие годы, они могут поссориться на пустом месте. Надо бы как-то отвлечь... Но Анзор сообразил раньше её:

– Вы «Кира» говорите. Мой отец всегда говорил «Каринэ». Они с дядей Самиром хотели так записать, а тётя Марта не дала! А мой отец всё равно так звал всю жизнь.

– А теперь что? Такой псевдоним выбрала, да? – спросил Крутов, обращаясь к ней.

Анзор, весело смеясь, опередил её:

– Это потом! А сначала такой случай случился! Моя жена Арусяк один раз...

– Не смей! Сейчас же замолчи! – перебила она, вцепившись в его рукав.

– Ну, друзьям можно рассказать! Ты что?!

– Сказала тебе, не смей!

– Рассказывай, Анзор! Так нечестно! Она про всех всё знает, а мы про неё... Ну, ничего!

– Нет, Максимилиан, дорогой! Не могу!

– Почему?

– Я её боюсь.

Такое признание Анзора было неожиданным, и друзья, переглянувшись, заулыбались.

– Не удивляйтесь, я другой случай расскажу. Каринэ, можно? Про то, как ты... В общем, как я получил!

– Да ну тебя! Лишь бы болтать, – недовольно проворчала она.

– Рассказывай, Анзор! Кира смирилась, что с ней происходит весьма нечасто. А потом я скажу тост, и мы выпьем!

– Наши отцы вместе были на фронте. Там и подружились. Потом встречались. Ну, они вспоминали всё, друзей вспоминали. Немножко выпивали. А мы мешали. Мой отец говорил, чтобы уходили на улицу играть. Они с дядей Самиром говорили, что мы с Каринэ – жених и невеста! В общем, мы выходили. Нам тогда было примерно четыре года, пять. Каринэ берёт свой кукла. Там песочница. Она сидит, песни поёт... Я думаю, всё равно же – невеста. Хотел поцеловать. А Каринэ как схватила свой кукла за ногу и давай меня лупить! Мне нельзя её бить! Девочка же! Отец меня убьёт, если пальцем трону! Короче, била и била, пока нога оторвалась и осталась у неё в руке! А потом как заплачет! Так громко! Я думал, куклу жалко ей! Говорю, что дядя Самир новую купит! Или мой отец купит! Только потом понял, почему плакала! От обиды, конечно. Обидно, что меня не убила!

Мужчины дружно расхохотались, а она сделала вид, будто надулась на Анзора. Даже отвернулась.

– Ну, а насчёт невесты как же? Отказался, что ли? Или тебе, Анзор, отказали? – полюбопытствовал Крутов.

– Как тебе сказать? В общем, как ехать ей в Свияжск, появился в городе Владислав. Называл Каринэ «моя пионерка». Владислав учился с ней в школе, в старших классах. Был у неё вожатым. Отличный музыкант. Музыкантов девочки всегда любят. Иногда мы вместе, втроём, гуляли ночью. Ну, так. По городу. Скажи, Каринэ, немножко любила его? Да?

– Тоже мне! Нашёл о ком говорить! Я его не помню совсем, – ответила она как можно более равнодушно.

– Как нехорошо, Кира! Всех забыла!

Крутов притворно вздохнул.

– Давай уже тост! Ты обещал, – напомнил Анзор, разливая коньяк.

– Мне шампанское, только совсем немного, – попросила она.

– Я передумал. Давайте, друзья, выпьем просто за удачу!

Все поддержали.

– Тебе мороженое заказал. Хочешь сейчас? Или возьмёшь в номер? – Анзор спрашивал, слегка понизив голос, в котором слышались и забота, и нежность, и ещё что-то такое, отчего Крутов начинал тихо ненавидеть Анзора.

«Тоже мне, братишка нашёлся! Старший брат! Это же у них в крови! Как же! Директор гостиницы!» – он распалялся всё больше. Ругал себя за то, что припёрся к этому Трезору.

– Спасибо. Пока не хочу. Да и горло болит, – отказалась она.

– А у меня болит душа! Давай, Анзор, за знакомство, что ли?

Крутов сам разливал коньяк и уже потянулся к бокалу Киры.

– Нет, Максимилиан, не надо. Пусть Каринэ шампанское... Она любит такой, – Анзор осторожно наполнил её бокал.

Крутов повернулся к Вадиму:

– А ты что? Сидишь, как барышня?! Давай за то, чтобы Анзор похудел и не разорился!

– Давай! – подхватил весело хозяин.

А Вадим, молча, залпом выпил. И ему что-то не нравилось в отношениях Киры и Анзора. Ну и что с того – друг детства. И что? Вадим становился всё угрюмей.

Она тоже не знала, как вести себя в такой компании. Здесь никто и никому из присутствующих не сделал ничего плохого. А, между тем, напряжение нарастало. Как же так? Ведь Анзор всегда мог разрядить обстановку. А тут растерялся. Вадим молчит, насупился. Больше всех говорил Крутов, но всё намёками, даже ехидничал. Зря Анзор пригласил всех. Да ещё поит коньяком.

– Слушай, Анзор! Ты или Кира – кто старше?
«Ну, какого чёрта Крутов пристаёт со своими дурацкими вопросами?» – подумала она, сердясь уже по-настоящему.

– Ты не поверишь, Максимилиан! Мы – одногодки. Только я на один месяц старше. Только всё равно Каринэ не подчиняется мне! Командует! Знаешь, как она меня женила на своей подруге! Я даже сначала ничего не понял! Вот, а теперь у нас четверо детей и четверо внуков!

Крутов пьянел и становился всё разговорчивей. Вадим тоже был уже довольно пьян, но всё больше замыкался и молчал. Анзор как будто не пьянел. А, может, просто контролировал себя. Он угощал, старался поддерживать разговор, хотя и чувствовал некоторую неловкость. Крутов смотрел на него в упор, бросая быстрые взгляды на неё. Вадим заметно смурнел, но смотрел только на неё. Смотрел, не отрываясь.

– Ну, что же ты, Каринэ? Ничего не кушаешь! Может, что-нибудь хочешь?

Когда Анзор говорил с ней, голос его теплел. Она сидела рядом и каждый раз, обращаясь к ней, он слегка касался её руки.

– Кира, спой что-нибудь! Давай! Ну, хотя бы эту:

В далёком Риме давно все спят.

В одном лишь баре огни горят...

Там много женщин, там пьют вино,

Танцуют модные фокстроты и танго!..

Как там дальше?

Пьяно ухмыляясь, Крутов пропел куплет песенки, которая когда-то распевалась их классом. Все учителя, слышавшие её, считали, что эту дурацкую песенку тоже привезла в Свияжск она, Кира.

– Какой замечательный голос, Максимилиан! – восторженно произнёс Анзор.

Но она-то знала про дежурные восторги, которые были свойственны ещё дяде Давиду. Многое в Анзоре было от его отца, которого в её семье всегда ждали и любили.

– Не знаю я, как дальше! И вообще, не помню такой песни, – отрезала она.

– Ну, а как тебе мой голос?

– Как у чучундры!

– А кто это? По какому адресу проживает и какая у неё фамилия?

– Отстань от неё! – вдруг зло сказал Вадим.

– Вадька, ты пьяный? Может, начальника боишься, а?

– Мне можешь, Крутов, говорить, что хочешь, понял? Анзор делал вид, будто не замечает происходящей пикировки. А она решила предложить спеть общую песню, думая, что за время пения что-нибудь сообразит.

– Давайте, друзья, все вместе вспомним «Бригантину», – предложила она, взбодрившись.

– Анзор! Тебе слова написать как?! Латиницей? Или кириллицей?! Может, иероглифами удобней?! – Вадим внезапно громко захохотал.

А она ужаснулась! И – не выдержала:

– Крутов! Как тебе не стыдно?! Ты – в гостях! Если пьяный до такой степени, что не соображаешь, то шуруй к себе! А ты, Вадик, что такое вспомнил, что рассмешило тебя?!

Анзор молчал. Вадим, похоже, что-то понял, взглянул на Анзора виновато и тихо сказал:

– Простите, Анзор Давидович. Я так...

Но Крутов не сдавался:

– А ты кто здесь, чтобы призывать к порядку меня?! Тебя кто просит комментировать?! Иди в свой номер и кушай там мороженое!

Теперь расхохотался Анзор. Он редко обижался или умело скрывал свои обиды. И вообще, компания эта, кажется, нравилась ему. А Крутов продолжал:

– А то, видите ли, кушать мороженое – у неё болит горлышко, а как петь «Бригантину», так сразу все болезни прошли! И голос мой ей не нравится! Тебе же, Анзор, нравится? Давай с тобой дуэтом!

– Нет, Максимилиан, давай лучше квартетом. Каринэ, начинай.

Она лихорадочно соображала, как быть после «Бригантины». Устроить кому-нибудь из них «белый танец», так ведь кого и с кем можно оставить? Забрать от них Крутова? А вдруг Вадим, всё же не выдержит. Если даже Анзор его не уволит, он может сам вспылить и подать заявление. Потеряет работу. Дома, небось, семья... внуки... Забрать от них Вадика, Крутов взбесится, а пострадает Анзор. Он и без того Анзору хамит. Если пригласить Анзора... Тут уж нетрудно предположить, как всё закончится.

*И в беде, и в радости, и в горе,
Только чуточку прикрой глаза...*

Голос её, казалось, звенел совершенно беззаботно. Анзор пел негромко и как-то уж слишком печально. Впрочем, эта песня нравилась ему, и он действительно когда-то попросил, чтобы она написала слова. Крутов нарочно усиливал звук при повторях и пьяно вскрикивал в конце каждого куплета. Один раз даже шмякнул кулаком по столу, да так, что задребезжала посуда. Вадим путал куплеты, молчал или поддерживал, пытаюсь повторить вторую половину куплета в третий раз. Он о чём-то задумался. И она это почувствовала.

Сложившаяся ситуация напомнила ей задачку про волка, козу и капусту, когда всё это хозяйство требовалось перевезти на другой берег и чтобы никто не пострадал. Улыбка тронула слегка её губы при этой аналогии, но Анзор заметил:

– Ты, Каринэ, что улыбаешься? Хорошо мы поём, правда?

– Очень, – сказала она наигранно и предложила, – А кто со мной потанцует, молодые люди?!

– Иди, Вадька! Ты почти трезвый! А меня Кира оскорбила, сказала... Короче, сравнила с бабой, которая там ходит. Ну, весёлая такая, понимаешь? Иди! Слышишь, уже всю оркестр играет?

– Не пойду! Я так и не научился! Пусть Анзор Давидович!

– Да вы что, ребята! Издеваетесь?! Мне мешает пузо! Я сначала должен худеть!

Дверь в кабинет приоткрылась и сразу же закрылась.

– Заходи! Кто там?! – пьяно пригласил Крутов.

Но никто не отозвался и не вошёл. Вадим медленно поднялся и пошёл к выходу.

– Заходи. Ты что прячешься? – позвал он кого-то, кого хорошо знал.

– Кто там? – спросил Анзор, тоже поднялся и направился к двери.

– Заходи, сынок! Не стесняйся! Ты же пришёл поздороваться с тётей Каринэ, да?

– Анвар, как ты вырос! – воскликнула она, обнимая высокого парня.

Анзор познакомил Крутова с внуком, пригласил Анвара за стол. Но тот отказался:

– Меня командировала бабушка. Сказала, чтобы ты привёз тётю Каринэ. Вот я за ней приехал..

– Ничего не помнит наша бабушка! Я же звонил, сказал: завтра у Каринэ встреча со студентами! Сказал, завтра сам привезу! Ну, раз приехал, пригласи тётю танцевать! Мы для неё слишком старые!

– Давай, парень! Не робей! Были и мы когда-то чудаками! – подбодрил Анвара Крутов.

– С удовольствием, – сказал Анвар, подойдя к ней, пытаясь скрыть некоторую робость.

– Мои дети очень любят её, – заговорил Анзор, когда закрылась дверь. И грустно добавил, – Приезжает только редко. Ничего не рассказывает, не жалуется. А я понимаю, что живёт тяжело. Говорю, не живи одна. А она: «раньше надо было уму-разуму учить». И смеётся. Давайте, ребята, пока Каринэ танцует, выпьем за неё!

Выпили. Она вернулась в кабинет одна. Раскраснелась:

– Ох, давно не танцевала! Анвар псехал домой. А что вы такие смурные сидите?

– А мы, Кира, вспоминаем, какими были молодыми и глупыми. Я-то ещё куда ни шло. А вот Вадька с Анзором, оказывается, до сих пор такие!

Ей показалось, будто что-то изменилось в её отсутствие. То ли успокоились, то ли совсем опьянели? Немного отдышавшись, сказала:

– Ну, кто самый смелый? Ещё три танца я точно выдержу!

– Я – только один, – ответил Анзор и поднялся из-за стола.

Оркестр заиграл медленный вальс.

– Я же не шучу. Пузо мешает, правда! Будешь смеяться, да?

– Не болтай, – она ласково улыбнулась.

И тут же подумала, что любит их, всех троих любит. Любит, как любят детей. Так ведь они и оставались почти детьми. И возраст здесь ни причём. И давно уже она любила так людей и относилась к ним как к детям. Пыталась понять их, уступала, прощала... А они нередко так и вели себя, как дети, думая, что им всегда верят, что они могут легко провести её, и она ни за что не догадается. А если даже догадается, то уже ничего нельзя будет изменить. Они шкодили, будто испытывая её терпение. Гораздо реже привязывались, старались быть внимательными, звонили, писали, поздравляли. Но такие встречались всё реже и реже. Таким был Анзор – друг детства.

Они танцевали, тихо разговаривали. Разговаривали все вокруг, и на них никто не обращал внимания.

– Хорошие у тебя, Каринэ, друзья. Правда, Максимилиан немножко надменный какой-то, что ли?

– Знаешь, Зорик, у него очень непростая жизнь. И работа. Много разочарований. Жена умерла. Детище своё – гимназию – не на что содержать, да и проблем с учениками хватает. Похоже, и собственные дети не оправдали его надежд.

– Ну, дорогая, Вадим тоже овдовел. И тоже с детьми у него со своими проблемы. Но он очень добрый человек. А как сотрудник вообще незаменимый.

– Как овдовел?! Что ты такое говоришь?!

– Как? Вот так! Причём, недавно. И вот, после этого он попал к нам. Жамал не хотел его брать, но я настоял. Понял, какой человек. И ещё – очень даже исполнительный. А ты давно, видать, не встречалась с ним. А он мне сегодня показал твою фотку. Носит при себе! Да, вот так....

– Я со всеми одноклассниками, можно сказать, потеряла связь. И многого не знала.

Они пританцевали к тому месту, где находился оркестр. Гитарист громко поздоровался и, улыбаясь, сказал:

– Знаем! Помним! Любимое «Арабское танго» для Карины Самировны!

Анзор кивнул. Зазвучало танго, и они медленно вернулись в круг.

– Знаешь, Каринэ, я поеду на работу к Максимилиану. Посмотрю, как там и что? И постараюсь немножко помогать. Надо телефон записать.

– Спасибо! Спасибо тебе, друг мой дорогой!

– Да вот ещё. Ты не обижайся, пожалуйста. У меня были твои визитки, несколько штук. Я им подарил. Не обижаешься? Они тебя любят, ревнуют до сих пор. Это не скрещь.

– А ты? Не ревнуешь?

– Я? Я ведь уже старый!!!

Он крепко обнял её и чмокнул возле уха.

Подходя к кабинету Анзора, они остановились в недоумении. Два пьяных голоса пытались петь, нечленораздельно произносили слова, но тут же прекращали пение и начинали спор:

– Ты не знаешь! Это неправильно! Надо «Шутки морские порою бывают жестоки...»

– Нет, это ты неправильно поёшь! Правильно: «*Шутки морские бывают порою жестоки...*»

– Ты – балда! Пой, как надо! Давай!

И они опять затягивали знакомую ей песню, но, споткнувшись на третьем слове, снова затевали спор.

– Ну, что мы здесь стоим? Пойдём, – позвал её Анзор.

– Подожди! Это же одна из свияжских песен! Как они вспомнили?

– Пойдём-пойдём! Нехорошо стоять под дверью своего кабинета!

Они вошли, и тут же Крутов и Вадим стали просить её помочь разрешить спор. И снова затянули песню, опять-таки не совпали и заспорили. Она быстро нашла выход:

– Да вы что же? Забыли? Мы пели и так, и так! Всё правильно!

– Вот видишь, – воскликнули радостно оба разом.

Графин был пуст. Значит, пора прощаться.

Анзор предложил Вадиму поехать к нему:

– Поедем, Вадик! Арусяк будет рада. А Максимилиану ехать ещё дальше и в другую сторону. Я найду ему машину. Сейчас позвоню. А ты, Каринэ, устала. Тебе надо отдохнуть...

– Кира, тебе можно будет позвонить? Может, приедешь как-нибудь ещё. Поедем к Вадьке на дачу. Будем его раскулачивать, – Крутов подтолкнул Вадима.

– Конечно, звоните. Я редко сюда приезжаю. Но всё равно. И ты, Вадик, звони.

– Ну, я надеюсь завтра увидеть тебя. Или ты сразу после встречи поедешь в гости?

– Да, сразу. Встреча в институте продлится где-то до двух примерно. Как, Анзор? Мне вернуться сюда? Или ты заедешь за мной...

Содержание

К читателю	3
Глава первая Мой Есенин	7
Глава вторая Решение. Знакомство на вокзале. «Куда путь держим?»	12
Глава третья «Речной трамвайчик». Морская болезнь. Одноклассник. Здравствуй, загадочный остров! Трудный разговор	20
Глава четвёртая Экскурсия. Лёля. Знакомство с завучем	29
Глава пятая Обед. В школьном саду. На пристани. Тень. Не-так. Не-так	36
Глава шестая Объяснение в любви. Прогулка под дождём. Роковой треугольник	44
Глава седьмая Диалоги в столовой. Марина. Глупая выходка. Ссора с Вадимом	51
Глава восьмая Две умницы. Динара Имашева. Письмо	56

Глава девятая Ася. Слухи и домыслы. Предупреждение Флоры. Мечь	65
Глава десятая Новогодняя почта. Разговоры перед праздником. Мастерская Деда Мороза	73
Глава одиннадцатая «Средь шумного бала». Новогодние послания. Танцы	79
Глава двенадцатая Света и Стас. Свидание в музыкальной. Возвращение в зал	86
Глава тринадцатая Перед каникулами. Свидание в учительской. Предложение	95
Глава четырнадцатая Преодоление пути. На станции. Поехали...	101
Глава пятнадцатая «Балет на льду». Шталь. Встреча с доблестной милицией	108
Глава шестнадцатая «Вот её деревня...». «Ой, мороз! Мороз!»	114
Глава семнадцатая «В лесу родилась ёлочка». Кто заказывает музыку? Герасим. Слепой скрипач	121

Глава восемнадцатая В кабинете директора. Встреча с Алексеем Фёдоровичем. Сюрпризы и подарки. Новость	130
Глава девятнадцатая Репетиции и занятия. «Нарисовалась». Знакомство с одноклассницей. «Цветы». Новость по секрету	141
Глава двадцатая «...Вкусившая благого глагола Божия»	156
Глава двадцать первая Сарафанное радио. Представление. Провал или – успех?	163
Глава двадцать вторая Плач Вячеславны. Ещё о комсомоле. Посещение больного	175
Глава двадцать третья Утренние признания. Сюрприз от завуча. Новое платье!!!	183
Глава двадцать четвёртая Сборы и прощание. Подарок для подруги. Каратун и Химмаш. Гульфиза Зариповна	191
Глава двадцать пятая В купе. Ленинград. Знакомства. Встреча с подругой	205
Глава двадцать шестая Перепалка. Помощь тёзки. Выступления. Знакомство с жюри	217

Глава двадцать седьмая	233
Экскурсия. Болею. Приключение в пути. Авочка и её откровения	
Глава двадцать восьмая	
Общешкольная линейка. Урок физики. Разговор с завучем и – картина. Песня. Одиннадцатый класс	247
Глава двадцать девятая	
Весна и её хлопоты. Подготовка к экзаменам и – экзамены. Старые письма	264
Эпилог	274

Литературно-художественное издание

Роза Ахтямова

СВИЯЖСК – ОСТРОВ ЛЮБВИ

**Ответственный редактор -
Оксана Трофимова
Дизайн и вёрстка -
Дарья Харитонова**

Подписано в печать 28.05.2019 года.

Шрифт - Times New Roman

Тираж - 100 экземпляров

Агентство печати, дизайна и копирайта

«ЦИТРУС»

www.propechat.kz

По вопросам распространения обращайтесь:

+7 921 271 9842

ISBN 978-601-06-5763-2

9 786010 657632